Коми республиканская академия
государственной службы и управления
(ГОУ ВО КРАГСиУ)

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА
И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ СЕВЕРНОЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Сборник статей

Сыктывкар ◆ ГОУ ВО КРАГСиУ ◆ 2016

УДК 304.4(470.13)
ББК 71(Коми)
С69

Ответственный редактор:

А.А. Попов – д-р ист. наук, проф., учёный секретарь по международному научному сотрудничеству и координации Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Редакционная коллегия:

И.И. Баженов – канд. физ.-мат. наук, доцент, проректор по научной работе и информатизации ГОУ ВО КРАГСиУ; ***И.Л. Жеребцов*** – д-р ист. наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; ***И.И. Ластунов*** – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории государства и права ГОУ ВО КРАГСиУ; ***С.А. Попов*** – канд. ист. наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (секретарь); ***М.В. Таскаев*** – канд. ист. наук, зав. сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; ***А.Н. Турубанов*** – д-р ист. наук, проф., гл. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; ***Н.А. Нестерова*** – канд. ист. наук, председатель Комитета по законодательству и местному самоуправлению Государственного Совета Республики Коми; ***И.А. Тюкавина*** – канд. ист. наук, доцент кафедры управления информационно-документационными и социально-политическими процессами ГОУ ВО КРАГСиУ.

С69 **Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми):** сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2016. – 286 с.
ISBN 978-5-93206-354-5

В сборнике статей, подготовленном по материалам симпозиума «Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми)», прошедшего в рамках Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Стратегические приоритеты в управлении природно-ресурсным потенциалом Европейского Северо-Востока и зоны Арктики», рассмотрены социально-экономические, политические и демографические факторы культурной динамики северного региона за значительный хронологический период – с XV по начало XXI века.

Издание осуществляется при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми (проект № 16-13-11501 г(р)).

УДК 304.4(470.13)
ББК 71(Коми)

ISBN 978-5-93206-354-5

© ГОУ ВО КРАГСиУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Савтенко Е.В. Управление процессом сохранения традиционной культуры коренного населения Республики Коми 6
Мацук М.А. Русская Православная Церковь и образование (грамотность) в Коми крае (XV–XVII века) 10
Сморгунов В.В. Особенности формирования чиновничьих династий в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (на примере Усть-Сысольского уезда) 17
Хайдуров М.В. Церковное летописание о религиозной жизни в Коми крае XIX – начала XX вв. 26
Лимерова В.А. Образ зырянской столицы в местнооописательной прозе Коми края (по материалам региональной печати XIX – начала XX века) 37
Лейман И.И. Система путей сообщения в Коми крае середины XIX в.: географический и природно-климатический аспекты (по материалам Военно-статистического обозрения Российской империи) 52
Силин В.И. К истории географических исследований Европейского Северо-Востока во второй половине XIX века 61
Попов С.А. Правовые аспекты делопроизводства крестьянского самоуправления XIX – начала XX в. (на материалах Вологодской губернии) 78
Ластунов И.И. Социальная деятельность Усть-Сысольского уездного земства (ноябрь 1917 – январь 1918 г.) 89
Колегов Б.Р. Трансформация социально-культурной среды г. Усть-Сысольска. 1918–1921 гг. (по материалам республиканских газет) 96
Нисковская М.И. Газета «В зырянском краю» как исторический источник периода гражданской войны 105
Попов А.А., Кауппала П. Новая советская национально-языковая политика в Карелии и Коми в условиях НЭПа: карелизация/финизация и зырянизация 113
Каракчиев В.Н. Работа драмкружков в волостях Коми АО в 1920-е гг. (по материалам отчётов волисполкомов) 123
Таскаев А.М. Уровень грамотности Ижмо-Печорского уезда Коми автономной области по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года 129

Доброноженко Г.Ф. Детский дом и его обитатели: социальный портрет детдомовца в 1930-е гг. (на материалах Коми области) 134
Зайнапов А.Г. Жилищно-бытовые условия и благоустройство советского провинциального города в условиях сталинской модернизации (на материалах г. Усть-сысольска/Сыктывкара) 140
Игнатова Н.М. Комплектование клубных и школьных библиотек в спецпосёлках Коми области в 1930-е гг. 147
Нисковский А.А. Исторический опыт среднего профессионального образования СССР в 1930-е гг. (на материалах Республики Коми) 165
Мацук А.М. Развитие системы средних специальных учебных заведений социального блока на Европейском Севере СССР (1950–1980-е годы) 171
Таскаев М.В. История региональной национальной элиты в XX в.: к постановке проблемы (на материалах Республики Коми) 181
Турубанов А.Н. Общекультурный облик работников индустриального труда Республики Коми в XX веке: обзор источников 185
Линкова Н.Ю., Попов А.А. Периодическая печать Коми АССР о развитии регионального телевидения (обзор источников за период конца 1950-х – первой половины 1970-х гг.) 190
Гагиева А.К. Исторический опыт формирования системы непрерывного профессионального образования в России в XX в. (на примере отраслевого кооперативного образования) 198
Безносова Н.П. Перепись населения 1959 г. об образовательном уровне населения Коми АССР 203
Лыюров А.А. Роль гражданского общества в экологическом просвещении населения Республики Коми 213
Козлова Д.Т. Театральное сообщество Республики Коми: потери и обретения (1948–2010 гг.) 221
Жеребцов И.Л. Исследования этнодемографических процессов на Европейском Северо-Востоке России в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН 245
Нестерова Н.А. Этноязыковая ситуация у финно-угорских народов Европейского Севера России 261

Линкова Н.Ю. Телевидение Республики Коми
(середина XX – начало XXI в.: этапы развития) 266
Рожкин Е.Н. Становление и развитие программного
управления государственной национальной политикой
на Европейском Северо-Востоке Российской Федерации
в конце XX – начале XXI в.: основные этапы 278

УДК 353:39(470.13)

Е.В. Савтенко,
министр национальной политики Республики Коми

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

В условиях многонациональной России Республика Коми, как и любой другой российский регион, представляет собой уникальный вариант этнокультурного пространства со своим историческим опытом, богатыми этнокультурными традициями, культурным ландшафтом.

Региональные и локальные особенности республики, её этнокультурные феномены составляют основу деятельности центров коми и национальных культур, которых в республике насчитывается более 20. Один из них расположен в районе Заполярья. Центр национальных культур в г. Воркуте – активный проводник культурного наследия коренных малочисленных народов, а также коми-ижемцев, хотя и не относящихся к малочисленным народам, но ведущих аналогичный им образ жизни и занимающихся традиционным видом хозяйственной деятельности – оленеводством. Всем в республике известна ежегодная Спартакиада народов Севера, где обязательными элементами являются национальные виды спорта и конкурс национального костюма. Появляются и новые формы: организация кукольных спектаклей в факториях оленеводческих хозяйств Государственным воркутинским театром кукол, мастер-классы известного в республике художника Юрия Лисовского по рисованию для детей ненцев, в 2016 г. они прошли на о. Вайгач Ненецкого автономного округа, став межрегиональными.

Проводником коми культуры и своеобразным образцом этнокультурной деятельности является Центр коми культуры г. Сыктывкара, отмечающий в 2016 г. свой 15-летний юбилей. Визитной карточкой центра стали республиканские проекты Фестиваль современной коми песни «Койташ» и «Коми КВН».

На новых площадках Дома дружбы народов Республики Коми планируется открытие Дома национальной и этнической моды. Уже стали хорошо известны проекты «Этнокультурная школа “Республика Коми – наш общий дом”», Межрегиональный фестиваль «Шкатулка самоцветов».

© Савтенко Е.В., 2016

Формами государственной поддержки традиционной этнической культуры, зарекомендовавшими себя, по линии Министерства национальной политики Республики Коми стали:

1) конкурсный отбор малых проектов в области этнокультурного развития народов, проживающих на территории Республики Коми;

2) субсидии национально-культурным автономиям и общественным движениям на реализацию проектов в области межнациональных отношений;

3) республиканские конкурсы в сфере межнациональных отношений.

Особо отмечу практику последних лет по финансированию малых проектов в области этнокультурного развития народов, проживающих на территории Республики Коми, поскольку получателями субсидий из республиканского бюджета здесь выступают муниципальные образования. За 2 года поддержано 15 проектов на общую сумму 3,2 млн рублей. Среди них много национальных праздников в сёлах республики. Отрадно, что некоторые из них вышли за узколокальные рамки и охватывают не только муниципалитеты, но и российские регионы.

Географическая удалённость Республики Коми позволила коренным этносам во многом сохранить в национальных праздниках традиции и обычаи, в которых обнаруживают себя их представления об окружающем мире и верования. В целом в республике сформирован событийный ряд, составляющий качественную основу для развития этнографического туризма.

Усть-Цилемская горка знаменита своими самобытными хороводами, сохранившимися с глубины веков. «Горку» водят на Иванов день (6 июля) и Петров день (12 июля). Горочный фольклор составляет 17 аутентичных уникальных песенных сюжетов, подавляющее большинство которых принадлежит классическому русскому хороводному репертуару. В манере их исполнения до сих пор сохранились старинный диалект и интонация произношения слов нараспев.

Праздник коми-ижемцев «Луд» (Луг) проводится в начале июля, в канун начала сенокосной страды, и включает в себя ряд обрядов и элементов праздника. Это «Хоровод невест», где молодые девушки представляют не только народный костюм, но и знание традиционной культуры; показательные выступления спортсменов по национальным видам спорта (прыжки через нарты, метание аркана и тынзея). Праздник также отличается конными верховыми скачками, которые собирают более 100 всадников. Эти соревнования – трансформация традиции прогона табуна лошадей перед гулянием. Таким образом подминалась трава и выравнивалось место гуляния, «дабы красавицы-ижемки не подвернули ножки и не замочили подолы сарафанов».

Назову также республиканский **праздник «Вöралысьяслöн гаж» (Праздник охотника)**, который проводится в сентябре в дер. Еремеево Троицко-Печорского района и связан с открытием осеннего периода охоты. **Праздники оленеводов** проходят на Севере республики – в Ижемском и Интинском районах, г. Воркуте.

Замечательным событием ежегодно становится организуемый под эгидой межрегионального общественного движения «Коми войтыр» **лыжный фестиваль на лямпах, охотничьих и гоночных лыжах «Лямпиада»** в с. Большелуг.

Праздники позволяют жителям республики приобщиться к самобытной культуре коренного коми народа в привычной среде его проживания. Их значение не только в придании сельским поселениям этноколорита, но и в их развитии. Год от года прибавляют в художественном плане и обогащаются новыми смыслами прилузский **«Луза дорса гаж»**, сысольский **«Гажа валяй»**, койгородский **«Зымгыштам»**.

Этнокультурный ландшафт Республики Коми предопределён исконным проживанием на территории коми народа, относящегося к финно-угорской группе, а также уникальной русской этнографической группой устьцилёма и коренных малочисленных народов Севера, прежде всего, ненцев. Незаменимым ресурсом в сфере их этнокультурного развития являются сильные национально-культурные объединения Республики Коми. Судьба родного языка и культуры всегда в поле зрения межрегиональных общественных движений «Коми войтыр», «Изьватас» и «Русь Печорская». Ценность природных и культурных ландшафтов состоит в первую очередь в том, что они демонстрируют живую культуру коренных народов. Гармоничность ландшафта определяется стремлением местных сообществ к занятию традиционными видами хозяйственной деятельности, рациональному природопользованию и защите исконной земли проживания. Для отстаивания своего права на соуправление территориями межрегиональные национальные движения используют площадки съездов, ежегодных конференций коми народа, совещательных органов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Практика Министерства национальной политики Республики Коми и Дома дружбы народов Республики Коми подтверждает эффективность конкурсов в сфере межнациональных отношений и этнокультурного многообразия нашей республики. Наиболее известным и востребованным стал конкурс проектов в области государственной национальной политики «Этноинициатива». За последние 3 года количество участников составило около 80 человек, объём поддержки из республиканского и федерального бюджета – 1,5 млн рублей. Среди реализованных проектов – «Серебро ку-

пальничи» по сохранению песенной традиции коми-ижемцев, «Батролӧн ордым» (Тропа Батро) по мотивам преданий об ижемском охотнике Батро (Ижемский район), фестиваль ремёсел народов Республики Коми «Сила традиций» (Сыктывкар) и многие другие.

Линейка конкурсов всегда совершенствуется: в 2016 г. это «Рӧдвуж», предназначенный для проживающих за пределами Республики Коми диаспор, республиканский конкурс по национальным семейным обрядам, конкурс «Моя этническая родина».

Мегапроектами по продвижению традиционной культуры коренных этносов всегда выступают юбилейные даты самой республики. Не стало исключением и празднование 95-летия со дня образования Республики Коми в 2016 г. – начиная с создания логотипа праздника с использованием национального коми языка до ключевых событий августа празднование было основано на лучших образцах традиционного творчества.

В связи с чем считаем необходимым разработку и реализацию проекта по брендированию территории Республики Коми. Брендирование региона направлено на повышение узнаваемости республики, степени удовлетворённости населением местом своего проживания, позиционирование региона на рынке, что, в свою очередь, способствует привлечению инвестиций, квалифицированных трудовых ресурсов, туристических потоков, уменьшает миграционный отток населения из республики, содействует продвижению товаров и услуг на внутреннем и российском рынках. Качественный бренд должен основываться на традиционной культуре и находить положительный отклик у населения, тем самым работая на сохранение единого для республики и России культурного пространства.

УДК 27+37.01(470.13)“14/16”

М.А. Мацук,
д-р ист. наук, зав. лабораторией археологии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБРАЗОВАНИЕ (ГРАМОТНОСТЬ) В КОМИ КРАЕ (XV–XVII века)*

Христианизация застала коми на стадии отсутствия письменности и литературы. Переход от язычества к православию сопровождался цивилизационной революцией [1], в результате которой коми вошли в состав христианских народов Европы в целом и России в частности. Одним из аспектов нового культурного миропорядка коми стало появление своей интеллигенции в лице духовенства, обязательными атрибутами которой были грамотность и книжность.

Первый епископ Пермский – святой равноапостольный Стефан – не только создал азбуку для пермян, но и ввёл в богослужение Русской Православной Церкви практику службы на пермском (коми) языке. Поэтому при создании епархии одной из главных задач епископа Стефана была подготовка священников и других клириков, владевших коми языком как языком богослужебным и письменным. По церковной легенде, имеющей, на наш взгляд, прочные исторические основания, святитель Стефан создал в своей епископской резиденции в Усть-Выми школу по подготовке священно- и церковнослужителей.

Кто составлял контингент учащихся этой школы? Несомненно, абсолютное большинство учеников являлись природными коми. Не сохранилось никаких свидетельств о программе обучения, поэтому нам приходится прибегать к методу реконструкции, опираясь на общепринятые в Православной Церкви образовательные каноны. И такой метод позволяет с уверенностью говорить о том, что речь не шла лишь об элементарном изуче-

© Мацук М.А., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)» (проект № 15-13-6-24).

нии азбуки и получении навыков письма на древнекоми языке. Не только священник, но и псаломщик (церковный дьячок) и пономарь должны были (1) читать и заучивать тексты Священного Писания, (2) объяснять прихожанам смысл прочитанного в силу своей подготовленности.

Первая составляющая грамотности – писать, читать и заучивать тексты Священного Писания – достигалась в результате традиционной для того времени методики обучения – повторения за учителем и переписывания текста. По словам Епифания Премудрого, святитель Стефан «**петие и перепеваа** и перелагаа и **писати научая** их пермские книги; и сам спомогаа им, переводящее с русских на пермские книги, и сиа передасть им. И так оттоле **друг друга учаху грамоте, и от книг книгу переписующе**, умножаху, испольняюще» (выделено нами. – *М.М.*) [2]. То есть в школе ученики: 1) изучали пермскую азбуку и получали навыки письма на этом языке; 2) вслед за учителем повторяли отрывки из церковной службы, заучивали их текстуально и в соответствии с канонами учились воспроизводить их в технике или говорения, или пения. Практические занятия по пермскому письму сводились к переписыванию отрывков текстов Священного Писания или, что более вероятно, Божественной литургии и других церковных служб.

Мы не знаем, сколько времени просуществовала школа, основанная святителем Стефаном. Из текста Епифания Премудрого ясно лишь то, что освоившие грамоту передавали свои знания новым ученикам. Происходило это в рамках деятельности епархиальной школы или путём домашнего обучения, пока не известно. Понятно лишь одно. Если школа святителя Стефана продолжала функционировать при его преемниках на Пермской (Усть-Вымской) кафедре, то её история закончилась в середине XVI в., когда епископская кафедра была переведена из Усть-Выми в Вологду (1564) [3]. К этому времени церковная служба в Коми крае уже, вероятно, проводилась не на древнепермском, а на церковнословенском* языке, как и во всём Московском государстве. Древнепермский язык в качестве богослужебного языка сохранялся лишь в некоторых церквях края. Причём тексты на этом языке сохранялись в церковной практике только в качестве раритетной, в определённом смысле даже фольклорной традиции в общей, произносимой на церковнословенском языке службы (например, молитвы за упокой). В частности, Г.С. Лыткин утверждал, что такая практика сохранялась ещё в XVIII столетии в с. Вотча [4].

Гораздо сложнее вопрос о том, кто и как обучал в Коми крае XV–XVII вв. будущих священнослужителей объяснять прихожанам смысл прочитанного отрывка из Евангелия или прочитанного (пропетого) псалма,

* Термин используется в авторской редакции.

какие-то моменты церковной истории и географии. Нам не известен ни один документ, в котором был бы дан ответ на этот вопрос. Напрашивается следующий вывод: при подготовке к рукоположению в сан священнослужителя кандидат на должность у своего приходского священника (зачастую родственника), а возможно и позднее, при дворе правящего архиерея, получал какую-то дополнительную информацию по данному сюжету.

Нет достоверного ответа и на вопрос о существовании при приходских храмах в XV–XVII вв. каких-либо школ. Вероятно, обучение грамоте велось в домашних условиях. Л.Н. Жеребцов предположил, что «после закрытия школы, созданной Стефаном Пермским, обучение грамоте велось путём индивидуального ученичества» [5]. Поскольку владение грамотой рассматривалось с чисто утилитарной позиции, постольку грамотные люди в основном сосредоточивались первоначально в слое священно- и церковнослужителей.

Обратимся к вопросу о численности священно- и церковнослужителей. Известно, что современная территория Республики Коми в XVII в. входила в состав Яренского, Пустозерского и Сольвычегодского уездов. Полные документы по всей территории Яренского уезда относятся к началу XVII столетия (Писцовая дозорная книга Яренского уезда 1608 г.), по Лузской Пермце Сольвычегодского уезда – к 1620 г. (Писцовая книга Сольвычегодского уезда 1620 г.), по Усть-Цилемской и Ижемской слободкам Пустозерского уезда – к 1679 г. (Переписная книга Пустозерского уезда 1679 г.).

Итак, в 1608 г. в Яренском уезде было 35 приходов, включая монастырские. На территории Коми края – 24 прихода. В храмах этих приходов служили 24 священника и 1 диакон. Кроме того, в храмах были церковнослужители, в силу профессиональной квалификации обязанные знать грамоту (т.е. умевшие читать и писать), – церковные дьячки и пономари. Таким образом, в Яренском уезде (коми земли) в 1608 г. было более 70 грамотных священно- и церковнослужителей. В 1696–1697 г. в уезде было уже 55 приходов. В коми землях Яренского уезда – 39 приходов. Здесь служили 41 священник и 2 диакона, а также 39 церковных дьячков и 39 пономарей, т.е. всего 121 священно- и церковнослужитель. В Лузской Пермце с 1620-х гг. было 5 приходов, где служили 5 священнослужителей, 5 церковных дьячков и 5 пономарей, т.е всего 15 человек. В Усть-Цилемской и Ижемской слободках Пустозерского уезда было 2 прихода. В них было 4 священника (включая вдового попа), 2 пономаря и церковный дьячок – всего 7 человек. Если предположить, что в самом конце XVII столетия в слободках Пустозерского уезда и приходах в Лузской Пермце сохранилось такое же положение, то численность грамотных священно- и церковнослужителей в крае составит более 140 человек.

С середины XVI в. в Коми крае, как и на всём Русском Севере, была введена система местного самоуправления. Одним из должностных лиц волостного местного самоуправления являлся дьячок, который вёл делопроизводство волостной общины. Иногда волостной дьячок параллельно являлся церковным дьячком или пономарём. Однако к концу XVII в. уже достаточно много волостных дьячков (около 20 человек) не были связаны работой в приходских храмах.

В XVII столетии в крае появляются грамотные люди, не являющиеся священно- и церковнослужителями и профессиональными волостными дьячками. Таких людей было немного. По данным Н.В. Устюгова и Н.П. Воскобойниковой, в Сысольских волостях в 1707 г. представители лишь 29 крестьянских дворов из 1 713 были грамотными. Причём грамотными были как богатые, занимавшиеся торговыми операциями и много путешествовавшие по стране, так и бедняки [6]. Интересно, что в некоторых волостях было несколько взрослых грамотных крестьян. Так, в Ибской волости данные церковной переписной книги 1696–1697 гг. подписали прихожане Ларион Мурашов, Афанасий Попов, Степан Мальцев и Никон Тюрнин; в Глотовой слободе подписали прихожане Анисим Миронов и Юрий Андреев [7]. Несомненно, грамотность этих прихожан была тесно связана с местной церковью и её священно- и церковнослужителями. На наш взгляд, именно там находились учителя, передававшие свои знания крестьянским детям.

Кроме умения читать и писать Церковь передавала простым людям большой объём знаний, причём всему приходскому сообществу от мала до велика. Нам уже приходилось говорить о том, что христианизация сделала пермян письменным народом. И именно она (христианизация и позднее – Церковь) познакомила пермян с книжной культурой. По данным Б.Н. Морозова, в XV в. в Усть-Выми при дворе епископов Пермских действовала книгописная мастерская. Книга была непременным атрибутом православных богослужений, и, вероятно, коми быстро привыкли к ней.

Христианизация совершила революцию в своём представлении пермян о мире. Узколокальные знания о своей территории и некоторых соседях близлежащих земель (других группах коми, манси, русских (новгородцах, устюжанах), татарах, возможно, ненцах), которые имели пермяне, будучи язычниками, были дополнены знаниями из всемирной географии и истории. Пермяне вычегодские и сысольские из Священного Писания и житий некоторых святых узнали о существовании Иудеи, Галилеи, Самарии, Египта, Вавилонского царства, Римской и Византийской империй, Греции, Эфиопии, Индии, Киевской Руси, Грузии, Армении и т.д., а также о достопримечательностях ряда стран: Иерусалимском храме, римском Ко-

лизее, афинском ареопаге и др.; о существовании морей, островов, о великих реках и горах; о невиданных животных и растениях, о некоторых народах, населяющих Землю.

Из богослужебных книг и житийной литературы пермяне узнали о существовании мировой истории: египетских фараонах, римских кесарях, правителях отдельных территорий Римской империи, иудейских царях, Пророках, судьях и первосвященниках иудейских и т.д.; в них они ознакомились с наиболее важными фактами Священной истории – жизнью и деяниями Христа Спасителя, Его Пречистой Матери, апостолов, праотцев и патриархов иудейских.

Трудно оценить колоссальный объём новых знаний, полученных обученными в епархиальной школе церковными клириками и простыми прихожанами – пермянами. Причём объём этих знаний постоянно увеличивался за счёт освоения истории Русского государства и введения в постоянный богослужебный оборот новых богослужебных книг и житий святых [8].

Говоря о грамотности и книжности коми населения, нельзя забывать об одном весьма важном моменте, отмеченном нами выше. А именно: переходе грамотного населения, в первую очередь церковных клириков, с пермского письменного языка на церковнославянский и в определённой мере русский языки, как языки, бытовавшие в то время в Русской Православной Церкви. Как указывалось выше, это произошло, вероятно, в первой половине – середине XVI столетия. И с середины этого же века в среду грамотных и неграмотных коми, занимавших должности в органах местного самоуправления, вторгается необходимость знания русского языка как языка делопроизводственного. В XVII столетии, и тем более в последующие века, значительная часть коми населения становится двуязычной. Какова же роль Русской Православной Церкви в русифицированном образовании коми людей? На наш взгляд, роль Церкви можно определить как главенствующую. Именно через Богослужение, проводившееся на церковнославянском и частично русском языках, эти языки проникали в толщу коми населения.

Выше говорилось о колоссальном расширении знаний коми в области истории, географии и других дисциплин. Необходимо иметь в виду, что образовательный аспект, связанный с книжностью, в указанное время также переходит на русский и адаптированный церковнославянский языки. Для пояснения этой мысли обратимся к вопросу о переводческой деятельности святителя Стефана Пермского и его преемников на Пермской (Усть-Вымской) кафедре. Из сочинения Епифания Премудрого мы знаем, что Стефан Пермский перевёл на пермский (коми) язык тексты Божественной

литургии и, вероятно, некоторых других наиболее важных церковных служб (например, заупокойной). А. Лебедев писал, что святитель Стефан перевёл на пермский язык часослов, Псалтырь, избранные чтения из Евангелия, Апостола (книгу «Деяния святых Апостолов». – *М.М.*), паремии, октоих, Литургию [9]. На чём основывался А. Лебедев в своем утверждении, кроме традиции церковного богослужения, неизвестно. В этой связи можно согласиться с З.И. Кузнецовой, отметившей: «Трудно сказать, какие именно книги переводил (святитель) Стефан, т.к. до наших дней из древнепермской письменности мало что сохранилось» [10]. Ещё более трудный вопрос – продолжалась ли практика перевода на древнепермский язык различных церковных текстов преемниками святителя Стефана? Нет никаких документальных свидетельств этой деятельности. В течение полутора столетий могло существовать немного (конечно, самых важных для совершения Богослужений) отрывков из текстов Ветхого и Нового Заветов, житийной и иной литературы на пермском языке. С переходом же коми на русскую грамотность и книжность перед ними открылись очень большие возможности пополнения своих знаний.

Таким образом, Русская Православная Церковь сыграла громадную роль в приобщении коми к начаткам грамотности и книжности, в превращении древних пермян в народ коми, вошедший в европейскую и мировую христианскую цивилизацию.

* * *

1. *Мацук М.А.* Создание Пермской (Усть-Вымской) епархии, включение Коми края в состав Московского государства и цивилизационная революция народа коми // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2013. – № 4 (24). – С.11–18.

2. Цит. по: *Кузнецова З.И.* Обзор памятников коми письменности XVIII в. // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1958. – Вып. 4. – С.213.

3. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1958. – Вып. 4. – С.266.

4. *Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. – СПб., 1889. – С.71 (Примечание).

5. См.: История Коми АССР с древнейших времён до наших дней. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1978. – С.112.

6. *Мацук М.А.* Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Очерки истории коми крестьянства конца XVI–XVII вв. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1993. – С.139.

7. *Воскобойникова Н.П.* Церковные приходы Яренского уезда по переписной книге городских и уездных церквей Устюжской епархии 1696/97 г. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 2 (18).– С.69, 82.

8. *Мацук М.А.* Создание Пермской (Усть-Вымской) епархии, включение Коми края в состав Московского государства и цивилизационная революция народа коми // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий… – С.15–16.

9. *Лебедев А.* Святой Стефан, епископ Пермский // Вологодские епархиальные ведомости. – 1896. – № 12.

10. *Кузнецова З.И.* Указ. соч. – С.213.

УДК 93

В.В. Сморгунов,
мл. научный сотрудник
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИНОВНИЧЬИХ ДИНАСТИЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (на примере Усть-Сысольского уезда)

В процессе реализации правительством Екатерины II губернской реформы 1775 г. в России произошли серьёзные изменения на уровне уездов – возникла целая система уездных государственных учреждений. В уездах страны появилась значительная прослойка профессиональных чиновников, ставших представителями власти и проводниками государственной политики на местах. Бóльшая часть успеха при проведении реформы – это, прежде всего, люди – персонал, подобранный для выполнения тех или иных полномочий и функций, поэтому важно, кем замещались открывшиеся вакансии. В начале прошлого столетия И.М. Страховский справедливо отмечал, что эффективность местного управления, как бы правильно оно ни было организовано, будет «всегда зависеть от того, какие служилые люди наполнят местное учреждения»: «То или иное административное устройство является только более или менее удобной, вспомогательной формой для деятельности управления, а по существу управляют не учреждения, но люди» [1]. Изучить законодательство и понять, что хотело получить правительство в ходе тех или иных преобразований, мало, необходимо установить, к каким результатам привело осуществление этих проектов на практике. На местах, в губерниях и уездах, по-своему решали возникавшие затруднения с подбором персонала, исходя из специфики региона и имевшихся возможностей. Несмотря на значительную роль чиновников в жизни как страны в целом, так и конкретного уезда в частности, эволюция русской бюрократии до сих пор остаётся одной из самых сложных и достаточно слабо разработанных тем отечественной историографии. Несмотря на значительные подвижки в изучении бюрократии на общероссийском и губернском уровнях госаппарата, произошедшие в последнее время,

© Сморгунов В.В., 2016

бюрократия уездного уровня государственного управления если и изучается, то лишь в рамках губернского чиновничьего аппарата.

Между тем комплексное исследование состава российского чиновничества позволяет проследить изменения в организации и составе государственного управления. Особым предметом изучения остаётся выявление источников комплектования персонала государственного аппарата уездного уровня, т.к. это поможет более точно понять социальные процессы, происходившие в среде уездной служилой бюрократии, наиболее многочисленной после губернской реформы. В ходе реконструкции биографий «уездных чиновников» (под чиновниками автор понимает всех работавших в уездных государственных учреждениях) обращено внимание на достаточно быстрое превращение работы чиновника в этакое «семейное предприятие», иными словами, происходило складывание небольших династий, когда все члены семьи мужского пола служили на различных должностях. Появились «уездные служилые династии», представители которых составили значительную прослойку в местном государственном аппарате.

Целью работы стало исследование феномена появления служилых династий, когда все мужские представители семьи попадали на чиновничью службу, в конце XVIII – первой половине XIX века. Уездный уровень управления для анализа выбран не случайно. Во-первых, местный государственный аппарат самый многочисленный в XVIII веке. Во-вторых, служащие уездных органов государственного аппаратов в своей ежедневной деятельности постоянно соприкасались с населением, которое по уездным служащим и их деятельности составляло представление обо всём государственном аппарате страны. Фактически эти чиновники выполняли роль посредника между высшими эшелонами власти и народом.

Из поставленной цели вытекают следующие задачи. Во-первых, на примере Усть-Сысольского уезда проследить карьеру ряда уездных чиновничьих династий (представителей семейств Хохряковых, Клячиных и Моториных) последней четверти XVIII – первой половине XIX века. Во-вторых, на примере служебной карьеры представителей этих семейств выявить общие черты в формировании «уездных служилых династий».

При выборе персоналий для исследования учитывалось наличие массива источников, позволяющих без значительных лакун и искажений осветить служебную карьеру представителей мужского пола «уездных служилых династий» и время их возникновения, т.е. время с момента появления в городе первого представителя династии до поступления на службу его детей. В данном случае речь идёт о конце XVIII – начале XIX века.

Первым представителем семейства Хохряковых в уездном Усть-Сысольске стал **Иван Иванов сын Хохряков** (ок. 1765 – после 1831). В Усть-

Сысольске с 1786 г., происходил из церковно-служительских детей, холост. Послужной список его краток: 20 июля 1784 г. начал работу сторожем в Яренской нижней расправе, с 26 февраля 1786 г. переведён на должность переплётчика в Усть-Сысольский нижний расправный суд [2], где работал вплоть до ликвидации Усть-Сысольской нижней расправы в 1797 г., после чего переведён в Усть-Сысольский уездный суд, где опять работал низшим служителем, совмещая должности переплётчика и сторожа [3]. Промышлял мелкой торговлей, часто выступая для суда поставщиком ниток и чернил. С 14 февраля 1803 г. И.И. Хохряков переведён на должность счётчика в Усть-Сысольское уездное казначейство. К 1809 г. – отец многочисленного семейства: жена Матрона Львова, 40 лет; дети: холостой копиист Степан, 18 лет; Яков, 10 лет; Параскева, 13 лет и 2-годовалая Марфа [4]. К 1826 г. прекратил работу, скончался около 1831 года.

Старший сын И.И. Хохрякова **Степан** (1790–1828). В Усть-Сысольске со дня рождения. Первая должность – переплётчик Усть-Сысольского уездного суда (с 26 ноября 1803 г.), которую практически сразу, как и отец, стал совмещать с обязанностями сторожа. После обучения грамоте, освоенной им в процессе работы переплётчиком, подал прошение на перевод в Усть-Сысольский нижний земской суд приказным сверх штата. С 21 декабря 1808 по 1819 г. С.И. Хохряков – канцелярский служитель в Усть-Сысольском нижнем земском суде. Первое звание С.И. Хохрякова – копиист, в 1811 г. подканцелярист. В 1820 и 1821 гг. канцелярист С.И. Хохряков являлся Усть-Сысольским винным приставом. С 1822 г. коллежский регистратор С.И. Хохряков – Усть-Сысольский уездный казначей. На 1822 г. семейное положение: жена Катерина Васильева, 28 лет; брат его, канцелярист Яков, холост, 23 года; отец их, счётчик Иван Иванов, вдов, 57 лет; дочери его, девицы Параскева 28 лет и Марфа, 14 лет [5]. В 1828 г. губернский секретарь С.И. Хохряков скончался.

Хохряков Яков Иванов сын (ок. 1799 – после 1857), младший сын И.И. Хохрякова. В Усть-Сысольске со дня рождения. Минимум до 1815 г. значился при отце, в 1816 г. – копиистом, в 1817 г. обозначен подканцеляристом, в 1818–1822 гг. – канцеляристом, в 1823 г. – как губернский регистратор. С 1824 по 1851 г. коллежский регистратор Я.И. Хохряков находился на посту Усть-Сысольского винного пристава, с 1840 г. – губернский секретарь. Семейное положение на 1839 г.: женат на Елене Ильиной, дочери 26 лет, имеет сына Дерминдонта 3 лет и дочь Гаианию 2 лет, с семейством проживает сестра его, девица Параскева Иванова, 40 лет. В 1840 г. титулярный советник Я.И. Хохряков продал имевшийся в его распоряжении деревянный дом. С 1843 г. титулярный советник, с 1849 г. коллежский асессор Я.И. Хохряков – винный пристав Усть-Сысольского уезда. В 1852–

1858 гг. коллежский асессор Я.И. Хохряков возглавлял Усть-Сысольское уездное казначейство.

Вероятнее всего, по мужской линии род прервался, поскольку в исповедальных ведомостях с 10-летнего возраста отсутствует информация о единственном сыне Я.И. Хохрякова.

Клячин Пётр Семёнов сын, из подьяческих детей (ок. 1731–1784). С сентября 1780 г. – канцелярист Усть-Сысольского нижнего расправного суда. Семейное положение на 1780 г.: жена – Великого Устюга Троице-Гледеновского монастыря экономического крестьянина Никифора Иванова сына Кочетова дочь Фёдора Никифорова. П.С. Клячин отец 3 детей: сыновей Семёна (13 лет), находившегося в Усть-Сысольском нижнем земском суде подканцеляристом, и Александра (6 лет), которого обучает грамоте, и дочери Анны, 14 лет [6]. Согласно послужному списку принят в 1751 г. писчиком в Великоустюжскую провинциальную канцелярию, 21 мая 1756 г. становится копиистом [7]. В 1764 г. переведён в Яренскую воеводскую канцелярию, где прослужил до 1780 г., затем определён в Усть-Сысольскую нижнюю расправу подканцеляристом (дата повышения – 22 августа 1780 г.), 21 февраля 1782 г. произведён в канцеляриста [8]. В 1783 г. начальство считало его недостойным к повышению по возрасту и болезни глаз. В марте 1784 г. П.С. Клячин упомянут как возможный кандидат в уездные стряпчие [9]. В 1785 г. в исповедальных ведомостях во главе семьи упомянут его сын Семён Петров сын, т.к. 22 ноября 1784 г. П.С. Клячин скончался. Дети мужского пола – Семён и Александр.

Клячин Семён Петров сын. С 1780 г. – подканцелярист в Усть-Сысольском нижнем земском суде. В 1780 г. С.П. Клячину было около 13 лет, сын П.С. Клячина, следовательно, происходит из семьи приказнослужителей. В промежутке с 1795 по 1797 г. произведён в канцеляристы. Семейное положение подканцеляриста С.П. Клячина на 1797 г.: жена Анна Иванова, дочь (24 года) и вдова отца [10]. Согласно записям исповедальных ведомостей, в 1797 г. переведён из нижнего земского суда в уездный суд, но материалы самого уездного суда это не подтверждают, речь скорее всего идёт об описке. В 1803 г. С.П. Клячин продолжал службу в Усть-Сысольском нижнем земском суде уже в чине коллежского регистратора, повышен указом от 15 апреля 1807 г. (№ 2048) до чина Губернского секретаря [11]. С 1815 г. губернский секретарь С.П. Клячин – секретарь Усть-Сысольского нижнего земского суда, с 1822 по 1827 г. – дворянский заседатель Усть-Сысольского уездного суда. Место службы в 1828 г. установить не удалось. С 1829 по 1834 г. коллежский секретарь С.П. Клячин – дворянский заседатель Усть-Сысольского уездного суда. Скончался в 1835 году. Потомков по мужской линии не оставил.

Клячин Александр Петров сын. Впервые упомянут в 1790 г. как копиист Усть-Сысольского нижнего земского суда. А.П. Клячин – сын покойного Семёна Петровича Клячина, в 1790 г. ему исполнилось 16 лет, семейное положение – холост [12]. Во второй половине 1794 г. женился на подьяческой дочери Анфисе Александровой, 17 лет [13]. Послужной список: поступил в Усть-Сысольский нижний земской суд сверх штата копиистом 12 марта 1790 г., по указу Вологодского наместнического правления переведён тем же чином в Усть-Сысольскую нижнюю расправу 11 августа 1791 г. [14]. В 1797 г. переведён в Усть-Сысольский уездный суд в чине копииста. 19 августа 1799 г. А.П. Клячину присвоен чин канцеляриста [15]. В сентябре 1804 г. повытчику губернскому регистратору А.П. Клячину предполагалось поручить архив межевых книг [16]. В 1806 г. коллежский регистратор А.П. Клячин в Усть-Сысольском уездном суде находился у приходу и расходу денежной казны [17]. С 18 января и далее весь 1808 г. коллежский регистратор А.П. Клячин вновь состоит в уездном суде у прихода и расхода денежных средств [18]. 11 августа 1808 г. судья Усть-Сысольского уездного суда Г.И. Микулин писал о том, что коллежский регистратор А.П. Клячин «заслуживает награждения чином» [19]. С 1809 г. коллежский секретарь А.П. Клячин правит секретарскую должность в Усть-Сысольском уездном суде, в 1815 г. становится секретарём этого суда на постоянной основе. В 1829 г. получил чин титулярного советника (по другим данным – с 1826 г.). С 1836 г. – неслужащий титулярный советник, в месяцеслове за 1837 г. в секретарях находим совсем другого человека, но, по данным следующего месяцеслова, вновь становится секретарём суда. С 1842 г. значиться бывшим секретарём. Скончался около 1845 года. Дети мужского пола – Николай и Лев.

Клячин Николай Александров сын (1805 – ок. 1837). Начало карьеры не совсем понятно, известно, что до 1823 г. в службу не вступал и жил при родителях. К 1826 г. 22-летний Н.А. Клячин жил отдельно от родителей и в чине коллежского регистратора служил журналистом в Усть-Сысольском уездном казначействе. Семейное положение: женат на Ульяне Дмитриевой дочери, 22 лет [20]. С 1832 г. имеет чин губернского секретаря. За 1834 г. сохранились сведения о составлении проекта дома губернскому секретарю Н.А. Клячину «по высочайше конфирмованному на город Устьсысольск плану в 19 квартале на номере 360 мь» [21]. Около 1837 г. Н.А. Клячин скончался. У него осталось в том числе и двое детей мужского пола – Дмитрий и Александр.

Клячин Лев Александров. Родился в Усть-Сысольске около 1808 года. С 1826 по 1831 г. – канцелярист, с 1832 по 1835 г. – коллежский регистратор Л.А. Клячин служит в уездном суде. В 1835 г. – повытчик Усть-

Сысольского уездного суда. С 1838 г. – в чине губернского секретаря. В 1843 г. в исповедальных ведомостях значится вдова умершего окружного правления помощника губернского секретаря Л.А. Клячина. Дети мужского пола – Александр.

Моторин Иван Григорьев сын. Происходил из церковнослужительских детей, к концу 1789 г. возраст 28 лет, женат на г. Усть-Сысольска мещанской дочери Анне Михайловой (урождённой Сидоровой), сын Василий, 4 года [22]. В 1794 г. в семье И.Г. Моторина появился сын Александр. Начал работу в Усть-Сысольском нижнем земском суде 16 сентября 1780 г. копиистом, 30 октября 1784 г. получил чин подканцеляриста, с 21 января 1786 г. – канцелярист. С 16 (14) марта (по другим данным, указ прислан 16 апреля) 1789 г. по указу Вологодского наместнического правления переведён тем же чином в Усть-Сысольскую нижнюю расправу [23]. Правда, ещё 3 января 1790 г. И.Г. Моторин числился не присланным из Усть-Сысольского нижнего земского суда [24]. Но уже в 1790 г. его присылают к новому месту службы. В 1796 г. продолжил службу в нижней расправе. Примерно в сентябре 1797 г. после расформирования расправного суда переведён в Усть-Сысольский уездный суд [25]. В 1799 г. семье произошли изменения: старший сын, 14-летний Василий, стал числиться в земском суде сверх штата, 5-летний Александр оставался при отце. В 1800 г. канцелярист И.Г. Моторин состоял в суде крепостным надсмотрщиком [26]. В январе 1801 г. выбран приказными суда для бытия на сей год «… у приходу и расходу денежной казны…» [27]. В 1801 г. вновь исполнял обязанности крепостного надсмотрщика, 13 августа 1802 г. руководство уездного суда признало, что канцелярист И.Г. Моторин «… в должности своей весьма исправен и рачителен…», и рекомендовало к повышению чином [28]. В 1803 г. канцелярист И.Г. Моторин «… выбран на сей 1803 год для бытья у приходу и расходу денежных средств…» [29]. К 1804 г. работал в уездном суде в чине коллежского регистратора [30], в начале 1807 г. продолжает службу в чине губернского секретаря [31]. 3 января 1807 г. назначен уездным судом на 1 год «в приходчики» [32]. В том же 1807 г. за ним в уездном суде закреплены функции крепостного надсмотрщика [33]. Губернский секретарь И.Г. Моторин 24 декабря 1807 г. рекомендован на замену умершему секретарю уездного суда И.В. Колпакову, характеризовался как замеченный способным и достойным, «а сверх того оной Моторин уже заболезнею выше писанного секретаря Колпакова исправляет секретарскую должность с 8-го числа минувшаго октября сего года» [34]. Тогда же поставлен исправлять секретарскую должность. И.Г. Моторин сложил с себя полномочия проходчика 18 января 1808 г., а 9 февраля 1808 г. получен указ Вологодского губернского правления от 25 января того же

года об его утверждении секретарём Усть-Сысольского уездного суда [35]. Примерно в первой трети 1809 г. И.Г. Моторин скончался.

Моторин Василий Иванович (ок. 1785–1817/1818 ?). В ноябре 1801 г. в уездный суд подано прошение Усть-Сысольского нижнего земского суда копииста В.И. Моторина о перемещении на состоящее в суде вакантное место копииста [36]. В 1802 г. В.И. Моторин числился сверх штата в Усть-Сысольском земском суде. В конце мая 1802 г. указом Вологодского губернского правление сообщено о его перемещении. На это решение заявлен протест как со стороны Усть-Сысольского нижнего земского суда, так и самого В.И. Моторина, причиной этого стало помещение его в штат расправы на вакансию копииста [37]. В итоге В.И. Моторин продолжил службу в земском суде, в 1805 г. обозначен как канцелярист. В исповедальных ведомостях 1808 г. обозначен как коллежский регистратор Усть-Сысольского нижнего земского суда. С 1815 г. – коллежский регистратор. В 1816 г. продолжил службу в земском суде. Скончался в промежутке с ноября 1817 по ноябрь 1818 года. Наследников по мужской линии не оставил.

Моторин Александр Иванович (ок. 1795 – ?). С 1807 г. служил в Усть-Сысольском уездном суде в звании копииста [38], в 1808 г. – уже подканцелярист [39]. С 1811 г. – в звании канцеляриста, с 1815 г. – губернский регистратор, к 1820 г. – коллежский регистратор. До 1821 г. служил в уездном суде, с 1822 г. обозначен как коллежский регистратор Усть-Сысольского нижнего земского суда, в 1828 г. – как губернский секретарь. До 1829 г. продолжал службу в земском суде. В 1831 г. в исповедальных ведомостях значиться умершего дворянского заседателя Александра Моторина жена. На А.И. Моторине мужская линия семьи Моториных прервалась, т.к. наследников мужского пола он не оставил.

Ввиду недостаточности репрезентативной выборки и охвата «уездных чиновничьих династий» Усть-Сысольского уезда в полном объёме, а также прерывания 2 из 3 исследуемых родов по мужской линии, подведём предварительные итоги, т.к. указанные причины не позволяют говорить с высокой долей вероятности даже о закономерностях на уровне Усть-Сысольского уезда. Во-первых, наибольшую расторопность показали представители так называемых «приказных служителей» и вспомогательного персонала. Во-вторых, речь идёт о целенаправленном действии «чиновников» для продвижения своих детей именно на поприще государственной службы, этот вывод подкрепляется как готовностью родителей пристроить своих детей сверх штата и, соответственно, содержать их самим, так и достаточно молодым возрастом отправки их на службу (от 13 до 16 лет). Сами родители состояли на государственной службе в первом поколении, по их

действиям можно сделать вывод о том, что в сложившихся обстоятельствах они считали эти действия наиболее перспективными. Детей обучали чтению и письму. Это способствовало достижению значительных успехов в карьере, особенно с учётом наличия только домашнего образования.

Такое положение не могло быть достигнуто без вмешательства начальства, делавшего (по каким-то своим соображениям) появление подобных династий возможным. Автор предполагает заинтересованность местного и губернского руководства в достаточно квалифицированных кадрах, знакомых со спецификой работы, и затруднения при поиске образованных кандидатов на замещение открывающихся вакансий, особенно в конце XVIII – начале XIX века.

* * *

1. *Страховский И.М.* Губернское устройство // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – № 9. – С.122–171.

2. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.335. Д.9. Л.80 об.–81.

3. НА РК. Ф.99. Д.38. Л.154.

4. НА РК. Ф.296. Д.5. Л.226.

5. НА РК. Ф.296. Д.24. Л.38 об.

6. НА РК. Ф.335. Д.3. Л.8 об., 19 об.–20.

7. НА РК. Ф.335. Д.3. Л.8 об., 7 об.–8.

8. НА РК. Ф.335. Д.9. Л.27.

9. НА РК. Ф.152. Д.13. Л.91 об.

10. НА РК. Ф.296. Д.4. Л.61 об.

11. НА РК. Ф.152. Д.78. Л.42 об.–43.

12. НА РК. Ф.296. Д.3. Л.24 об.

13. НА РК. Ф.296. Д.3. Л.199.

14. НА РК. Ф.335. Д.9. Л.124 об. –125.

15. НА РК. Ф.335. Д.154. Л.17 об.–18.

16. НА РК. Ф.99. Д.125. Л.247.

17. НА РК. Ф.99. Д.158. Л.3 об.–4.

18. НА РК. Ф.99. Д.163.

19. НА РК. Ф.99. Д.163. Л.172 об.

20. НА РК. Ф.296. Д.6. Л.491.

21. НА РК. Ф.273. Д.228. Л.1.

22. НА РК. Ф.335. Д.9. Л.103 об.–104.

23. НА РК. Ф.335. Д.9. Л.103 об.

24. НА РК. Ф.335. Д.9. Л.107.

25. НА РК. Ф.99. Д.38. Л.154.
26. НА РК. Ф.99. Д.67. Л.79.
27. НА РК. Ф.99. Д.82. Л.3 об.
28. НА РК. Ф.99. Д.90. Л.188.
29. НА РК. Ф.99. Д.113. Л.2 об.
30. НА РК. Ф.99. Д.125. Л.14 об.
31. НА РК. Ф.152. Д.90. Л.10 об.
32. НА РК. Ф.99. Д.163. Л.3 об.
33. НА РК. Ф.99. Д.163. Л.6.
34. НА РК. Ф.99. Д.158. Л.288 об.
35. НА РК. Ф.99. Д.125. Л.29 об.
36. НА РК. Ф.99. Д.82. Л.237 об.
37. НА РК. Ф.99. Д.90. Л.123.
38. НА РК. Ф.99. Д.158. Л.31 об.
39. НА РК. Ф.99. Д.163. Л.163.

УДК 27(470.13)“18/19”

М.В. Хайдуров,
канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ЦЕРКОВНОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ О РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В КОМИ КРАЕ XIX – НАЧАЛА XX вв.*

Для историографии церковной истории России обращение к церковно-приходскому летописанию второй половины XIX – начала XX в. не является новым. К ней обращались исследователи как на региональном [1], так и на общероссийском уровне [2]. Не стал исключением и Коми край, летописи которого становились объектом изучения, в частности, Т.А. Малковой и автора настоящей публикации [3]. Тем не менее этот источник используется в исторических сочинениях о Коми крае, в том числе и в публикациях, посвящённых церковной истории в недостаточной степени. Задача данной публикации – на конкретном материале показать возможности и значимость церковно-приходских летописей в изучении религиозной жизни Коми края XIX – начала XX века. Отдавая себе отчёт в сложности и глубине понятия «религиозная жизнь», мы сосредоточимся на её внешнем, социальном проявлении: конфессиональном составе населения, взаимоотношениях Русской православной церкви и старообрядцев, отношениях внутри прихода, в том числе между прихожанами и духовенством, исполнением обрядов и таинств и т.д.

История церковно-приходского летописания достаточно хорошо известна. Напомним, что фактически в Вологодской епархии летописи начинают появляться после постановлений Синода и епархиального начальства 1866–1867 годов [4]. В настоящее время в архивохранилищах выявлено 10 приходских летописей сельских церквей, относящихся к Коми краю: Аныбской, Донской, Подчерской, Палаузской, Пезмогской, Позтыкеросской, Пожегской, Щугорской, Ижемской и Колвинской самоедской церкви. Часть из них уже опубликована – это, в частности, летописи Пезмогской, Подчерской и Щугорской церквей [5].

© Хайдуров М.В., 2016

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

Первым блоком вопросов на страницах летописей по интересующей нас теме являются вопросы храмостроительства и храмопопечения. Практически каждая приходская летопись начиналась с исторических сведений о постройке соответствующего храма. Это прямо рекомендовалось в перепечатанной на страницах «Вологодских епархиальных ведомостей» за 1867 г. статье оренбургского епископа Варлаама об учреждении церковных летописей. Позднейшие события, связанные с благоустройством и попечением о храме, отражались в так называемой повременной части летописей и неизменно обращали на себя внимание составителей.

Достаточно типичным выглядит соответствующий сюжет в историческом разделе летописи Донской Вознесенской церкви [6], включающий в себя сведения и о первоначальной постройке церкви, и о дальнейших перестройках и пожертвованиях, а также о церковном имуществе, необходимом для совершения богослужений: «Церковь деревянная, одноэтажная, в связи с колокольнею; устроена из бывшей часовни и освящена в 1867 году 28 июня. Церковь сооружена усердием прихожан. Приписная церковь деревянная строится в деревне Жежимской во имя Священно-мученика Власия, Епископа Севастийского; во имя того же Святого в деревне Жежимской имеется деревянная ветхая часовня, построенная неизвестно когда.

В 1909 году церковь перекрыта вновь, поставлены новые железные кресты, внутри церкви пол, стены и потолок прошпаклеваны и окрашены; окрашена также крыша, переменен купол и шпиль; последний обит белым железом. В сем же году приобретены иконы дванадесятых праздников, писанныя мастером Холоповым.

В 1911 году в Июне месяце был вновь окрашен иконостас и была произведена реставрация икон, так как иконы от несвоевременной топки печи в зимнее время, до открытия самостоятельного прихода, и приезда местнаго священника, были все полопавшимися, с едва заметными ликами. По прибытии перваго священника в церкви не оказалось ни подходящих риз, никаких-либо богослужебных книг. В первые же дни своего приезда священник вместе с церковным старостой съездили в Троицкий Стефано-Ульяновский монастырь с просьбой о помощи, где и получили несколько полных священнических облачений и полный круг церковных книг. В 1908 году приобретена новая серебряная дароносица, футляр для дарохранительницы, фонарь выносной и парчевое священническое облачение. На приобретение сих вещей деньги пожертвованы прихожанами лично священнику.

В 1910 году в Июле месяце на попечительския средства выписан из Челябинска колокол весом 55 пуд. и два малых – один ф., а другой ф. за сумму 1112 руб. 52 коп.

Крестьянином села Донскаго Антоном Васильевым Напалковым (ныне умершим) в разное время пожертвовано на постройку новаго храма

650 р. деньгами и до 100 пудов зерноваго хлеба. Деньги 650 р. и вырученное от продажи хлеба положено на книжку Сберегательной Кассы за № 7728.

В настоящее время т.е. в 1914 г. по сей книжке на вышеозначенный предмет имеются денег 1092 р. 91 к.»

Автор Донской летописи, священник Стефан Сумароков, отмечает деятельность приходского Попечительства (открыто в приходе в 1909 г.) по благоустройству храма, при этом выделяет наиболее щедрых жертвователей: «Деятельность свою приходское Попечительство выказало в различных отраслях церковнаго хозяйства: привели в надлежащий вид храм, приобрели три колокола – один 55 пуд. и два малых, выстроили новый дом для священника, просфорни; построены амбары, погреба, баня, сарай для пользования всех членов причта. Благодаря их старанию пожертвована крестьянами в пользу Попечительства мельница; приобретены два парчевых Священнических облачения, выделано в настоящее время на постройку храма каменнаго двести тридцать тысяч кирпичей.

Среди попечителей старанием особенно выделяется Александр Егоров Тимушев».

Вопросы храмопопечения освещены и в повременном разделе Донской летописи. Так, 15 марта 1915 г. датирована следующая запись: «Освящен вновь вызолоченный Иконостас. Иконостас вызолочен по мардану червонным золотом, трех рублеваго достоинства. К этому времени выбелены были так же вновь внутри церкви стены и потолок. Подрядчиком был кр. Сторожевскаго села Егор Васильев Латкин. Вся работа с материалом стоила до 200 р. – Расход был произведен из Попечительских сумм».

Историческая часть летописи Аныбской Преображенской церкви [7] касательно первоначальной постройки храма также достаточно кратка: «В Аныбском приходе с благословления Преосвященнейшего Евлампия, епископа Вологодского и Устюжского, в 1855 году построена усердием прихожан деревянная одноэтажная церковь с двумя приделами в честь Преображения Господня и во имя Святителя и Чудотворца Николая. В 1863 году разделена на теплую и холодную, с устроением в теплой придельного алтаря во имя Преподобного Феодосия Тотемского.

У жителей до 1855 года была от глубокой древности деревянная часовня, принадлежащая к Деревянскому приходу в 22 верстах от Аныба».

Повременная часть этой летописи содержит более детальные сведения о подготовке и постройке нового храма. В 1883 г. «староста Михаил Адрианов Лобанов избран на 3 года, до того был строителем при постройке церкви. В 1874 году награжден серебряной медалью для ношения на шее на Станиславской ленте. Решено построить новую каменную церковь одноэтажную с колокольней и двумя приделами в честь Преображения Господня

и во имя Святого Николая Чудотворца. Пристав 2-го стана Устьсысольского уезда Константин Клеопатров и Благочинный священник Евгений Богданов составили акт для Консистории о месте постройки. Инженер-архитектором Шильдкентом составлена пояснительная записка о строительстве». Можно предположить, что церковный староста, участвовавший в постройке первого храма, способствовал принятию решения и о постройке нового. В следующем, 1884 г. началась заготовка кирпича для новой церкви. В 1888 г. была «начата заготовка на фундамент каменной церкви булыжного камня и колка извести». В следующем году «для постройки новой церкви назначен подрядчиком крестьянин Николай Григорьев Конаков». 18 ноября 1890 г. «прибыл в Аныб подрядчик по постройке каменной церкви крестьянин Николай Григорьев Конаков с восьмю рабочими каменщиками и по отправлению местным причтом молебного пения, начал первые кирпичные работы». Новый храм был готов уже летом 1891 г.: «28 июля сего года окончено строительство церкви, составлен акт и расчет с подрядчиком».

Как видно, заготовка материала занимала намного больше времени, чем собственно строительство храма, хотя отдельные работы продолжались и позднее, в течение 3 лет. В 1892 г. «весной крыша нового храма покрыта тесовой крышей, а глава листовым железом»; «10 сентября подняты на главы новой церкви Святые Кресты, снятые с глав старой церкви и перезолоченные. На старую церковь подняты деревянные кресты. Крестовоздвижение, совершенное после Божественной Литургии по освещении крестов, окропленных святой водой на отправленном вслед за Литургией водосвятном молебне, было торжественное при значительном числе собравшегося народа». В 1893 г. «у Устьсысольского Нотариуса господина Васильева заключен договор с крестьянином Яренского уезда Александром Торлоповым на устройство иконостаса». В 1894 г. «15 августа заключено условие между председателем приходского попечительства Моториным и крестьянином Вильгортской волости дер. Кочпонской Викентием Павловым Холоповым на взятие последним иконописного подряда для нового иконостаса в новом храме, по сему условию Холопов должен за 80 руб. и 10 пуд. хлебом написать 7 новых икон, 6 клейм под чекан на золотом фоне и поставить старые иконы из иконостаса старого храма». В том же году 29 декабря «было освящение в новом каменном храме престола в приделе Преображения Господня Николаем Михайловым Доброумовым при священниках Викентии Попове, Димитрии Попове и Александре Толстикове (с. Подъельск) и диаконах Рафаиле Шутове, Николае Щетинине, Заварине (с. Подъельск), Попове (с. Деревянск). По случаю многолюдства за порядком следили: Пристав Булатов и помощник урядника Темноев». Таким образом, всего строительство нового храма от принятия решения до освящения престола заняло 13 лет.

Вопросы храмостроительства и благоустройства церквей острее стояли в приходах со старообрядческим населением, что отразилось в летописях Щугорской и Подчерской церквей, хотя и здесь находились свои жертвователи, правда, не из числа местных. Щугорская церковь появилась в 1858 г., когда «ноября 30 дня с утверждения Преосвященнейшего Христофора Епископа Вологодского поставлена на место своего назначения палатка из фламанского полотна для подвижной церкви во имя Святителя Стефана Пермского при ней были присланы и необходимые для богослужения принадлежности». В 1859 г. «по настоянию священника, для продолжительной к постройке деревянной церкви, заготовлено крестьянами 350 деревьев». Строительство было начато в 1862 г. «С 1862 по 1869 год в селе Щугоре строилась на казённый счёт на высоком красивом берегу реки Печоры одноэтажная двумя пределами деревянная церковь, тёплая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и холодная во имя Св. Стефана Пермского. Отделка внутреннего вида храма и написание иконостаса пало на счёт церковной казны, которая была весьма бедна. Вот наверное чем объясняется столь медленная постройка храма, а также и неимением работников».

Жертвовали Щугорской церкви купцы и мещане из Сибири и Устюга, Чердыни. «1886 год. Ризница церкви, весьма небогатая ценными вещами, значительно обогатилась пожертвованием Иркутского I-ой гильдии купца Александра Михайловича Сибирякова. Были пожертвованы: 1. Святой Крест сер. позол. весом 179 золотн. ценой 105 руб. 2. Св. Дарохранительница сереб. с позол. ценою 213 руб. 3. Кадило сереб. позол. 96 золотн. 40 руб. 4. Трихирий для пасхального служения сереб. с позол. 77 золотн. 43 руб.

1889 год. Получены 26 апреля из Москвы одна пара хоругвей стоимостью 100 руб., пожертвованы тем же купцом <…>

1892 год. Поступило пожертвование из г. Устюга купеческой дочерью Марией Васильевной Охлопковой пожертвовано парчёвое священническое облачение. Доверенным М.В. Охлопковой Григорием Иустиновичем Дербенёвым пожертвованы шитые мишурой воздухи и аналойная пелена. В марте получена из Устюга плащаница шитая по манчестеру, пожертвованная той же купчихой. В марте же поступило пожертвование от Чердынского мещанина Аркадия Яковлевича Кузнецова – громадного размера подсвечник».

В Подчерском приходе, населённом преимущественно старообрядцами, дела обстояли намного хуже. Здесь проблемы возникли ещё на стадии подготовки к строительству церкви: 20 декабря 1901 г. «крестьяне д. Подчерской заявили, что не будут давать, ни малого, ни великого, хоронить православному священнику по православному обряду. Убеждения, принятые со стороны местного причта и 1-го священника Щугорской Сте-

фановской церкви не принесли пользы». 5 сентября 1902 г. «в д. Подчерской был сход, на котором присутствовали: Благочинный 6-го округа Устьсысольского уезда священник Александр Сахаров и земский Начальник. Разговор с подчерцами шел относительно места под церковь и причтовые дома. Народ на сходе был сравнительно очень смирный в разговорах с земским и Благочинным, чем каков бывает в отношениях с местным причтом, но все-таки дать место под церковь и причтовые дома сильно упорствовал; наконец, место под причтовый дом было назначено в самой деревне, на месте дома Василия Петровича Шахтарова, купленном комитетом, а место под церковь будет за селом». 22 апреля 1903 г. «сделана закладка нового храма в д. Подчерской по распоряжению Преосвященнейшего Алексия, Епископа Великоустюжского и Тотемского на церковном кладбище. Храм имеет быть во имя первоверховных Апостолов Петра и Павла, которым был отслужен молебен с водосвятием на месте закладки, так как храм имеет быть единоверческим, то, впредь, до нового распоряжения Епархиального Начальства, чин основания церкви совершён не был. И закладка храма в Подчерье произошла не без инцидента. Дело в том, что мастеров-рабочих, явившихся для этой цели задолго ранее, Подчерцы не допустили на кладбище, препятствовали туда возчикам возить бревна и прочее».

Очевидно, что в деле храмового строительства и благоустройства большую роль играли религиозная ситуация в каждом конкретном приходе, (взаимо)отношения населения и духовенства. Эта тематика фактически составляла второй блок сюжетов церковно-приходских летописей. Оценки религиозной ситуации в приходах и характер взаимоотношений между прихожанами и священнослужителями разнились. Это было вызвано вполне понятными причинами: объективной ситуацией в приходе (в том числе конфессиональным составом населения: например, неприятием православного духовенства раскольниками), спорами и конфликтами на материальной почве, личными качествами как клириков, так и отдельных прихожан, влиянием внешних факторов (например, возвращавшиеся с фронтов Первой мировой солдаты были настроены если не антирелигиозно, то как минимум антиклерикально). Отметим, что субъективность оценок в этих вопросах сама по себе представляет исследовательский интерес.

Всем этим вопросам значительное внимание уделено на страницах указанной летописи Подчерской церкви. Уже первая запись от 1901 г. обрисовывает всю сложность положения прибывшего причта: «Народу, уклонившемуся в раскол, было очень неприятно переселение причта в их деревню, так что народ с первого же дня старался принести какой-либо вред причту. Действительно, было много случаев кражи, например: пропажа катаников священника из бани; кража вымытого белья с улицы, кража белья

во время стирки, хотя и в малом количестве; из чулана при школе украли молотой крупы – 15 фунтов, около 10 ф. гороху, тетёрку и прочее. Тяжело жить причту в д. Подчерской, ибо и церкви-то нет, да и народ-то причт презирает. Уклонение в раскол между жителями сильное и упорное, а посему слово убеждения, слово мягкое, на них не действует. Крестить младенцев дают после усиленной беседы о необходимости таинства Крещения и Миропомазания».

Ничуть не исправилась ситуация и через год: «Сегодня годовщина приезду причта в д. Подчерскую из с. Щугора. Житье в течение сего года было трудное, причт, не имея казенных домов, скитался по частным квартирам, а прихожане, видя не прочное положение причта, всячески старались притеснять не только причт, но их домашних, например, безжалостные Подчерцы отказались давать молоко ребенку священника, так что часто малютку приходилось кормить водой. Прихожане избегали личных свиданий с причтом и боялись услышать от него слово назидания, между тем начальство требовало от причта усиленных бесед с прихожанами, а прихожане избегали свиданий, говоря, что нам вы не нужны, а посему и слова ваши мы не желаем слушать. Теперь народ Подчерский стал очень грубым и гордым, так что не дают крестить своих новорожденных детей и не приглашают причт отпевать умерших и даже не уведомляют о их смерти, так что действительно для Подчерцев причт лишний, так как сами прихожане причт устраняют, а спросить их из-за чего такое презрение к причту и окажется главным из-за перстосложения. Совершались в это лето и службы Божии в д. Подчерской при подвижной Троицкой церкви, но, к сожалению, во все лето никто из прихожан не заходил в церковную палатку, хотя бы посмотреть или послушать службу, если не желают молиться с нами. Подвижная церковь-палатка была получена в д. Подчерскую из с. Печорского на пароходе 26 мая сего года и на ходу была вывезена на берег, Подчерцы, узнав, что в ящике церковь, не решились даже поместить палатку куда-нибудь под крышу до приезда, отсутствовавшего в то время, причта – вот значит насколько им было неприятно появление в д. Подчерской церкви-палатки. При получении палатки не было ни аналоев, ни столика, так что священник и псаломщик свои книги должны были класть при совершении Богослужений на землю, но благодаря бывшему Диакону с. Щугор, Алексею Михайловичу Тюрнину, мы пользовались двумя аналоями и даже имели столики для благословений хлебов – его работы. При подвижной церкви во все лето не было ни сторожа, ни церковного старосты от прихожан, так что должность их исправлял упомянутый почтенный старичек Диакон Алексей Михайлович Тюрнин».

Недоверие и неприязнь старообрядцев к духовенству подчёркивалась и в летописи Щугорского прихода: «27 марта с.г. (1891. – *М.Х.*) приехал к месту назначения новый священник Щугорской церкви Геннадий Редькин, из окончивших курс Семинарии. Не радостны были первые шаги на поприще пастырского служения. Храм пришёл от небрежения прихожан, взявших на себя обязанность поддерживать храм в исправном виде в ветхость. Прихожане, за исключением человек 10-ти (искренность и тех сомнительна) раскольники. В отношениях к священнику они с первых же дней знакомства обнаружили недоверие, а некоторые и прямо враждебность. Относясь к священнику недоверчиво, они в беседах о вере ссылаются на свою неграмотность. “Уже де, говорят они, нам распознать какая вера истинная, нам не по уму, а будем жить, как отцы жили, да и нам велели”».

Отмечались авторами летописей также попытки наладить отношения с прихожанами, миссионерская деятельность, обострение взаимоотношений между прихожанами и представителями духовенства в переломные годы Первой мировой войны и февральской революции. Примечательно, что это обострение было характерным не только для приходов, населённых старообрядцами. Одной из причин конфликтов традиционно являлся материальный вопрос (в первую очередь – наделение причтов землёй). Так, автор летописи Донской церкви за 1915 г. указывал: «Как известно причт имеет только 4 неполных десятины пахотной земли, сенокосной – совсем не имеет, и пользуется от крестьян готовым сеном 1060 п. Крестьяне возят часто сено недоброкачественное и невовремя и принимая во внимание ихние угрозы лишить причт пользованием готовым сеном, мне привелось настоять пред Землемером и Земским Начальником на отводе сенокоснаго участка, пропорционально получаемаго сена; пожню запроэктировали почти принудительно вблизи села за мостом.

Так как оценка пожен была очень низкая, то пространства 1060 п. заняло много. Крестьяне положительно отказываются отдать пожню причту; делают чуть не каждый день сходы, пишут приговоры, выставляя факты ложными, на что привелось подать протест Земскому Начальнику. На всех сходах бывают угрозы мне; видя мою настойчивость, наконец, додумались составить приговор-оскорбление лично мне: “не ходить никому ни на какия мои работы, а нарушителей сего штрафовать двумя рублями и выседкой в арестном сутки”, мотивируя мысленно, что этим меня вынудят отказаться от пожен. Был вынужден уведомить З. Начальника, который лично приезжал и делал выговор сходу. Конечно, должно бы возникнуть уголовное дело, но на счастье приговор не был заподписан крестьянами, да и Старшина приказал сходу сделать “контр-приговор”: Всему делу виноват был, как я узнал, Сельский и Церковный староста; первый идет против

церкви и причта, а второй старается как нибудь лишить причт доходов, – так уговаривает крестьян не давать причту по умершим за поминовение, как водится в приходе, коров, не заказывать литургий и годовых поминовений и многое другое и при всем этой груб и по “мужицки” хитер.

Некоторые личности, которым безразлично совершение служения в храме, да пожалуй и самый храм, т.к. всё равно к службам они не бывают, эти личности, так называемые “сходные горланы”, уговаривают крестьян отказаться даже от причта, лишь бы не давать пожни; конечно, подобных экземпляров единицы. Вообще, как я узнал, народ в приходе страшно груб, лжив и невежлив, что можно объяснить ихнею темнотою; на несчастье и заправилы прихода одни из худших, как Сельский и Церковный старосты. Хорошие крестьяне на должности пожалуй и не соглашаются; так – некоторых уговариваю быть попечителями, но отказываются, мотивируя: “служить можно, да что слушать от горланов угрозы то..!”»

Усугубились эти сложные отношения в 1917 г., чему, по словам того же о. Стефана Сумарокова, в значительной степени способствовали возвращавшиеся домой солдаты: «Мои личныя отношения с прихожанами пока терпимы, хотя и получал оскорбления особенно от солдат, впрочем, от оскорблений их, кажется, не застрахован ни один более сознательный российский обыватель».

Тесно связана с вопросами религиозной ситуации и отношений с прихожанами и тема богослужебной деятельности духовенства, также нашедшая отражение на страницах летописей. Это круг сюжетов, включающий в себя сведения о богослужебной практике, исполнении треб, праздниках и крестных ходах, примечательных событиях в религиозной жизни, как, например, архиерейские визиты. Последние были большой редкостью для приходов удалённого Зырянского края. Однако прихожанам Аныбской церкви в 1890 г. довелось принимать у себя епископа Великоустюжского Иоанникия дважды – второе посещение достаточно подробно описано на страницах летописи: «14 июня сего года Его Преосвященство Преосвященнейший Иоаникий, Епископ Великоустюжский, предпринимая весною сего года поездку для осмотра дальних церквей своего Викариатства, изволил вторично быть в Аныбском приходе. Владыка на этот раз был в Аныбе проездом в обратный путь по осмотру самых отдаленных церквей Устьсысольского уезда, находящихся по реке Печоре и верховьях реки Вычегды. Приплыл Он сюда по реке из Помоздина в небольшой крытой лодке, сопутствуемый протоиереем Устьсысольского Троицкого собора Андреем Поповым, местным Благочинным священником Устькуломской церкви Николаем Доброумовым и приставом 2-го стана Клеопатровым. Под Аныбом Владыке благоугодно было остановиться не к пристани, приготовленной по при-

чине отмели на реке Вычегде у Аныба на две версты ниже села, но против церкви и отсюда с версту изволил подняться пешком до села. Здесь, встречаемый сначала Благовестом на колокольне приходской церкви, а по вступлении в село звоном во все колокола, Он последовал к церкви, где при значительном числе собравшихся прихожан и всех учеников местной приходской школы, был встречен приходским духовенством Святым Крестом и Святой водою у Святых ворот церковной ограды. Приложившись к Святому Кресту и окропив себя Святою водой, Преосвященнейший, в сопровождении всех встретившихся и сопутствовавших Его лиц при пении тропаря в честь храма Преображения Господня, вступил в церковь. В церкви, выслушав обычную встречу Ему, по возглашении священником Викентием Поповым многолетия сперва Царственному Дому, а потом Священному Синоду и местным епископам, Владыко Сам осенял Святым Крестом, предстоящий Ему народ. Затем, облобызав Святой Крест Сам и дав приложиться ко Кресту священнику, псаломщику и всему народу, принимал к Архипастырскому Своему Благословению. При встрече в церкви на клиросе вместе с псаломщиком пели и ученики. Обревизовав церковь, Он при колокольном же звоне изволил последовать к месту, вновь строящегося каменного храма, где внимательно осмотрел, заложенный уже фундамент для здания и самый проект его. Отсюда направился в квартиры церковно-приходской школы, куда из церкви были собраны все ученики. По пути в школу Владыко посетил вновь отстроенный общественный дом для церковно-приходской школы. Здесь он указал на некоторые необходимо-нужные усовершенствования комнаты для школьных помещений и изъявил желание, чтобы эти недостатки, прежде чем будет переведена в этот дом школа, обществом были исправлены. В школе Преосвященнейший был встречен пением учащимися молитвы Духу Святому – “Царю Небесный”, по окончании которой спрашивал у некоторых учеников Символ Веры по членам и молитву Господню, а затем раздавал книжки всем ученикам. После школы удостоил Своим посещением дом местного священника Викентия Попова. У него пил чай и закусывал. От священника Владыко отбыл на пристань, на приготовленных Ему подводах, сопровождаемый сопутствующими Ему лицами, при звоне на колокольне, который был все время пребывания Его в Аныбе».

Итак, церковноприходское летописание представляет значительный интерес для исследователей религиозной жизни. Богатство сюжетов, личностная окраска сообщений позволяют выявить и уточнить многие аспекты приходской жизни Коми края, что делает этот источник ценным, а в ряде случаев незаменимым для исследователя.

* * *

1. *Чебыкина Г.Н.* Церковно-приходское летописание в Устюжском крае во второй половине XIX – начале XX века // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. – Киров, 1996. – Т.1; *Добренький С.И.* Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века // Никольская старина: Исторические и этнографические очерки. – Вологда, 2000.

2. *Шмидт С.О.* Церковноприходские летописи как источник по изучению русской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. – Вильнюс, 1974; *Шмидт С.О.* Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997; *Добренький С.И.* Церковно-приходские летописи второй половины XIX – начала XX века как источник по истории северной деревни // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. – Вологда, 2002; *Добренький С.И.* Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.): дис. … канд. ист. наук. – М., 2006.

3. *Малкова Т.А.* Летопись и делопроизводство церкви как источник по истории села Пезмог // Вестник культуры Коми АССР. – 1992. – № 1; *Хайдуров М.В.* Приходское духовенство о нравственном состоянии населения Коми края в начале XX в. (по материалам церковных летописей) // Архивы Республики Коми: из прошлого в будущее: материалы науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 2012.

4. *Чебыкина Г.Н.* Указ. соч. – С.457.

5. Летопись Пезмогской Прокопьевской церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской Епархии за 1856–1915 гг. // Известия Общества изучения Коми края. – 2006. – № 3 (9); Летопись Подчерской церкви Устьсысольского уезда Вологодской епархии 1901–1918 годов // Известия Общества изучения Коми края. – 2006. – № 2 (8); Летопись Щугорской Стефановской церкви Устьсысольского уезда Вологодской епархии 1858–1917 гг. // Известия Общества изучения Коми края. – 2006. – № 1 (7).

6. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.230. Оп.1. Д.194.

7. НА РК. Ф.230. Оп.1. Д.193.

УДК 821.511.132-3

В.А. Лимерова,
канд. пед. наук, ст. научный сотрудник
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

ОБРАЗ ЗЫРЯНСКОЙ СТОЛИЦЫ В МЕСТНООПИСАТЕЛЬНОЙ ПРОЗЕ КОМИ КРАЯ (по материалам региональной печати XIX – начала XX века)*

Как известно, особое место в литературном пробуждении российских регионов принадлежит провинциальной периодике XIX в., начало которой положили «Губернские ведомости». Не является исключением и словесность Коми края, характер которой во многом определила репертуарная политика учреждённых в 1838 г. Архангельских и Вологодских губернских ведомостей, долгое время остававшихся единственными печатными органами в северной оконечности России. Своей программной задачей газеты объявили «доставление в надлежащее время сведений о постановлениях и распоряжениях губернского начальства» и «сверх того» − о других предметах, «замечательных, любопытных и полезных» [1]. В числе последних редакциям газет виделись «типические черты населения», природные и рукотворные достопримечательности губерний [2], описать которые настойчиво предлагалось местной интеллигенции, знавшей огромный край «в подлиннике». Хорошо представляя трудности, с которыми мог столкнуться местный краевед в описании собранного этнографического или природоведческого материала, газеты публиковали своеобразные методические рекомендации по их текстуальному оформлению. Так, убеждая своего читателя взяться за перо, редактор «Вологодских губернских ведомостей» Н. Полиевктов писал: «Мы позволяем себе думать, что описательный характер корреспонденции далеко не заключает в себе трудностей для изложения: имея целью только наглядную, добросовестную передачу существующих фактов и явлений, он не требует никакой специальной подготовки, поэтому всякий, владеющий без особых затруднений описательным способом изложения, при известной степени наблюдательности – может принести в этом отношении большую пользу» [3].

© Лимерова В.А., 2016

* Статья подготовлена в рамках реализации конкурсного проекта фундаментальных научных исследований РГНФ на 2016–2018 гг. «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века» (№ 16-14-00118а).

Между тем опубликованные в газете «описательные корреспонденции» никогда не воспринимались только в качестве научного сырья – прикреплённость к фактам была необходимым условием для публикации материалов в газете, – не меньшее значение для портретирования края имела выраженная в тексте, сходная с литературной авторская позиция. Фактически перед местным сочинителем стояла задача создания родиноведческой идеологической конструкции, в которой местная оригинальность обеспечивалась не взглядом из культурно-географического центра империи (в отечественной словесности эту задачу выполнял травелог – рассказ о путешествии), а за счёт описания далёкой от центра территории изнутри. Так возник новый вид «газетной» прозы − развёрнутое описание конкретного места: участка местности, города, селения и даже, как указывает Н. Полиевктов, какого-либо «замечательного строения» [4]. Возникнув и укрепившись на страницах «губернских ведомостей», этот вид сочинения получил широкое распространение в губернской печати в целом, сохраняя популярность и в начале XX века. Заметим, что одновременно с региональными изданиями лучшие образцы таких описаний публиковала и центральная печать, в частности, ряд очерковых произведений северных авторов вышел в столичной «Северной пчеле». Благодаря родиноведческой модели описания провинции, заочно знакомившей читателя с географическими и культурными достопримечательностями Архангельска, Вологды и окрестных им земель, в состав которых входил Коми край, малоизвестная и дальняя сторона российского Севера приобретала образ не только знакомой, но своей земли. Правда, переход от описания к самоописанию, трансформация образа географической окраины в образ родного края произошли не сразу: сказывалась устоявшаяся в русском общественном сознании негативная оценка глухой провинции и провинциального жителя, а в сочинениях о Коми крае она к тому же дополнялась стереотипами изображения российских инородцев и населённых ими земель.

Если обратиться к «местно-описательным» (термин, предложенный Н. Полиевктовым) сочинениям, составившим портрет Коми края, можно заметить особое внимание местного автора к населённым пунктам, служившим торговыми, экономическими, культурными центрами разных провинций обширной зырянской родины. «Ярмарка на Вашке» И. Титова (1840), «Небдинская ярмарка в Усть-Сысольском уезде и несколько слов об ижемцах и самоедах» М.И. Михайлова (1848), «Несколько слов о г. Усть-сысольске и его уезде» (1849) и «Прогулка по Княжпогосту» (1851) П.Б. Богданова, «Корткерос. Зырянское селение» Е.В. Кичина (1852), «Пути сообщения Усть-Сысольска с Вяткою» С.Е. Мельникова (1853) и др. в совокупности предлагали альтернативную точке зрения стороннего на-

блюдателя картину Зыряндии, превращая её из «до крайности бедной», затерянной в угрюмых лесах земли, которая «даже впереди не может ожидать лучшего» [5], в богатый, оживлённый, населённый предприимчивыми людьми край.

Существенную часть местнооописательной прозы составили сочинения об Усть-Сысольске. Их создание шло на фоне и в контексте опыта семиотизации зырянской столицы в русской литературе метрополии, использовавшей Усть-Сысольск и его обитателей в качестве «символа провинциальной отсталости и дикости» [6] («Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Дневник провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.). Стереотипический образ Усть-Сысольска − глухого места поддерживался также авторами, позиционировавшими себя представителями центра и «имевшими удовольствие» познакомиться с Усть-Сысольском очно (П.В. Засодимский «Лесное царство», А.О. Ишимова «Зырянка»).

Первые описания Усть-Сысольска краевыми писателями могут быть отнесены к 1840–1850 годам. Это «Несколько слов о г. Усть-Сысольске и его уезде» П.Б. Богданова (1848), «Зима в Усть-Сысольске и северное сияние» М.И. Михайлова (1849), «Заметки о городе Усть-Сысольске» и «Об основании города Усть-Сысольска» Е.В. Кичина (1851), «Топография Усть-Сысольского уезда» неизвестного автора (1855). Из более поздних текстов можно назвать «Нечто об Усть-Сысольске» и «Краткие статистические и этнографические сведения об Усть-Сысольском уезде» В.Е. Кичина (1865), «Заметки о театрах» некоего В., «Письмо корр. “Светоча” из Вологодской губернии» М. Куклина (1882) и др. На первый взгляд эти тексты лишь тиражируют сложившиеся стереотипы провинциального города. Однако в ситуации пробуждения краевой словесности повторение известных схем мифологизации российской глубинки играло положительную роль и как форма литературного опыта, и как импульс к выявлению характерных черт реального города и в конечном итоге – созданию оригинального образа своей столицы.

В описаниях Усть-Сысольска местный автор, как правило, учитывает впечатления посетителей города, отталкивается от них, но предлагает противоположную или компромиссную оценку городских объектов и видов, оказавшихся в поле критического зрения заезжего человека. Складывается своеобразный тип местного текста, в котором автор ведёт скрытый диалог, полемику с неназванным собеседником, имплицитно олицетворяющим точку зрения «чужого». Как справедливо отмечает В.И. Чупров, в XIX в. приезжему человеку Усть-Сысольск представляется «обыкновенным городком, нелепо растянувшимся на протяжении чуть ли не десяти верст», в центре которого «встречаются пустыри и площади, на которых

пасется скот, едва ли не косят сено» [7]. Местный писатель соглашается со сторонним наблюдателем относительно не столичного и не городского вида уездного Усть-Сысольска, но в тех же чертах ему открывается природность городка, видится особый, непривычный русскому человеку тип поселения – не города и не села. Усть-Сысольск в описаниях не имеет устойчивого центра и окружающей его городской окраины. В нём нет центральных и периферийных улиц, одна и та же улица пересекает весь город, лучшие дома находятся в разных частях, а середина города равно состоит из административных учреждений и сельскохозяйственных угодий. Застраивается он не по привычным для русского человека правилам градостроения, а как пожелается его жителям, поэтому имеет нестрогий, вольный характер. Самые распространённые в использовании местного автора выражения, живописующие зырянский город: «раскинулся», «расположился», «растянулся», «лежит при реке».

В этой зооморфной пассивности Усть-Сысольск не только не похож на известные литературные модели главных российских городов, но и противоположен как «вытянутому в струнку» (Н. Гоголь) логично-правильному, искусственному Петербургу, так и естественному, «великолепно разросшемуся» (А. Григорьев) городу-растению Москве. Усть-Сысольск организован волей реки, а не человека, поэтому он не может «вести себя» по-петербургски «в соответствии с предумышленной схемой, планом, правилом» [8]. С другой стороны, живущий в согласии с рекой и ведомый ею, он не имеет возможности к самовольному росту в разные стороны, как Москва. Главным пространственным ориентиром в описаниях Усть-Сысольска служит сама Сысола: острова, береговые скаты, изгибы, излучины. Вот одно из таких описаний, принадлежащее Е.В. Кичину: «Собор здешний стоит на скате к реке Сысоле, на левом ее берегу. У этого же храма идет к почтовому Яренскому тракту одна из лучших улиц города Усть-Сысольска, на которой расположено несколько благовидных домов, и в том числе каменный двухэтажный дом, принадлежащий здешним уездному и приходскому училищам. От сего дома, по дугообразному берегу Сысолы, до самого кладбища, которое зовется здесь Кирулями, взорам представляется прекрасный вид: набережная заключает в себе несколько домов, сливающихся как бы в одну неразрывную толщу, а ниже их рынок с деревянными лавками, за которыми, на самом скате к реке, гнездится бесчисленное множество избушек. На самой Сысоле находится остров, покрытый зеленым ковром растительности и испещренный разными цветами. За рекой, на взволнованном холмами пространстве, красуется мелкий кудрявый лес, а в конце набережной высится на Кирулях каменная Вознесенская церковь, за которою у опушки леса видна деревянная часовня, стоящая близ зеркальной воды

небольшого озера» [9]. Автор вносит в описание минимум рукотворных объектов, обозначает их местоположение относительно линии реки, но ни на одном из них не задерживает взгляда. Усть-Сысольск на этой картине практически не имеет обычных материальных маркеров городского пространства: парков, площадей, садов и т.д. Немногочисленные здания, попавшие в авторский объектив, не имеют индивидуальных черт: собор, «храм на Кирулях» и часовня так же, как и главная улица, – безымянны; «несколько домов», расположенных на последней, удостаиваются лаконичной однословной характеристики – «благовидные»; дома на набережной так похожи друг на друга, что сливаются «в одну… неразрывную толщу», а жилища рядовых горожан составляют «бесчисленное множество избушек». Из ряда «благовидных домов» выделяется училище – оно каменное и двухэтажное, именно в этих «особых приметах» состоит оригинальность самого интересного здания Усть-Сысольска. Несмотря на более чем скромный набор признаков городского, увиденных автором на территории Усть-Сысольска, его описание не отягощено иронией, а подано в тёплых, почти лирических тонах. Автор предлагает концепцию города, уникальность которого обеспечивается первенством природного начала над культурным. Вид Усть-Сысольска, открывающийся с высокого берега Сысолы, прекрасен Божьими творениями: дугообразный берег реки, покрытый зелёным ковром растительности и испещрённый разными цветами остров, взволнованное холмами пространство за рекой, кудрявый лес, зеркальная вода небольшого озера. Человеческие жилища не отвлекают внимание на себя, не соперничают с красотой природы, не изменяют естественный географический ландшафт устья Сысолы. Человек, живущий на этом месте и называющий его речным именем Усть-Сысола, является воспреемником природной силы реки, бережно обживает её берега, сохраняя естественный прибрежный ландшафт.

Необходимо уточнить, что Усть-Сысольск в своём литературном образе не вписывается в известную типовую природно-культурную парадигму городского пространства, в котором природа существует в своём окультуренном, садово-парковом, подчинённом человеку варианте. Отличительная черта устьсысольца – селиться сообразно первозданному ландшафту, приспосабливаясь к нему со своими хозяйственно-бытовыми нуждами. Отсюда – параллельное реке расположение улиц Усть-Сысольска, выражающих первенство природной стихии в принципах застройки города, а также выше обозначенный оттенок пассивной подчинённости человека физической силе реки, которая присутствует в метафорике образа города («лежит при реке»). Таким образом, ментальность Усть-Сысольска, какой её осознает Е.В. Кичин, принципиально инакова городам, символизирующим

победу человеческой воли над природными стихиями земной тверди и воды (города Урала, приморские Санкт-Петербург, Архангельск). Мотивика «борьбы» в такой модели Усть-Сысольска полностью отсутствует как неактуальная для местного автора, вместе с другими устьсысольцами мирно принимающего власть реки над собой. Е. Кичин подмечает, что инициативную роль в отношениях устьсысольца и Сысолы играет река: не человек изменяет ландшафт, обустраивая и изменяя прибрежную зону, а она включает человека в своё пространство, украшая берега домами. Закономерно возникает мотив орнитоморфности человека: крестьяне, подобно птицам, «гнездятся» на речных скатах. Да и в целом устьсысолец в приведённом описании равнодушен к искусству украшения домов, чем также подчёркивается его безмятежное согласие с природными формами.

Усть-Сысольск – не единственное «приречное место» на литературной карте региональной словесности. Река – доминантный признак краевого пространства в целом. В сочинениях краевых авторов XIX в. река ещё далека от подтекстовых значений, от ёмкости поэтического символа, но уже главное место действия, самая заметная геологическая достопримечательность края, поэтому лесной зырянский край зачастую выглядит в описаниях краем речным (См.: С.Е. Мельников «Описание сплавной реки Вычегды, расположенных окружностей её с подробным объяснением таковых же рек, в неё втекающих, и речек и замечательных озёр, также посторонних речек, приемлемых сими последними реками», П.В. Богданов «Несколько слов о г. Усть-Сысольске и его уезде», «Путевые заметки от Солеваренного завода до деревни Вильгортской Яренского уезда» неизвестного автора, Н.Д. Волков «Удорский край» и др.). Названия рек фигурируют в значительной части заголовков произведений, по описаниям рек и речных бассейнов складываются представления о промыслах и образе жизни разных этнических групп коми: ижемцев, печорцев, сысоличей, вычегжан, «лузцы». Река и её берега – приют для зырянина, защита от всепоглощающей тайги, полоса земли, освещаемая солнцем. Река – водный путь, помощник зырянина в его хозяйственных делах, она соединяет один зырянский род-селение с другим, скрепляет в один народ, создаёт границы и внутренние скрепы зырянского пространства. Русский простор испещрён дорогами, они соединяют города, переходя в городские улицы и пронизывая их; вдоль улицы-дороги лицом к ней рядами строятся дома – такова геометрия русского города. Имея естественные транспортные магистрали и довольствуясь ими, зыряне не прокладывают «пыльных шрамов дорог» на теле земли. Вот почему так незначительно место Яренского почтового тракта – единственной въездной улицы – в описаниях Усть-Сысольска. Главным «трактом», следующим в Усть-Сысольск, и главной улицей является сама Сысола.

Вместе с темой реки в постоянный, основной мотивный комплекс местнооописательного текста входят темы пути и бездорожья: бездорожье доставляет неудобства приезжему человеку, привыкшему передвигаться сухопутным способом, но не ощущается жителями края, спокойно передвигающимися по рекам. «Путешествие от города Вологды до города Усть-Сысольска… не представляет никаких затруднений, так как весь путь совершается на пароходах по рекам: Вологде, Сухоне, Северной Двине и Вычегде» [10], − поясняет читателю священник Щугорского Стефановского прихода Андрей Попов. Местный автор питает уважение к чужой точке зрения и описывает неудобства, с которыми встречается или может встретиться цивилизованный путешественник. К примеру, «Вологодские губернские ведомости» устами одного из своих корреспондентов предостерегают всякого, кто «по не терпящему отлагательств случаю» вынужденно решится на пешеходное странствие по какой-либо из зырянских провинций: «Ходят, правда, прямым путем, но к нему прибегают только в крайности, именно в начале весны и осени, когда ранние оттепели в первом случае и ранние морозы – во втором прекращают сообщение реками. Он действительно прям, но за то во все его протяжение нужно идти пешком по пояс в воде, … кроме того, он совершенно не обитаем, и чтобы решиться на него, нужно иметь много уверенности в своей силе и терпении» [11]. Имея собственный опыт передвижения по краю, автор советует пользоваться водным сообщением, которое тоже таит в себе неприятности, но «как они ни тяжелы для новичка, ничтожны в сравнении с тем, которым подвергаются пешеходы». «Безветрие и большая вода» − все, что нужно «для самого быстрого и удобного переезда», − считает он. Подобные рассуждения свидетельствуют о том, что пространственные образы провинций края и конкретно Усть-Сысольска начинают строиться с учётом взгляда изнутри – в этих случаях тема бездорожья либо не актуализируется в тексте, либо принимает форму открытого противопоставления двух мнений, принадлежащих посетителям края и его столицы и коренным его жителям.

Сопоставление разных культурных сознаний ощущается в интерпретациях ещё одного свойства столицы зырян: не отвечающий требованиям урбанистического, геометрически упорядоченного пространства, город на Сысоле неизбежно ассоциировался с городской окраиной − промежуточной между городом и не-городом территорией. Среди признаков окраинности Усть-Сысольска особо выделяется локус, привносящий в его образ элемент неразвитости городского начала – это незастроенные места, промежутки между «гнездовьями» домов, по причине которых город кажется наблюдателю «раскинувшимся неправильными кучками серых строений» (Ю.А. Волков), «разбросанным и некрасивым» (Ф.А. Арсеньев). В плане

литературной традиции свободное от жилых строений место отсылает нас к понятию «пустыря», пустого места, противоположного полноте и тесноте городского пространства. «В отношении к пространству пустырь выступает как минус-пространство и реализует значение “дезорганизованная искусственная среда”… Маргинальность пустыря подтверждена его локализацией в урбанистической застройке – на краю города» [12], − отмечает Н.В. Злыднева, рассматривая пустырь в качестве одного из основных архаических стереотипов города. Готовый семантический резерв «пустыря» сказывается и на образе Усть-Сысольска: в разных описаниях прерывистость его пространства − главный источник внешней непривлекательности города, особенно − со стороны реки, т.е. с точки зрения прибывающего в город. Вместе с тем на практике к слову «пустырь» местный автор прибегал крайне редко, объясняя существование незастроенных мест на территории городка и его разбросанность особенностями зырянского «градостроительства». Характерен в этом отношении очерк Е.В. Кичина об истории основания Усть-Сысольска, в котором даётся ясное представление не о линейном, привычном для человека из центра, а «гнездовом», состоящем из отдельных частей (деревень, слободок, местечек и т.д.) формате города*. В своём сочинении Е.В. Кичин приводит и поясняет более 10 названий современных ему «составных частей» усть-сысольской территории: Вичкодор, Подгорье, Микул сикт, Кыруль, Кокулькар, Половина, Кӧдзвыл, Изкар, Куешга, Кошинев, Тентюков грезд, Титов грезд, Ганя грезд, Сыктылдінпон [13].

Промежутки между селениями-местечками и составляли те самые «пустыри», придавая Усть-Сысольску некомпактный вид. Симптоматично, что «пустырём» Е. Кичин называет поле, очевидно, не найдя в русском языке другого смыслового адеквата участку внутри городского черты, используемому под посевы (Кӧдзвыл). «Незаселённые промежутки», о которых упоминает Е. Кичин, − это поля, огороды, сенокосные угодья, располагавшиеся в разных частях города: устьсысольцу, не отставшему «от занятий крестьянских в противность правилам для городских жителей установленным» [14], они представлялись вполне естественными и необходи-

* О таком принципе организации Усть-Сысольска пишет М.Б. Рогачёв. Он указывает, что в реальности Усть-Сысольск представлял собой характерный для сысольских зырян тип поселения, состоящий из «грозди» отдельных деревень: «эти селения именовались “концами”, “пригородами”, “местечками”, “слободками”, а их жители считались такими же горожанами, как и обитатели центральных кварталов». (См.: *Рогачёв М.Б.* Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2006. – С.160.)

мыми компонентами города, обеспечивавшими непрерывность и полноту обжитого человеком пространства. Чрезвычайно существенно, что акцент на визуальной прерывистости Усть-Сысольска получал у краевого писателя аксиологическую двойственность: упоминания о «незаселённых промежутках» укрупняли негородские черты «столицы» и развивали идею её окраинности − в этом сказалась связь с привычным модусом феномена городского пустыря; с другой стороны, спокойный тон повествователя, присущий описаниям сельскохозяйственного уклада жизни горожан, придавал этим же «промежуткам» статус обыкновения, положительной нормы.

Литературная топика Усть-Сысольска тем и отличается от других заселённых мест края, получивших описание, что именно она содержит указания на сельскохозяйственные интересы жителей. Крестьянские черты Усть-Сысольска обнаруживаются не только в его более или менее развёрнутых описаниях, но и в различного вида заметках о современных публикатору событиях в жизни города и края. Сошлёмся хотя бы на усть-сысольского корреспондента «Вологодских епархиальных ведомостей», который, подробно рассказывая о ходе празднования столетия со дня освящения одного из городских храмов, замечает, что «настоящее торжество привлекло много народа, несмотря на то, что уже начался сенокос» [15]. «… События, интересные с точки зрения полицейской хроники, редко имеют место в Усть-Сысольском крае, − делится своими наблюдениями “Вологодский листок”. − Не бывает в городе сенсационных процессов, грандиозных банкротств, открытий памятников, − скромной и незаметной кажется будничная, трудовая жизнь столицы маленького крестьянского народа» [16]. Можно сказать, что по содержанию примет крестьянского быта столица представляет контраст сельской местности, в процессе портретирования которой упоминания о нерадивости зырян к полевым работам и скотоводству принимают характер общего места. «Вообще, полевыми работами зырянин занимается небрежно, как попало, без всякого усердия, лишь бы кончить дело. Вследствие этого и родилась любимая пословица зырян: *дыш, да агсася* – “лень, да бороню”, которую они часто употребляют при занятиях, которые им не по сердцу» [17], − рассуждает М.И. Михайлов. По его мнению, зыряне не усердны и в скотоводстве: «Принимая в соображение сторонние требования на разные роды скота, нельзя не удивляться слабому у зырян развитию этой отрасли сельского хозяйства при повсеместном в краю обилии трав и питательных солончаков» [18]. Михайлов пишет, что к «разведению домашних животных» больше приучены городские обыватели, чем сельчане, но и те держат его «не столько для собственного потребления или же из видов промышленных, сколько для удобрения пашни, требующей каждогодного унавоживания…» [19].

В целом, по наблюдению литераторов-зыряноведов, возделывание полей и разведение скота являются занятиями городских жителей, т.к. единственно при Усть-Сысольске имеются обширные участки открытого, освобожденного от леса пространства. По сведениям того же М.И. Михайлова, «под городом Усть-Сысольском считается до 15 000 тысяч десятин всякого рода земли, всего в окружности на 60 верст. При таком богатстве в земле и всегдашнем обилии трав землепашество и скотоводство сделались не только существенными промыслами горожан Зырянского края, но даже предпочтительно перед поселянами. Владея лучшими, чем эти последние, пашнями и лугами, купцы и мещане возделывают свои земли тщательнее, и большие выгоды извлекают из сельского хозяйства. Оттого и хлебопашество у них находится на гораздо высшей степени, чем у поселян» [20]. Как представляется, манифестация крестьянских черт столицы зырян − лесного народа, «в жизни которого звериные промыслы составляют главное средство к пропитанию» [21], объясняется не только объективным географическим и экономическим положением города, но связана с реализацией известной цивилизационной теории, согласно которой производящий сельскохозяйственный уклад жизни более способствовал оседлости и, как следствие, социально-культурному развитию народов, чем присваивающее хозяйство кочующих охотников. Образ крестьянского Усть-Сысольска формируется по типу древних городов первых скотоводов и земледельцев, перешедших к оседлому образу жизни: в «возделывании полей и размножении домашних животных» (М.И. Михайлов) местному автору видится путь приобщения зырян к цивилизованной жизни, средоточием которой в его представлении и является город. Таким образом, внешне, визуально столичность Усть-Сысольска в его описаниях обеспечивается не столько «каменными зданиями», сколько приобщённостью его жителей к сельскохозяйственным видам труда. Именно поэтому используемые под посевы «незастроенные места» в пространстве усть-сысольского пейзажа принимают на себя функцию, обратную деструкции городского начала. Они не нарушают, а обеспечивают регулярность урбанистического пространства, представляясь своеобразными дубликатами характерных для городской среды природно-культурных локусов – садов и парков.

Существует ещё одна образно-семантическая составляющая Усть-Сысольска – он не имеет точно очерченных границ. Окружающие его деревни плавно переходят в деревенское же пространство города, составляя с ним единый ансамбль. Имея административные границы, Усть-Сысольск в описаниях лишён чёткой разделительной черты между территорией, принадлежащей городу, и пригородной зоной, что объясняет перманентное присутствие в его портретах мотива «разбросанности». Этим он отличает-

ся от других столичных городов Севера – Вологды и Архангельска, имевших в рецепции литератора XIX столетия типично городскую структуру, т.е. основную часть с окраинами. Усть-Сысольск и примыкающие к нему территории имеют тенденцию к общему описанию, составляя одно целое – «усть-сысольский край». Смыкание Усть-Сысольска с уездом – предмет одного из очерковых произведений П.Б. Богданова. Большую часть его сочинения, опубликованного под названием «Несколько слов о г. Усть-Сысольске и его уезде» (1848), занимает рассказ о произрастающих в уезде лесах и трудностях сообщения, об охоте, для которой «в усть-сысольском уезде раздолье», о минеральных богатствах края, «приметных по всей Сысоле». О топографических особенностях самого уездного центра он сообщает немногое: «Город Усть-Сысольск окружен первобытными лесами, пересеченными в разных направлениях реками, речками, ручейками и множеством озерков, непроходимых болот и топких мест, которые тянутся на несколько десятков верст» [22], – но в этом лаконичном замечании как раз и намечаются пространственные рубежи города: Усть-Сысольск выглядит островной территорией в океане бесчисленных рек и речек, озёр и болот. К образно-смысловому ряду водных, топких мест присоединяется и первобытная непроходимая тайга, на фоне которой город на Сысоле – это весь участок суши, по которому возможно свободно передвигаться, открытая и доступная визуальному осмотру местность, возделываемая человеком земля среди царства лесов.

Усть-Сысольск − географическая и культурная сердцевина края, по усть-сысольской погоде зачастую судят о природно-климатических условиях всей Зыряндии, а по устьсысольцам – об особенностях всего зырянского народа. Будучи столицей, Усть-Сысольск вбирает в себя характерные для всего уезда и края особенности, но, как и любому другому столичному городу, ему приписывают исключительные и даже фантастические черты. В одних случаях Усть-Сысольск по-северному суров: большую часть года Сысолу покрывает лёд [23], зимние морозы не только «стучат по углам и стенам» домов, но нередко дробят и стёкла, горожане имеют удовольствие продолжительное время наблюдать спутник сильных морозов − северное сияние [24], и, по рассказам жителей, вблизи Усть-Сысольского соборного храма «пойман был… молодой белый медведь, житель Ледовитого океана» [25]. Усть-Сысольская зима в описаниях необыкновенно морозная, но нелютая, неспособная победить человека. Местный сочинитель рассказывает о ней с весёлой усмешкой, оживляет её, чаще, чем другим временам года, придаёт её образу литературность: «Нынешняя зима в нашем гиперборейском краю, по сравнению с прошлыми годами, наступила очень рано и с самого начала оказалась не в пример жестока в обращении как с нами –

личными ее врагами, так и с безвинными нашими керками, на которые безжалостно напала с шумом и треском… Несмотря на безвременное и нецеремонное посещение этой гостьи, мы встретили ее с должным вниманием и не слишком стесняясь: нарядились в шубы, а кто потрусливей, тот для храбрости оделся совершенно зверем, натянул на себя приличные в таком случае совик или малицу, пыжиковую долгоушку-шапку и пимы. Вооружившись таким образом, ходим и расхаживаем свободно по городу и также свободно думаем себе: покорно просим, Матушка, гостья нежданная, пожалуйте…» [26]. Несмотря на то, что в зимнюю пору даже от домовкерок «веет морозом», усть-сысольский климат невероятно благоприятен для земледелия. «Труд земледельцев, судя по здешнему краю, значительно вознаграждается урожаем, – пишет Е.В. Кичин и замечает, что «в огородах некоторых здешних домохозяев созревают огурцы, тыквы, арбузы и дыни» [27], т.е. диковинные для этих мест южные плоды.

Кроме полярных погодно-климатических атрибутов усть-сысольской действительности в модальности превосходной степени подана гастрономическая часть жизни горожан. Столицей страны изобилия, гастрономическим раем, в котором человек щедро вознаграждается дарами не только возделываемой, но и дикой природы, выглядит Усть-Сысольск у П.Б. Богданова, который готов вступить в спор со всяким, кто необоснованно «отнимает должную славу от усть-сысольских рябчиков». «Не верьте, господа, этой молве, – восклицает он. – Лучшие рябчики усть-сысольские... Кроме превосходных рябчиков мы лакомимся тетеревами, куропатками, которыми полны окружающие усть-сысольские леса; утками, которых такая бездна, что если вам захочется попозже вечерком прогуляться на близлежащие озерки, то по приближении к ним вас удивит непонятный шум, как бы говор 1 000 голосов, подходите к озеру и узнаете причину: оно покрыто, как темною тучею, множество уток, которые гогочут, полощутся, ныряют и не знают, как выразить свое удовольствие, что наконец могут вполне насладиться в любимой ими стихии. Но радость никогда не бывает продолжительна: злодей охотник уже подкрадывается, раздается выстрел, и много недавно веселеньких, бодрых уток остается на месте» [28]. А «… когда устанавливается зимняя дорога, Усть-Сысольск обогащается дарами Печоры – кедровыми орехами, вкусными рябчиками и рыбой-осетриной, семгой, стерлядью, лоховиной и др. Кроме того, мы изощряем вкус свой и чудной белой рыбицей, нельмой, сигами, хариусом и проч.» [29]. Усть-Сысольск, олицетворяющий Север, подаётся и полагается П. Богдановым особой зоной, средоточием положительных географо-климатических условий жизни человека: «Все заставляет удивляться всемогуществу и премудрой благости Творца; ни что им не оставлено, все уравновешено. Юг красует-

ся его нежными, величественными растениями и громадными слонами, львами, и т.п.; житель Севера гордится маленькими, да удаленькими горностаями, росомахами, лисицами и благодарит Создателя, избавившего его от страшных бурь и ураганов, столь часто свирепствующих на противоположном конце земли» [30].

Приведённые примеры являются прекрасной иллюстрацией того, что в формировании литературного образа зырянской столицы участвует не только её реальный прототип, но и архаические семы, восходящие к представлениям о городе как «центре своей земли», «идеальном её воплощении», «прообразе небесного града» (Ю. Лотман). Движущим началом в создании образа Усть-Сысольска является постоянное напряжение между действительным и желаемым, реальностью и идеалом, что объясняется диффузным состоянием авторского сознания, неустановившейся культурной идентичностью автора. Литературная топография Усть-Сысольска строится на балансировании того, что есть, и того, что в ней видится или хочется видеть не окрепшему в собственном региональном самоосознании автору. Закономерно, что в текстах региональных авторов пересекаются самые различные впечатления об Усть-Сысольске. Тот же П. Богданов, обрисовывавший в восторженных тонах впечатляющие усть-сысольские лакомства, поставляемые зырянами-промысловиками, словно осаживает своего читателя, призывает его к трезвой оценке изобильного естественными богатствами края: «Обширные леса усть-сысольские изобилуют разного рода зверями, доставляющими дорогие меха… Угадываю теперь, благосклонные читатели, ваши мысли и сознаюсь вам, и я так думал, и я услаждал себя надеждою, что все здесь заведены лисицами, росомахами и другими богатыми пушными зверями; приезжаю, – прощайте радостные мечты: и здесь ветерком подбитые шинели очень обыкновенны, а меха, закупаемые торговцами у зырян, отправляются далеко из Усть-Сысольска…» [31].

Одни и те же реально-географические и связанные с ними черты Усть-Сысольска в процессе становления его образа принимают различные толкования и символические смыслы. Удалённость от центра, труднодоступность, предполагающая длительный и нелёгкий путь, физическая обособленность Усть-Сысольска, «окруженного первобытными лесами», опредмечивают захолустную дикость уездного городка; эти же черты в сочетании с природным изобилием усть-сысольского края и благоуспешным землепашеством соотносят зырянскую столицу с благодатным местом, архетипическими локусами утопического островного пространства и плодоносящего небесного сада. Сельскохозяйственный уклад жизни устьсысольцев говорит о внешнем несоответствии Усть-Сысольска «настоящему» столичному городу; он же выделяет его из «царства лесов» в особый, более прогрессивно организованный центр.

* * *

1. Архангельские губернские ведомости. Приложение к газете. – 1838. – № 20; Вологодские губернские ведомости. Приложение к газете. – 1838. – № 1.

2. *Полиевктов Н.* Несколько слов о характере и значении местной корреспонденции для Неофициальной части Губернских ведомостей // Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 19.

3. *Полиевктов Н.* Указ. соч.

4. *Полиевктов Н.* Указ. соч.

5. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т.XIII. Вып. 2: Труды этнографического отдела. Зыряне и зырянский край. Сочинение Клавдия Попова. – М., 1874. – С.41.

6. *Белоусов А.Ф.* Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.464.

7. *Чупров В.И.* Усть-Сысольск – город крестьянский // Красное знамя. – 1979. – 4 сент.

8. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – С.273.

9. *Кичин Е.В.* Заметки о городе Усть-Сысольске // Северная пчела. – 1852. – № 85.

10. *Попов А.* Печорский край и его природные богатства // Вологодские епархиальные ведомости. – 1914. – № 2. – С.30.

11. Цит. по: Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т.XIII. Вып. 2: Труды этнографического отдела. Зыряне и зырянский край. Сочинение Клавдия Попова. – М., 1874. – С.38.

12. *Злыднева Н.В.* Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. – М.: Индрик, 2008. – С.185.

13. *Кичин Е.В.* Об основании города Усть-Сысольска // Вологодские губернские ведомости. – 1853. – № 49.

14. Из Докладной записки Вологодского губернатора В.И. Войекова, составленной в 1815 г. // Цит. по: Рогачёв М.Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2006. – С.161.

15. Из г. Усть-Сысольска Вологодской губернии // Вологодские епархиальные ведомости. – 1908. – № 15. – С.372.

16 Из жизни Зырянского края. Усть-Сысольск // Вологодский листок. – 1912. – № 340.

17. *Михайлов М.И.* О земледелии и скотоводстве у зырян Устьсысольского уезда // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / сост., вступит. ст. В.А. Лимеровой. – Сыктывкар: Кола, 2010. – С.27.

18. *Михайлов М.И.* Указ. соч. – С.28.

19. *Михайлов М.И.* Указ. соч. – С.29.

20. *Михайлов М.И.* Указ. соч. – С.25.

21. *Арсеньев Ф.А.* Зыряне и их охотничьи промыслы. – М., 1873. – С.15.

22. *Богданов П.Б.* Несколько слов о г. Усть-Сысольске и его уезде // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / сост., вступит. ст. В.А. Лимеровой. – Сыктывкар: Кола, 2010. – С.17.

23. *Кокшаров П.В.* Вскрытие и замерзание реки Сысолы у Усть-Сысольска с 1816 по 1855 год // Вологодские губернские ведомости. – 1858. – № 1.

24. *Михайлов М.И.* Зима в Усть-Сысольске и северное сияние. Отрывок из дневника // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / сост., вступит. ст. В.А. Лимеровой. – Сыктывкар: Кола, 2010. – С.175–177.

25. *Кичин Е.В.* Об основании города Усть-Сысольска // Вологодские губернские ведомости...

26. *Михайлов М.И.* Зима в Усть-Сысольске и северное сияние. Отрывок из дневника... – С.175.

27. *Кичин Е.В.* Об основании города Усть-Сысольска // Вологодские губернские ведомости...

28. *Богданов П.Б.* Указ. соч. – С.17–18.

29. *Богданов П.Б.* Указ. соч. – С.19.

30. *Богданов П.Б.* Указ. соч. – С.21.

31. *Богданов П.Б.* Указ. соч. – С.17.

УДК 94:656.1(470.13)“18”

И.И. Лейман,
канд. ист. наук, ст. научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

СИСТЕМА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ В КОМИ КРАЕ СЕРЕДИНЫ XIX в.: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (по материалам Военно-статистического обозрения Российской империи)*

Пути сообщения в Коми крае являлись предметом рассмотрения в монографии М.А. Мацука и В.В. Шаньгиной, вышедшей в 1996 г. и давшей широкий обзор и анализ материалов по рассматриваемой теме [1]. В данной же статье внимание исследователя фокусируется исключительно на материалах «Военно-статистического обозрения Российской империи» с целью создания комплексной картины развития путей сообщения в Коми крае как единой системы, всецело подчинённой природно-климатическим и географическим условиям местности, с позиций непосредственного современника событий.

Географические и климатические условия Вологодской губернии, в состав которой входили Усть-Сысольский и Яренский уезды Коми края, существенно затрудняли формирование в ней развитой сети путей сообщения. «Вся Вологодская губерния, если разсматривать её в целости, есть одно огромное, более или менее топкое болото, покрытое сплошным лесом, расчищенное и осушенное вековыми усилиями весьма в немногих местах, изрытое глубокими речными долинами и, наконец, изредка пересеченное естественными сухими жилами» [2]. Перемещение по губернии было сопряжено с «непреодолимыми затруднениями, по причине пустынности и малаго плодородия края» [3]. Кроме того, Вологодская губерния «по отда-

© Лейман И.И., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

ленному положению своему» находилась «в стороне от всех почти путей, соединяющих другие губернии между собою» [4]. Не способствовала развитию транспортной инфраструктуры и низкая плотность населения губернии. «Народонаселение» было «растянуто длинными прерывчатыми линиями», «по течению рек отдельными обществами», между которыми находились «обширныя, необитаемыя пространства» [5]. Особенно сложно было перемещаться по окраинам губернии, в частности по Яренскому и Усть-Сысольскому уездам, – климат здесь был ещё более суровым, плотность населения – ещё меньше.

Сеть путей сообщения в Коми крае середины XIX в. представляла собой довольно сложную систему, вынужденно адаптировавшуюся под сложные географические и природно-климатические условия местности. С одной стороны, обилие водных путей сообщения создавало хорошие условия для развития коммуникаций между населёнными пунктами. Однако при ближайшем рассмотрении оказывалось, что способными к судоходству эти водные пути были в довольно ограниченный период. Так, из-за обилия рукавов на некоторых участках течения река Вычегда была судоходна «только в весеннюю водополь» [6]. Притоки Мылвы, впадавшей в Вычегду, также были «сплавны весною, но летом очень мелки и едва позволяют проезд в челноках» [7]. Аналогичная ситуация наблюдалась в летнее время на Сысоле: «в сухое лето открываются на ней мели, препятствующие судоходству» [8]. Даже весной не везде открывались возможности продолжительного судоходства. Так, на р. Лузе, вскрывавшейся в середине апреля, судоходство при Ношульской пристани было возможно только до 1 мая; это было связано с разницей по времени вскрытия с Югом, притоком которого была эта река. Ввиду этого по вскрытии Лузы сразу же производился спуск барок на воду и осуществлялась их поспешная загрузка товарами, что при хорошей погоде продолжалось 6–10 дней; по окончании погрузки суда немедленно отправлялись в путь [9]. Судоходной Луза оставалась «только во время прибыли весенних вод, возвышающих поверхность ея сажени на 2» [10].

Сложности в передвижении по рекам создавал рельеф местности: крутизна берегов, речные извилины и другие естественные препятствия [11]. К тому же на пути часто встречались заторы из валежника, которые, несмотря на предпринимаемые властями меры по их расчистке, также затрудняли движение [12]. Например, большие заломы имели место в притоках Вычегды и Вишеры [13].

При использовании водных путей сообщения расстояние между населёнными пунктами увеличивалось в несколько раз по сравнению с прямой сухопутной дорогой, которая устанавливалась в зимнее время [14]. Так, путь от Сольвычегодска до долины Пинеги в зимнее время составлял 273

версты (около 292 км), а в летнее по воде – 473 версты (около 506 км), от Яренска до Венденги – 201 версту (около 215 км) в зимнее время и 587 вёрст (около 628 км) по воде в летнее [15].

Однако, несмотря на все неудобства, речная сеть в летнее время для многих населённых пунктов Коми края была единственным средством сообщения [16]: даже незначительные притоки Вычегды имели «важность в этом пустынном крае», т.к. часто служили «единственными путями для переездов в летнее время» [17]. Вычегодская Мылва летом являлась «единственным путём для сообщения Вычегодских селений с Печорскими» [18]. Печорская Мылва в летний период соединяла Печорский край и Вычегодскую долину, а Мезень и её притоки были единственным средством сообщения Яренска с Удорою [19].

Таким образом, водные пути сообщения имели для Коми края важное значение, хотя их использование и было сопряжено с рядом трудностей и ограничений.

Сухопутное сообщение в крае зависело также от сезонности, рельефа местности и особенностей ведения хозяйства. Важные в административном отношении дороги содержались во вполне приличном состоянии. Так, дорога из Усть-Сысольска в Лальск была «хороша и удобна к проезду во всякое время года» [20]. При этом, однако, нередки были дороги, состояние которых оставляло желать лучшего. Во многом причиной этого являлась низкая плотность населения края. Например, путь из Усть-Сысольска в город Орлов Вятской губернии, «не смотря на изобилие в лесе», не содержался «в исправности» по причине «малой населенности края» [21]. Состав дорожного грунта варьировался в зависимости от местности: встречался грунт песчаный, песчано-каменистый, глинистый, песчано-глинистый, глинисто-иловатый, твёрдо-глинистый, чернозёмный и болотистый [22]. Если песчаный и песчано-глинистый грунт был удобен «во всякое время к проезду» [23], то глинисто-иловатый, чернозёмный и болотистый в распутицу представляли «затруднения к проезду» [24].

Сухопутные дороги в Коми крае отличались крутым спусками и подъёмами, как правило, при приближении к ручьям или переходе в долины рек [25]. Зачастую дорога пересекалась реками: так, Печорскую дорогу пересекали многочисленные притоки Вычегды: Никита-ель, Сердь-ель, Подар, Косъ-ю [26]. В подобных случаях через реки были возведены мосты или организованы переправы. Прочные и «замечательные по длине своей» мосты были установлены через Вычегду, притоки Северной Двины; содержались они «в исправности» [27]. Причём через Вычегду переправлялись «по пловучему мосту, связанному из плотов» [28]. Небольшие мосты, преимущественно удовлетворявшие потребности в сообщении «прибреж-

ных жителей», часто находились «в посредственном состоянии», приходя «в ветхость». Такое положение дел, например, имело место на р. Кулой, по дороге от Сольвычегодска к Яренску, от Усть-Сысольска в город Орлов Вятской губернии [29]. А на р. Лузе, как отмечено в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», не было ни одного моста [30].

Там, где не было мостов, открывались переправы. Как указано в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», переправы через широкие реки были «устроены весьма хорошо» и вполне удовлетворяли «скудным потребностям края в этом отношении» [31]. Для переправы использовались плоты, лодки, карбасы*. Количество карбасов и паромов на переправах варьировалось от 1 до 3. Грузоподъёмность карбасов составляла от 50 до 300 пудов, паромов – от 80 до 250 пудов [32]. Такого рода переправы использовались в основном в летний период и осенью до заморозков. Во время весенних разливов некоторые из них вследствие ледохода прекращали действовать примерно на неделю [33].

Летом многие небольшие реки, пересекавшие сухопутные дороги, можно было переезжать вброд. Броды имелись на реках Вишере, Ергусе, Кулое, Ленке, Тершинге, Тойме и др. [34]. Много бродов открывалось летом в Усть-Сысольском уезде на реке Лузе, но их расположение было «мало известно, по причине редкости сообщений» [35]. Однако не всегда броды могли быть использованы для перевозки тяжелых грузов: так, брод через р. Яреньгу был неудобен «для провоза больших тяжестей по причине слабаго песчаного грунта» [36]. На больших реках даже в летнее время бродов не было. Например, Печора «на всем протяжении своем, в Устьсысольском уезде» была непроходима вброд и «везде способна к судоходству, которое встречает только препятствия от мелей, образующихся во многих местах, и от двух каменистых порогов» [37].

В целом сезонность оказывала огромное влияние на возможности использования наземных путей сообщения в Коми крае. По причине того, что огромные пространства между сухопутными дорогами здесь были заняты «непроходимыми лесами и топкими болотами», дорожная сеть простиралась в основном вдоль рек и ручьёв. Это обстоятельство естественным образом приводило к прерыванию сухопутного сообщения весной, в период паводка, на несколько недель [38]. Так, весенний разлив Вычегды приводил к затоплению некоторых участков дороги от Сольвычегодска к Яренску, прерывая полноценное сухопутное сообщение на месяц-полтора [39].

* ***Карбас*** – это архангельская или беломорская лодка, «обычно на 4–10 вёсел, с двумя шпринтовными (четвероугольные, с древком долонью, с угла на угол) парусами; ходят по рекам и в море, на промыслы». (См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1855. – Т.II. – Ч.3. – С.91.)

Дорога от Яренска к Усть-Сысольску восстанавливалась для наземного сообщения, прерванного весенним разливом Вычегды, не ранее июля [40]. Сысола затапливала большую просёлочную дорогу из Усть-Сысольска в город Кай Вятской губернии, прерывая движение по ней [41]. Накануне паводка на части рек (например, на Вычегде) «заблаговременно» снимались мосты [42], в связи с чем передвижение по подтопленным участкам дороги производилось на лодках, плотах и карбасах. Такого рода сезонные переправы старались организовывать заблаговременно, поэтому сообщение между населёнными пунктами практически не прерывалось [43]. По окончании паводка ежегодно осуществлялась большая работа по приведению дорог в надлежащий вид: восстанавливались снятые мосты, засыпались глубокие ямы, образованные в результате разлива рек, и колеи, появившиеся вследствие текущих с возвышенностей талых вод [44].

Свои особенности были и в использовании наземных путей сообщения в летний период, когда потребность в сухопутных дорогах была несколько меньшей: «В продолжение краткаго тамошняго лета, сельские жители почти не имеют времени отрываться от домашняго хозяйства своего, и потому, не пользуются вовсе проезжими дорогами… Таким образом, потребность в летних путях здесь весьма ограничена и заключается в тесных пределах административных и почтовых сношений» [45]. Сухопутные летние дороги были значительно длиннее зимних, т.к. большая часть из них была проложена «по направлению течения рек». Кроме того, наземные пути сообщения в Коми крае практически не пересекались, дороги тянулись «почти параллельно одна другой, не в значительном разстоянии, но отделенныя болотистыми пространствами», что, в свою очередь, также увеличивало расстояние пути из одного населённого пункта в другой [46]. Так, пеший путь от Усть-Сысольска до Троицко-Печорского погоста летом составлял 553 версты (около 592 км), а зимой – 385 вёрст (около 412 км) [47]. Сложностей прибавляла и низкая плотность населения в крае, вследствие чего путешественникам приходилось преодолевать огромные расстояния, прежде чем добраться до ближайшего населённого пункта, где можно было получить ночлег и пищу [48]. Часть дорог летом была труднопроходима. Например, дорога из Усть-Сысольска в город Орлов Вятской губернии представляла для путешественников «большие затруднения» по причине чернозёмного грунта, который в период дождей превращался в грязь. А некоторые населённые пункты Коми края летом вообще оказывались отрезанными от остального мира. Так, три деревни, расположенные по берегам Синдорского озера, на границе Яренского и Усть-Сысольского уездов, летом не имели «никакого сообщения с другими местами» [49].

Особую сложность для сухопутного сообщения в Коми крае представляли болота. Например, в Яренском уезде болотистое пространство, дававшее начало рекам Яреньге и Лаптюге, являлось причиной «разъединения всей Удоры от уезднаго города Яренска» [50]. Обширные болотистые пространства, известные «большею частию только по именам» [51], характерны и для Усть-Сысольского уезда. Однако и болота вынужденно использовались местными жителями для передвижения в летний период. В этом случае поверхность дороги устилалась брёвнами для повышения проходимости. Путь по болотам был сопряжён с большими трудностями и неудобствами: «солнце среди лета… почти несходит с горизонта; … густой лес препятствует всякому движению воздуха и потому жар нестерпимый, … неизобразимое множество комаров и мошек не позволяют путешественнику ни на минуту приподнять частой сетки, которою он окутан с головы до ног». За сутки в таких условиях можно было проехать не более 25 вёрст (около 27 км) [52]. Например, путь из бассейна Вычегды в бассейн Печоры летом пролегал через болота; местные жители нередко вынуждены были брести по колено или даже по пояс в воде, особенно в дождливое время [53].

Осенняя распутица вносила свои коррективы в систему сухопутных дорог Коми края, прерывая сообщение с некоторыми населёнными пунктами вплоть до установления санного пути.

Зимнее сообщение здесь было наиболее удобным, оптимальным по расстоянию и востребованным в хозяйственном плане (для доставки промысловых товаров на различные ярмарки и торжки и т.п.): «все разстояния значительно сокращаются и которые притом проходя волоками, разстилающимися по совершенно ровной местности представляют все удобства к скорой езде» [54]. На основной территории Коми края, входившей в состав Вологодской губернии, санный путь устанавливался в начале ноября и продолжался до середины марта, крайне редко прерываясь оттепелями [55]. В этот период часть дорог прокладывалась прямо по руслам замёрзших рек. В частности, дорога от Сольвычегодска к Яренску зимой «во многих местах» проходила по льду Вычегды [56].

В зимнее время рано замерзали болота, и через них прокладывалось «много волоковых путей, удобных к проезду» [57]. Пока снег ещё не был слишком глубок, устанавливались санные пути «по направлению узких просеков, где на разстояниях от 30 до 40 верст расположены небольшия избушки, в которых на зиму поселяются наемные сторожа, кушники». В таких избушках путешественники могли «отогреться и выкормить лошадей своих, но само собою разумеется, что все съестные припасы и фураж должны они привезти с собою» [58]. Например, на протяжении большого

и трудного пути между Помоздинским и Троицко-Печорским погостом находились три избы «для отдохновения проезжающих» [59]. С приходом весны сообщение через болота прекращалось [60].

Таким образом, климатические и географические условия накладывали существенный отпечаток на систему сухопутного сообщения в Коми крае, определяя вполне конкретные сроки и возможности их использования в зависимости от времени года. В совокупности наземные и водные пути сообщения здесь органично сочетались друг с другом в плане возможностей использования в разное время года. Так, летом и осенью (до заморозков) удобнее было передвигаться по рекам; зимой широко использовался санный путь; весной в зависимости от обстоятельств сочетались наземные и водные пути сообщения. Такое органичное сочетание позволяло населению Коми края поддерживать культурные и хозяйственные связи, преодолевая ограничивающие факторы.

* * *

1. *Мацук М.А., Шаньгина В.В.* Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX веке. – Сыктывкар, 1996.

2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1855. – Т.II. – Ч.3. – С.22.

3. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.16.

4. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.185

5. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.185, 258.

6. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.138.

7. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.147.

8. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.151.

9. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.230.

10. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.132.

11. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.23.

12. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.24, 229.

13. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.147, 150–151.

14. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.24.

15. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.215.

16. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.23–24.

17. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.138.

18. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.147.
19. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.169, 172.
20. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.208.
21. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.207.
22. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.193–194, 207.
23. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.193.
24. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.193–194, 207.
25. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.193, 207.
26. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.145–146.
27. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.204–206.
28. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.138.
29. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.157, 194, 207.
30. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.133–134.
31. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.23.
32. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.150–155, 194–195, 204–205, 207–208.
33. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.207–208.
34. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.150–152, 157, 193–194, 214.
35. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.133–134.
36. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.154–155.
37. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.171.
38. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.23.
39. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.1193–194.
40. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.194–195.
41. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.151–152.

42. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.136.
43. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.194, 204–205, 207.
44. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.193–194.
45. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.185.
46. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.217.
47. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.216.
48. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.207.
49. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.179.
50. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.183.
51. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.184.
52. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.213.
53. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.216.
54. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.217.
55. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.264.
56. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.194.
57. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.181.
58. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.213.
59. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.216.
60. Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С.181.

УДК 91(091)

В.И. Силин,
д-р геогр. наук, гл. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

К ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века*

Европейский Север, в том числе и Республика Коми, – территория промышленно-сырьевого развития. Многие населённые пункты возникли и развиваются благодаря исследованиям и эксплуатации природных ресурсов. Поэтому изучение истории географических исследований – естественная и актуальная задача. В XIX в. большинство научных исследований были пионерными, комплексными. Одни и те же специалисты изучали различные компоненты географических ландшафтов. Некоторые экспедиции были значительно более «комплексными», чем большинство современных, например, экспедиции под руководством Э.К. Гофмана, Ф.Н. Чернышева и др. В их составе трудились астрономы, горные инженеры, ботаники, этнографы и т.д. Поэтому причислить результаты таких работ к какой-либо одной науке невозможно.

В географической литературе существует большое количество работ, посвящённых истории изучения научных исследований Севера. Практически каждое значительное исследование описано историками, геологами, географами. Кроме того, имеется большое количество работ, посвящённых жизни и деятельности отдельных исследователей. С хронологией и библиографией литературы по отдельным конкретным событиям в научном изучении территории можно познакомиться не только по множеству печатных изданий [1], но и по электронным указателям, размещённым на сайтах Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Коми отделения Русского географического общества. В данной статье автор хотел бы рассмотреть историю научного изучения территории по компонентам природ-

© Силин В.И., 2016

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике»).

но-территориального комплекса (далее – ПТК), не затрагивая исследований, связанных с рассмотрением жизни этносов.

Выделение периода (1850–1900) обусловлено бóльшей, чем в предыдущие годы, интенсивностью познания территории, бóльшей специализацией исследований, проявлением интереса местных властей и частного бизнеса к изучению Севера. Это время смены в науке поколения «образованных немцев» на поколение образованных отечественных исследователей, в том числе местных.

К середине XIX в. было известно почти обо всех основных природных ресурсах, расположенных на нашей территории. Были составлены комплексные описания Вологодской и Архангельской губерний, где упоминались многие природные богатства и указывалось их местонахождение. Благодаря работе первоклассных специалистов к середине века были заложены основы изучения практически всех компонентов ПТК. Назовём некоторые из таких результатов. Благодаря работам, прежде всего А.А. Кейзерлинга, было определено основное расположение гео- и морфоструктур (Уральские горы, Печорская равнина, Тиманский кряж, Вычегодская равнина), предложена первая геологическая схема строения Ухтинского месторождения. В первом приближении были составлены представления о рельефе территории. После проведения работ на Урале, в том числе и астрономических, экспедицией под руководством Э.К. Гофмана были определены основные моменты рельефа Урала.

В науке тогда ещё не сформировались представления о почвах, но во многих работах приводились характеристики состояния грунтов, отмечалось наличие мёрзлых «земель». Были осуществлены многочисленные описания гидросети, даны характеристики рек, на Печоре проводились гидротехнические и гидрометрические работы. Появились проекты водных коммуникаций, в том числе искусственных (Екатерининский канал). Хоть и единичные, но уже существовали описания биологических составляющих ПТК – это работы Ф.И. Рупрехта, Ф.Ф. Брандта. На территории Коми края начали проводиться метеорологические и гидрологические наблюдения. Появились первые исследования и по характеристике этнографических особенностей народов (А.М. Шегрена – зырян, А. Пошмана – самоедов). Таким образом, можно говорить о том, что к середине XIX в. учёный мир уже имел знания об особенностях природы Европейского Севера. Конечно, все взгляды исследователей трактуются на том уровне научных представлений, который существовал на то время.

Наибольшего количества и качества в указанный период достигли геологические исследования. Вышедшие из печати после 50-го года труды Североуральской экспедиции Э.К. Гофмана характеризовали строение

Уральских гор выше 60° с.ш. Затем на Северном Урале работали геологические экспедиции курганского купца Ф. Шишкина по поиску золота, не давшие значительных результатов. Этнограф Н.А. Абрамов справедливо отмечал: «Розыски золота в Березовском-крае очень трудны; причины тому суровый климат, земля мёрзлая, малолюдство и трудность доставки съестных припасов. Заметим, что промышленность эта была бы даже и вредна для края: вырубка леса, а с тем вместе удаление пушных зверей, уменьшение вод и, вследствии сего, умаление рыбы приведут край к разорению» [2]. Позднее на Северном Урале проводил изыскания С.Е. Федоров, работы которого дают достаточно правильную картину геологического строения исследованной части Урала. Известные знатоки геологии Северного Урала Т.А. Добролюбова и Е.Д. Сошкина в 1935 г. отмечали, что работа Е.С. Федорова – единственный полный труд, которым можно было воспользоваться при продолжении изучения геологии в районе и на основании которого можно было представить общий характер геологического строения всей площади и наметить пути дальнейших исследований. В 1886 г. в составе Северной горной экспедиции на Северном Урале проводили работы Л.А. Лебедзинский и Н.И. Кузнецов, в результате были описаны географические особенности, растительность Северного Урала, быт и занятия местных жителей. Ботанические данные обработаны С.И. Коржинским. Многие сведения о геологии были получены в результате путешествий купцов, чиновников и др. В 1857 г. на территории Коми края работала экспедиция под руководством известного специалиста – горного инженера, штабс-капитана А. Антипова. Она была снаряжена Морским ведомством для поисков углей для Архангельского порта. А.Н. Козулин пишет: «Восемь месяцев горный инженер путешествовал по бескрайним просторам тайги, тундры и лесотундры, осмотрел все места, где побывали сидоровские ходоки, открыл новые месторождения по рекам Щугор, Сопляс, Шарью, Большой и Малый Аранец, Большая и Малая Сыня» [3].

А. Антипов составил геологическую и топографическую карты мест исследований в масштабе 25 вёрст в английском дюйме, подробно описал физико-географические условия Печорского края. По утверждению П.Д. Калинина, он описал геологическое строение западного склона Уральского хребта, Печорской котловины, называя её юрской, и Средне-Тиманского района (верховье р. Цильмы) [4]. А. Антипов нашёл уголь в палеозойских отложениях. В одном из его исследований отмечено: «В слоях песчаников и сланцевых глин встречаются иногда небольшие прослойки и гнезда угля. Во время горных исследований найдено по западному склону Северного Урала 12 месторождений угля. Все они имеют вид гнезд, и только в 4 местах встречаются пластами незначительной толщины. Лучший уголь

находится в гнездах близ деревни Позорихи на р. Печора; он там твердый, блестящий и дает хороший пламенный жар. В пластовых же месторождениях уголь почти всегда перемешан с глиной. По разложению, большая часть углей принадлежит к разряду лигнинов» [5]. Также он отметил серный колчедан в глинах Печорской низменности, описал подробно брусяные промыслы, сообщил о следах золота из проб с разных мест Печоры и её притоков и т.д. А. Антипов дал отрицательный прогноз на использование углей, и на многие десятки лет геологи прекратили их активный поиск в этой части России.

Много лет и сил вопросам освоения и изучения всего Российского Севера и, в частности, Коми края посвятил промышленник М.К. Сидоров, проводивший в 1860–1882 гг. ряд мероприятий по освоению региона [6]. Работы, финансируемые им, велись во многих местах Печорского края. В частности, он организовывал добычу нефти (была пробурена «Сидоровская скважина» (до глубины 52 м), которая вскрыла 8 нефтеносных и 2 газоносных слоя – за 2 года добычи было получено 1 000 пудов нефти), золота, вывозку леса. Многие его труды были опубликованы. Заслуги М.К. Сидорова в деле изучения Коми края и Севера в целом подчёркиваются рядом исследователей. Интересны работы сотрудников М.К. Сидорова – Ю.И. Кушелевского, К.Д. Носилова, дополнявшие сведения о геологии края.

Геологическое строение Привычегодья достаточно подробно изучила в 1864 г. экспедиция корпуса горных инженеров в составе геолога Н.П. Барбот де Марни и К.А. Скальковского. Они провели исследования в бассейне р. Вычегды, описали обнаруженные здесь проявления фосфоритов, железистых песчаников около деревень Гам и Жешарт, характер реки, берегов, рельефа, Сереговского соляного завода [7]. Работа Н.П. Барбота де Марни – одно из первых специализированных геологических исследований бассейна Вычегды.

Геологическое строение Тиманского кряжа достаточно полно было описано в результате нескольких экспедиций. Н.О. Лебедев в 1864 г. собрал на Цилемском месторождении и доставил в Статистический комитет хорошие образцы руды, содержавшие 20% меди.

Особое внимание месторождению уделили участники экспедиции под руководством И.П. Бартенева в 1895 и 1896 годах. Было проведено интенсивное обследование нескольких территорий, в том числе и мест добычи руды древними рудознатцами. И.П. Бартенев писал: «За время разведок всего сделано до 80 шурфов глубиной от 0,5 до 5,5 сажен и 20 разрезов берегов, из которых три продолжены в штольни длиной до 3 сажен. Найденные куски руды оказались чрезвычайно богатыми и, будучи сплавлены в тигельке из огнеупорной глины без всякой примеси, в кузнечном горну дали ко-

рольки меди. Привезенные мною в прошлом году образцы цилемской руды, выбранные нарочно среднего качества, были отправлены для исследования в Брюссель и дали 54% чистой меди» [8]. В 1896 г. в экспедиции И.П. Бартенева участвовали горный инженер М.С. Паутов, техник М.А. Люндовский и 40 рабочих, была осуществлена разведка на медь на р. Цильме. Несмотря на обширные разведочные работы, не приведшие к открытию месторождения, вопрос о перспективности цилемских рудников И.П. Бартенев оставил открытым. Необходимо отметить, что другие исследователи, непосредственно изучавшие этот район (А. Антипов, Ф.Н. Чернышев), указывали на «неблагонадёжность» Цилемского месторождения, подчёркивая фрагментарное нахождение медной руды в прожилках и гнёздах. Вопрос об освоении месторождения не решён до сих пор.

В 1874 г. на территории Севера Тиманского кряжа работала экспедиция под руководством А.А. Штукенберга [9]. Им довольно детально изучено геологическое строение северной части Тиманского кряжа и подготовлена геологическая карта этой территории на основе топографической карты, составленной в 1853 г. П.И. Крузенштерном. В первой части отчёта содержится описание частных геологических разрезов осадочных формаций, которые были изучены по ходу геологического путешествия в Тимано-Печорский регион. Во второй части отчёта А.А. Штукенберг привёл монографическое описание 69 видов разнообразной фауны из каменноугольных отложений Северного Тимана.

Благодаря ходатайству Архангельского губернатора Н.Д. Голицына, отправленному впоследствии в Геологический комитет, была снаряжена комплексная экспедиция под руководством геолога Ф.Н. Чернышева, которая работала на Тимане в 1889–1890 годах. Районами проведения работ были Тиманский кряж, реки Верхняя Вычегда, Вишера, Ижма, Ухта и др.

Составленная карта Тиманского кряжа была практически первой верной картой такой громадной территории – из предыдущих картографических материалов достоверны были только карты П.И. Крузенштерна, но составлены они были на очень небольшую часть Тимана. Важными результатами экспедиции можно считать характеристику орографического строения Тиманского кряжа, практически неизвестного до 1889 г., потому что исследователи, которые проводили работы на его территории до Ф.Н. Чернышева (А.И. Шренк, П.И. Крузенштерн, А.А. Кейзерлинг), практически не рассматривали орографического строения. Интересные данные приведены в результатах разведок на нефть и медные руды. Модель тектонического строения нефтеносных отложений Ухтинского района на несколько десятилетий стала определяющей для геологов, работавших в этом районе. Очень редко исследователи, освещающие деятельность экспедиции, подчёркивают

значительные результаты в области географии. Были проведены значительные ботанические работы, в частности, Н.П. Жиляковым охарактеризована граница лесной растительности на Тимане и в Большеземельской тундре. Ф.Н. Чернышев в своей работе привёл подробную гидрографическую характеристику рек Тиманского кряжа. Не менее важным результатом работы экспедиции надо считать этнографические исследования, проведённые Ф.М. Истоминым, им же были привезены в Петербург значительные этнографические коллекции. Ф.М. Истомин не только разделил территорию Припечорья на 6 районов: «Определяя этнографически точнее, получим следующие районы: 1) Пермско-Русская, или Верховая Русская, Печора; 2) Вологодско-Зырянская, или Сысольско-Зырянская, Печора; 3) Архангельско-Зырянская, или Ижемско-Зырянская, Печора; 4) Архангельско-Русская, или Низовая Русская, Печора; 5) Оседло-самоедский район – Усть-Колва; 6) Кочевой самоедский район или тундра» [10], но и охарактеризовал каждый из них. В 1900 г. Ф.Н. Чернышев с сотрудниками издали геологическую карту Тиманского кряжа на 3 листах в масштабе 1:420000, использовав материалы Тиманской экспедиции более поздних исследований – Л.И. Лутугина на левых притоках Вычегды, Н.Н. Яковлева в верховьях Мезени и Выми и В.Н. Вебера в верховьях Седь-Ю. Эта карта явилась крупным вкладом в решение важнейших задач геологического картирования России, поставленных Геологическим комитетом [11]. Давая совокупную оценку результатам экспедиции, можно с полной уверенностью сказать, что экспедиция 1889–1890 гг., дала комплексную геолого-географическую характеристику Тиманского кряжа. По значимости её работу можно сравнить только с экспедицией Э.К. Гофмана на север Урала.

В 1894 г. известный палеонтолог Н.Н. Яковлев провёл геологические и отчасти географические наблюдения в районе Четласского Камня, в верховьях рек Вымь и Вычегда. Впоследствии им была составлена геологическая карта верховьев р. Вымь в масштабе 10 вёрст в дюйме, значительно уточнявшая карту Ф.Н. Чернышева [12]. В 1895 г. А.П. Иванов провёл геологические исследования в районе Ухтинского месторождения на реках Вымь, Шонвуква, Ижма, а также привёл новые данные о геологическом строении берегов р. Вымь, о нахождении вивианита, серного колчедана, слоёв угля.

С 90-х гг. в районе р. Ухты начали проводиться разведочные работы на нефть частными предпринимателями Галиным, Вангелем, Абаковским, Волковым, Вороновым, Гансбергом. А.Г. Гансберг – один из наиболее последовательных частных предпринимателей – в течение многих лет проводил поиски минерального сырья на Печоре, Ижме, Пижме, Цильме. С 1899 по 1909 г. он руководил бурением на нефть на р. Ухте. В 14 различных ме-

стах и во всех точках им была встречена нефть. Данные бурения показали, что приток нефти с глубиной увеличивается. В 1908 г. Вороновым проводилось бурение на р. Яреге, где были обнаружены нефтеносные отложения с очень хорошей по качеству нефтью. Автор не может останавливаться на истории освоения ухтинской нефти, поскольку это сложный и обширный вопрос и в литературе он освещён достаточно подробно.

Важным для историка является то, что освоение ухтинской нефти несёт на себе отпечаток возможностей капиталистической формы хозяйствования: здесь были и бронирование участков, и нечестная конкуренция, и утопическая инициатива предпринимателей (М. Сидоров, А. Гансберг и др.).

Не осталась без внимания геологов и южная часть территории Коми края. В 1890–1891 гг. в бассейнах рек Луза, Кобра, Сысола, Вычегда, Локчим, С. Кельтма, Нем работала по заданию Русского географического общества экспедиция под руководством Л.И. Лутугина (участвовал А.А. Вознесенский). Сотрудники экспедиции провели географические и геологические исследования, описали характер рельефа, отметили железные руды, фосфориты и серный колчедан. Материалы, полученные в результате работы, широко опубликованы не были, но впоследствии использовались при составлении геологической карты Европейской России в масштабе 60 вёрст в дюйме, изданной в 1915 году. Триасовая фауна сборов Лутугина была описана в 1918 г. Н.Н. Яковлевым. В 1924 г. Н.Г. Кассин подробно описал маршрут Л.И. Лутугина и результаты его работ. В 1927 г. геолог И.Е. Худяев, базируясь на результатах Л.И. Лутугина, охарактеризовал мезозойские отложения бассейна р. Сысолы.

В 1897 г. геолог Н.В. Кудрявцев был командирован Вологодским губернским земством в район рек Сысолы и Вычегды для проведения геологических исследований (обследования залежей фосфоритов) [13].

При проведении практически всех геологических, да и других работ приводятся описания особенностей рельефа. Рельеф Урала описан Гофманом, Юрьевым, Федоровым; Большеземельской тундры – о. Вениамином, Шренком; Тимана – Штукенбергом, Чернышевым, Яковлевым.

Собственно почвенных исследований (в современном понимании) не производилось, т.к. не существовало «учения о почвах». Характеристика грунтов приводилась во многих комплексных описаниях губерний. Специализированной можно считать работу статистика Усть-Сысольской земской управы В.Ф. Попова, который с 1893 г. начал деятельность по обследованию природы и хозяйства Коми края. За много лет работы в Усть-Сысольске он собрал богатый материал по статистике края и его природным особенностям. На Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1895 г. его очерк о почвах Усть-Сысольского земства был удостоен золотой медали. Этот очерк

можно считать первой специализированной почвоведческой работой о Вычегодском бассейне. Впоследствии В.Ф. Попов написал много работ по географии и экономике края.

Специальные гидрографические работы на территории Коми края ведут начало от составления первых карт территории и «Книги Большому Чертежу», в которой указаны длины рек, их особенности, характер берегов и т.д. Во всех описаниях территорий обязательно присутствуют описания речной сети. В рассматриваемый промежуток времени первыми работами по гидрографии края можно считать труды Н.Я. Данилевского.

Продолжая статистическое описание губернии, Н.Я. Данилевский рассматривал гидрографию территории, попутно рассуждая о формировании стока как горных, так и равнинных рек, приводил распределение рек по речным системам, выделяя на территории губернии системы Северной Двины, Мезени, Печоры и Волги. Всех рек в губернии Данилевский насчитывает «слишком 4800» [14].

Интересны упоминания Н.Я. Данилевского о характере правых берегов значительных рек, происхождение которых впоследствии будет определено К.М. Бэром и войдёт в географию под названием «Закон Бэра». Н.Я. Данилевского вопрос об асимметрии берегов занимал ещё до знаменитой Каспийской экспедиции под руководством К.М. Бэра. Возможно, он впоследствии участвовал в его работе по формулированию закона. В «Вологодских ведомостях» Н.Я. Данилевский писал ещё в 1852 г.: «При здешних реках не замечается, чтобы один берег был постоянно выше другого, как это существует для рек, текущих в Черное и Каспийское моря, где правая сторона почти всегда нагорная, а левая плоская и низменная» [15]. Рассматривая вопросы происхождения озёр, он подразделил их по этому критерию на 3 типа. Эта заметка – первая попытка дать генетическую характеристику озёр на территории губернии.

В 1852 г. Н.Я. Данилевский напечатал ещё одну статью, посвящённую гидрографии губернии [16], где привёл сведения о большинстве крупных и средних рек губернии. Теоретических выводов эта работа Данилевского не содержит, но полезность её очевидна; во-первых, широкая общественность смогла ориентироваться в гидрографическом строении губернии, во-вторых, это одна из первых столь подробных сводок о реках Вологодского Севера. Описывая реки бассейна Вычегды, Данилевский отмечал значительную интенсивность боковой эрозии, наличие «переволоков» с одной реки на другую, привёл немногочисленные исторические данные о некоторых реках или событиях, например: «Эта река (Вычегодская Мылва. – *В.С.*) служит путем сообщения с Печорским краем посредством 5-верст-

ного волока между р. Ыктылем и притоком Вычегодской Мылвы и Печорскою Мылвою. Это был в древности путь, по которому Новгородцы ходили в Югру. Впоследствии на берегах Печорской Мылвы, верстах в 40 от Печоры, производилась меновая торговля с жителями Сибири, в память чего лежащее тут озеро и теперь называется Торговцем. Это место меновой торговли, оставлено не более 200 лет» [17].

В 1886 г. М.А. Рыкачев опубликовал классическую работу «Вскрытие и замерзание вод Российской империи», где содержатся сведения респондентов по всем значительным рекам, в том числе по Вычегде и Печоре. Крестьяне, священники, учителя сообщали о наблюдениях различной продолжительности за режимом этих рек.

В 1890 г. Ю.М. Шокальский проследовал по р. Вычегде от устья до Северной Кельтмы. Экспедиция должна была решить вопрос о возможности водного пути из Архангельска в Западную Сибирь [18]. На реках Вычегде и С. Кельтме были проведены маршрутная съёмка и гидрологические исследования. Помимо этого, Ю.М. Шокальский посвятил нашему краю ещё несколько работ. Для энциклопедии Брокгауза–Ефрона им написаны статьи, касающиеся Европейского Северо-Востока: «Вишера», «Вологодская губерния», «Вочь», «Вымь», «Вычегда», «Луза», «Мылва». В энциклопедии Брокгауза содержится его статья «Гидрография», в которой приведено картографическое распределение территории по бассейнам рек и даны их гидрометрические характеристики.

В 1894 г. была организована специальная гидрографическая экспедиция под начальством А.И. Вилькицкого, потом Варнеко и Дриженко. Этими экспедициями была обновлена опись побережья от Канина Носа до Енисея [19]. В 1894 г. в устье Печоры проводили обследование условий плавания офицеры крейсера «Вестник» и посыльного судна «Бакан». Эти работы ускорили организацию (с 1895 г.) срочных пароходных сообщений между Архангельском и Печорой, что позволило более интенсивно приступить к эксплуатации лесных ресурсов края. Дальнейшие гидрологические и промерные работы проводились здесь до 1904 г. Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана. В 1894 г. гидрограф Н. Морозов составил «Обзор Самоедского берега» (от м. Канин до Карского моря), с учётом последующих работ в 1903 г. вышло дополненное издание.

Совершая в 1900 г. путешествие из Архангельска через Пустозерск к устью р. Печоры, А.Н. Новосильцев вёл дневник, который послужил основой для написания работ об особенностях природы и быта коренных жителей Большеземельской тундры [20].

В силу того, что для всех жителей Северного края реки являлись средством и передвижения, и источником питания, а также эстетического

удовлетворения, знания о них были достаточными. В начале XX в. жизнь поставит перед исследователями рек другие задачи и заставит изучать их на более совершенном научном уровне.

Несмотря на большое значение рыбы в жизни северных этносов, специальные исследования рыбного хозяйства и рыб начались достаточно недавно.

К первым материалам о рыбных богатствах нашего края следует отнести сведения о рыбах бассейна р. Вычегды, приведённые И.И. Лепехиным в описании его путешествия по губерниям Российской империи. Он опубликовал список рыб и рассказал, как крестьяне ловят рыбу.

Много информации о рыбных промыслах зырян приводят в газетных и журнальных статьях вологодские краеведы Ф.А. Арсеньев, Н.И. Михайлов и др. Специальных статей, посвящённых изучению рыб и рыбного хозяйства, было немного, можно назвать исследование К.М. Бэра и Н.Я. Данилевского, посвящённое характеристике рыболовства в России, где упоминается о рыбных промыслах Усть-Цильмы, а также небольшую публикацию 1896 г. Г.И. Танфильева, известного геоботаника и физико-географа (исследования последнего велись на севере Тиманского кряжа и в низовьях р. Печоры).

В 1892 г. Г.И. Танфильев возглавлял экспедицию на север Тиманского кряжа (реки Сула, Печора, Индига), которая была снаряжена на средства Министерства государственных имуществ для изучения природы тундры и быта её обитателей: «Целью исследований было всестороннее изучение условий быта местного кочевого населения, основой благосостояния которого справедливо считается северный олень. Прежде всего, необходимо было поэтому изучить тундру как пастбище для оленя, затем самое оленеводство и, наконец, быт коренных жителей края, самоедов и отношения их к пришлым людям, русским и зырянам» [21]. По результатам полевых работ он изучал географическое распространение лесов, описал растительный покров тундры, выделил причины отступания лесов. Безлесье тундры учёный связывал с распространением вечной мерзлоты и заболачиванием лесных опушек. Уделил Г.И. Танфильев внимание и рыболовному хозяйству (рыбы его сборов определены С.М. Герценштейном). Необходимо отметить, что исследования в тундре оказали значительное влияние на дальнейшую деятельность Г.И. Танфильева и многие результаты вошли в его знаменитые учебники по географии, а сам он является одним из основателей научного направления «тундроведение» [22]. В.А. Есаков пишет: «Г.И. Танфильева по праву считают основоположником болотоведения в России» [23]. Следует отметить и большую общественную значимость работ Г.И. Танфильева: он писал о необходимости принятия неотложных

мер по сохранению традиционного природопользования самоедов и охране их жизни от вмешательства ижемцев и русских.

В 1897 г. на Печоре работала экспедиция, снаряжённая Министерством земледелия и государственных имуществ по ходатайству Комитета для помощи поморам под руководством Н.А. Варпаховского. Это была одна из первых специализированных ихтиологических экспедиций на Печоре. Главная задача состояла в том, чтобы выяснить состояние рыболовства на р. Печоре. Кроме того, предстояло собрать материалы по другим вопросам, связанным с рыбопромышленностью: обследовать торговый путь между Камой и Печорой и выявить возможности грузового сообщения между бассейнами этих рек [24]. Н. Варпаховский добросовестно выполнил поручение и исследовал условия рыболовства, описал 23 вида рыб, лов которых проводился на Печоре, способы и средства лова. Также в результате исследований была отмечена необходимость соединения транспортом Печоры и Камы [25].

Первые ботанические работы этого периода также принадлежат Н.Я. Данилевскому, который в своих исследованиях пользовался гербарием А.И. Иваницкого и, возможно, результатами сборов растений вологодского ботаника-краеведа А.П. Межакова.

В одной из своих статей Н.Я. Данилевский попытался на основе ряда наблюдений (с 1817 по 1847 г.) над датами посева и созревания ячменя в Устьсысольском уезде сделать вывод о количестве солнечного тепла, необходимого для созревания этого растения [26].

Интересна публикация Н.Я. Данилевского, посвящённая исследованиям растительности юго-западной части Вологодской губернии (Вологодский уезд, прибрежье Кубенского озера, часть Грязовецкого и Кадниковского уездов), которые проводились в течение 1850 и 1851 годов. Эта статья была частью подготавливаемой Данилевским большой работы по описанию растительности губернии и отличалась очень необычным для ботаников того времени комплексным подходом [27]. На основе анализа растительности Вологодской, Костромской и других губерний им был сделан ряд интересных выводов, например, о роли водораздела между Двинской и Волжской речными системами как границы климатической и ботанической. В заключении учёный предпринял попытку зонального районирования территории Европейской России по растительному покрову.

Надо отметить, что в литературе попытки зонального подразделения растительности на Европейском Севере на момент написания статьи уже существовали [28]. Интересно звучит финал статьи с призывом использовать количественные показатели в построении схем по изменению растительности.

В 1850 г. К.И. Милюков опубликовал значительный ботанический материал, где привёл характеристику лесов, состава древостоя, оборота рубки в бассейнах таких рек, как Сула, Сойма, Уса, Ухта, Кедва и др. [29].

Интересны материалы, собранные Н.А. Иваницким, много путешествовавшим по Печорскому краю и даже проживавшим некоторое время в Усть-Сысольске. Он описал растительность бассейнов Щугера и Аранца. «Плодом флористического изучения Иваницким Вологодской и Архангельской губерний был напечатанный в 1895 г. каталог растений. Еще ранее, в 1882–1883 гг., Иваницкий опубликовал списки дикорастущих и возделываемых растений Вологодской губернии; в предисловии сообщена история ботанического изучения Вологодской губернии» [30].

Интересны труды вологодского исследователя А.А. Сняткова. В 1888 г. выходит его большая работа по характеристике заливных лугов в долинах С. Двины и Вычегды (окрестности городов Устюг, Сольвычегодск, с. Гам), получившая на сельскохозяйственной выставке в Вологде Большую серебряную медаль. Он описал ботаническое строение и морфологию лугов. Значительный вклад в ботаническую литературу внесла его работа в соавторстве с другими известными исследователями Севера С.Н. Ширяевым и И.А. Перфильевым «Определитель растений лесной полосы Северо-Востока Европейской России (губернии: Вологодская, Вятская, Костромская, Пермская, Ярославская, юг Архангельской и Сев. Урал)», выдержавшая два издания и, по сути дела, долгие годы являвшаяся единственным определителем растений для нашей территории. О заслуженном уважении, которым пользовался А.А. Снятков как ботаник, говорит и его вхождение в последние годы жизни в постоянный состав коллегии Научно-технического комитета при Вологодском губсовнархозе. Впоследствии в своей работе в 1927 г. А.А. Снятков привёл обзор ботанических исследований Севера с 1771 по 1900 год.

В 1893–1895 гг. Э.В. Цикендрат проводил ботанические и географические исследования в бассейне р. Сысолы и обнаружил фосфоритоносные месторождения.

Первой зоологической работой этого периода необходимо считать работу Ф.Ф. Брандта по описанию позвоночных Европейского Севера, выполненную на материалах Североуральской экспедиции.

Первые метеонаблюдения на нашей территории начали проводиться в начале XIX века. Осуществляли их учителя, священники, образованные крестьяне. Теоретическая обработка этих материалов началась только с середины века.

В 1810 г. В.Н. Каразин впервые высказал мысль о необходимости устроить в России большое число метеостанций на территории всего госу-

дарства. Наблюдения, проведённые на метеостациях и просто на местах, в течение многих лет обрабатывал А.Я. Купфер. В 1946 г. они были опубликованы в Своде магнитных и метеорологических наблюдений за 1846 год. К.С. Веселовский писал: «Здесь собрано все, что по этому предмету было когда-либо и где-либо напечатано; и сверх того, благосклонно доставленный мне сочленом моим по Академии, А.Я. Купфером, доступ к хранящимся в Главной Физической Обсерватории богатым собраниям еще не изданных дневников» [31]. Несколько работ по характеристике климата Вологодской губернии вообще и Усть-Сысольска в частности опубликованы Н.Я. Данилевским. Они посвящены изучению климатических особенностей как отдельных местностей губернии, так и всей губернии в целом. Особенно активно были использованы данные для Вологды, это наблюдения, полученные А. Фортунатовым в начале XIX в., и наблюдения при Вологодской гимназии А.И. Иваницкого и др.

Наиболее полной работой, посвящённой климату Вологодской губернии, явилась его публикация в Записках Русского географического общества [32], в которой он охарактеризовал средние температуры года и сезонов, отклонение температур от средних величин, количество осадков, даты замерзания и вскрытия рек ото льда и другие показатели. Впервые для территории губернии была составлена климатическая карта.

В другой работе Н.Я. Данилевский [33] для характеристики климата г. Усть-Сысольска использовал «наблюдения над термометром» с 10 декабря 1835 г. по 9 декабря 1837 г., производимые 3 раза в сутки статским советником Поповым, и наблюдения с 1840 по 1850 год. Надо отметить, что эта статья подверглась многочисленным замечаниям известного климатолога академика К.С. Веселовского, выпустившего впоследствии знаменитую работу «О климате России». Дело в том, что, публикуя свои материалы, Н.Я. Данилевский не знал о некоторых ранее вышедших работах по характеристике климата Вологодской губернии. Например, К.С. Веселовский в примечаниях отмечал: «Господин Данилевский взял для Усть-Сысольска наблюдения за 5 лет, 1836–37, 1848–1850, но весьма жаль, что он не имел в виду 26-летних наблюдений, произведенных в сем городе (1818–1843) и напечатанных в Своде Магнитных и Метеорологических наблюдений за 1846 год А.Я. Купфером» [34]. К сожалению, сейчас о работах первых климатологов известно немного, и они очень редко упоминаются в региональных исследованиях [35].

Много сведений о климате нашего края, уже систематизированных, можно найти в главном труде К.С. Веселовского «О климате России», вышедшем в 1857 г., – первом аналитическом исследовании климата обширной страны, в основном европейской её части, практически не освещав-

шемся в региональной литературе применительно к истории научных исследований Севера, в связи с чем считаем необходимым остановиться на нём подробнее.

При характеристике климата г. Усть-Сысольска К.С. Веселовский пользовался вычислениями А.Я. Купфера и Н.Я. Данилевского.

Труд К.С. Веселовского сейчас представляет для климатолога в основном исторический интерес, но вместе с тем можно с уверенностью сказать, что многие положения, связанные с климатическими явлениями, и сейчас изучаются в курсах климатологии в том виде, в котором они существовали во время выхода этой работы. К.С. Веселовским были отмечены основные закономерности распределения температур, осадков, ветров и многих других явлений, связанные с зонально-провинциальной природой географической оболочки. Интересны формирующиеся тогда представления об изотермических и снежных линиях, о континентальности, влиянии прибрежных льдов на климат, о степени и причинах промерзания грунтов и т.д.

Основываясь на данные, приведённые Э.К. Гофманом и его сотрудниками, К.С. Веселовский утверждал, что на Урале снеговая линия нигде не достигает земли, соответственно, он отрицал возможность нахождения там ледников [36]. И действительно, первые ледники были открыты только в 1929 г. А.Н. Алешковым на хребте Сабля, и ледники эти образуются за счёт ветровой аккумуляции снега.

Не менее важной стороной работы «О климате России», помимо выявления климатических особенностей, по нашему мнению, является доказательство автором географической обусловленности многих сторон общественной жизни. К.С. Веселовский подробно рассмотрел и ситуацию на Европейском Северо-Востоке, подчеркнув, что кочевая жизнь жителей тундр Архангельской губернии обусловлена климатическими особенностями: «А самая неизменность климатических условий уже указывает, что кочевая жизнь в Архангельских тундрах есть нормальная форма существования здесь человека и что поэтому степень населённости никогда не может достигнуть здесь тех размеров, до каких она возросла в странах доступных земледелию» [37].

В результате обработки первых метеонаблюдений в Усть-Сысольске А.Я. Купфером и К.С. Веселовским была открыта ещё одна страница в научном познании географии нашего края.

В 1894 г. в Петербурге был организован Комитет для помощи поморам Русского Севера (проработал до 1908 г.), где проводилась значительная работа по организации помощи жителям Севера, мероприятия по подъёму экономики окраин, исследования портов и т.д. В структуре Комитета в 1896 г. была образована Северная комиссия, в которую вошли из-

вестные учёные, знавшие Север не понаслышке: академики Б.Б. Голицын, Ф.Н. Чернышев, М.А. Рыкачев, профессора А.А. Бялыницкий-Бируля, Г.И. Танфильев, Н.М. Книпович, гидрограф М.Е. Жданко и др. Комитет организовывал и полевые исследования, в качестве примера можно назвать экспедиции Н. Варпаховского на Печору (исследование рыболовства), С. Мартынова (экономико-географические работы) и др.

Совершенно справедливо замечал Д.М. Пинхенсон: «В начале XX в. Европейский Север России в своем экономическом развитии по-прежнему сильно отставал от всей страны. Об этом убедительно говорит хотя бы то, что относительная численность его населения не только не росла, но уменьшалась; так, в 1811 г. на Европейском Севере проживало 2,2% жителей Европейской России, в 1863 г. – 2,1%, в 1914 г. – 1,7%. Вместе с тем происходила известная переоценка ресурсов Европейского Севера, возникали различные проекты и планы повышения его хозяйственного значения» [38].

Таким образом, территория Севера с её большими площадями и обширными ресурсами представляла собой удобный плацдарм для проведения политики правительства по переселению крестьян из центральных и западных губерний. С начала XX в. естественнонаучные исследования на территории Коми края получили новый импульс развития в связи с реформами, проводимыми в государстве, и прорывом в развитии методологии многих отраслевых географических наук.

* * *

1. *Силин В.И.* История географических и краеведческих исследований Европейского Северо-Востока России. – Сыктывкар: КГПИ, 2006; Идущие впереди / колл. авторов. – Сыктывкар, 2014 и др.

2. *Абрамов Н.А.* Описание Березовского края // Записки РГО. – 1857. – Кн.7. – С.415.

3. См.: *Калинин Е.П., Калинин П.Д.* Из истории геологического освоения территории Коми АССР // Известия КФ ВГО. – 1970. – Т.2. – Вып. 3. – С.79.

4. *Козулин А.Н.* Тогда в тайге Печорской. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1974. – С.68.

5. *Антипов А.* Геогностическое строение Печорского края // Вестник РГО. – 1858. – Т.23. – Кн.2. – С.50.

6. *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. История открытия и освоения Северного морского пути. – Л.: Морской транспорт, 1962. – Т.2.

7. *Барбот де Марни Н.П.* Геогностическое путешествие в северные губернии Европейской России // Горный журнал. – 1868. – Ч.1. – С.395–410.

8. *Бартенев И.П.* О медных рудах на реке Цильме // Известия РГО. – 1897. – Т.33. – Вып. 1. – С.53–66.

9. *Канев Г.П., Силин В.И.* Экспедиция А.А. Штукенберга // Геолог Севера. – 1994. – 16 сент.

10. *Истомин Ф.М.* Об этнографическом изучении Печорского края // Труды VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей. Отд.8: География и антропология. – СПб., 1890. – С.27.

11. *Оноприенко В.И.* Зов высоких широт: Северные экспедиции Ф.Н. Чернышева. – М.: Мысль, 1989.

12. *Яковлев Н.Н.* Геологические исследования в Южном Тимане в 1894 и 1909 гг. // Известия Геолкома. – 1910. – Т.29. – Вып. 4. – С.373–389.

13. *Кудрявцев Н.В.* Отчёт по исследованию в 1896 г. залежей фосфоритов в Усть-Сысольском уезде. – Вологда, 1911. – С.239.

14. См.: *Силин В.И.* Вологодский этап в деятельности Н.Я. Данилевского // Известия РГО. – 2000. – Т.132. – Вып. 4. – С.80–84.

15. *Данилевский Н.* Гидрография Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1852. – Вып.45–49.

16. *Данилевский Н.* Гидрография Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1853. – Вып. 4, 10, 11, 16, 20, 22.

17. *Данилевский Н.* Гидрография Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1853. – С.46.

18. Памяти Ю.М. Шокальского: сб. статей и материалов. – М.; Л., 1946. – Ч.1.

19. *Лапушкин Я.Я.* Гидрографическая изученность морей Советского Союза и их картографирование // Труды II Всесоюзного географического съезда. – М., 1948. – Т.1. – С.223–239.

20. *Новосильцев А.Н.* На низовьях Печоры // Известия РГО. – 1903. – Т.37. – Вып. 1. – С.132–155.

21. *Танфильев Г.И.* По тундрам Тиманских самоедов летом 1892 года // Известия РГО. – 1894. – Т.30. – С.1.

22. См.: *Белозоров С.Т.* Значение трудов Г.И. Танфильева для развития отечественной науки // Известия ВГО. – 1954. – Т.86. – Вып. 3. – С.264–271.

23. См.: *Борисов А.А.* Художественная экскурсия по Большеземельской тундре и на остров Вайгач // Архангельские губернские ведомости. – 1899. – № 22, 24, 26, 28, 34.

24. *Варпаховский Н.А.* Рыбный промысел в среднем течении реки Печоры. – СПб., 1900.

25. *Варпаховский Н.А.* К ихтиофауне реки Печоры. – СПб.: Изд-во АН СССР, 1902.

26. *Данилевский Н.* О времени и количестве теплоты, нужной для созревания ячменя в Устьсысольске // Вологодские губернские ведомости. – 1851 (б). – Вып.14.

27. *Данилевский Н.* Взгляд на растительность юго-западной части Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. – 1852 (б). – Вып. 25–27.

28. *Сухова Н.Г.* Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. – Л.: Наука, 1981.

29. *Милюков К.И.* Леса в Запечорском крае // Лесной журнал. – 1850. – Вып. 14. – С.108–110.

30. См.: *Липшиц С.Ю.* Русские ботаники: биографо-библиографический словарь. – М., 1952. – Т.4. – С.325.

31. *Веселовский К.С.* Климат России. – М., 1857. – С.2.

32. *Данилевский Н.Я.* Климат Вологодской губернии // Записки РГО. – 1853 (б). – Кн.9. – С.1–225.

33. *Данилевский Н.Я.* Климат Вологодской губернии...

34. *Веселовский К.С.* О земледелии и климате Яренского и Устьсысольского уездов Вологодской губернии // Известия РГО. – 1851. – Т.1. – Отд.4. – С.42.

35. *Воеводова З.И.* Метеорологические исследования в Республике Коми // Научные экспедиции и исследования Коми края: материалы конф. – Сыктывкар, 1993. – Ч.1. – С.12–14.

36. *Веселовский К.С.* Климат России… – С.42.

37. *Веселовский К.С.* Климат России… – С.49.

38. См.: *Бартенев И.П.* Указ. соч.

УДК 930:651.41.9(470.12)“18/19”

С.А. Попов,
канд. ист. наук, научный сотрудник
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX в. (на материалах Вологодской губернии)*

Делопроизводственная документация является одним из видов исторических источников, объединяющим огромный массив материалов. Среди них – «продукт» повседневной деятельности органов крестьянского самоуправления: переписка волостных и сельских должностных лиц с представителями губернских и уездных учреждений (циркуляры, предписания, отношения, отчёты, рапорта, прошения и т.д.); внутренние материалы и документы, содержащие жалобы и прошения крестьян, приговоры крестьянских сходов и т.д.

Материалы делопроизводства государственных учреждений и органов управления на местах, относящиеся к XIX – началу XX в., являлись объектом изучения многих историков. Как правило, это работы источниковедческого характера [1], в то время как к рассмотрению правовых аспектов ведения делопроизводства обращались немногие [2]. Цель данной работы – провести анализ документов делопроизводства волостных и сельских правлений северной деревни в XIX – начале XX в. с точки зрения регламентировавших их нормативных правовых актов и уровня развития правовой культуры крестьянских должностных лиц.

Предметом изучения выступают приговоры крестьянских сходов и переписка старшины и старосты с представителями региональной власти (предписания, распоряжения, циркуляры, запросы, рапорта, донесения и др.). Выбор документов данной категории не случаен, т.к. от правильности и, главное, оперативности их оформления зависела успешность функционирования крестьянского самоуправления. В частности, приговор схо-

© Попов С.А., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)» (проект № 15-13-6-24).

да являлся официальным письменным документом, содержавшим решение общего собрания домохозяев, и приобретал легитимность после его утверждения уездным должностным лицом. Следовательно, только положительное прохождение данной процедуры позволяло воплотить в жизнь волеизъявление общего собрания, а это было возможно лишь при грамотном составлении приговора. Вышестоящее начальство при его проверке обращало пристальное внимание на то, чтобы он был оформлен согласно установленным законодательством требованиям, а принятое решение входило в компетенцию крестьянского схода. В то же время исправное и грамотное формулирование старшинами и старостами прошений и составление рапортов на поступающие к ним циркуляры и предписания – не только залог их успешной работы, но и возможность избежать наложения вышестоящей властью наказания и штрафа.

Старшина и староста, как правило, избирались на должность на 3 года. По окончании положенного срока немногие из них изъявляли желание продолжить общественную службу. Исполняя свои непосредственные обязанности, они ежедневно должны были отвечать на поступавшие в правления предписания и циркуляры [3], а также следить за правильностью составления приговоров крестьянских сходов. Отметим, что с отменой крепостного права объём данных видов работ значительно увеличился. В 1897 г. крестьяне Заднесельской волости Кадниковского уезда обрушились с критикой на сложившуюся между крестьянскими правлениями и уездными чиновниками систему делопроизводства. «С введением земских начальников, – отзывались они, – положение старост значительно ухудшилось, по крайней мере, у нас. Эта близко стоящая к народу власть свой контроль над крестьянской жизнью свела к бесконечному бумагомаранию, требуя от старост представления избирательных, учётных, раскладочных и землепередельных приговор в двух экземплярах, чего прежде вовсе не было» [4].

Таким образом, должностным лицам общественного самоуправления для исполнения ими своих непосредственных обязанностей необходимо было владеть навыками ведения делопроизводственной документации или по крайней мере иметь общее представление о его правилах. На практике избранный на должность крестьянин зачастую не то что не обладал необходимыми знаниями в области делопроизводства и не имел необходимого опыта оформления документов, но зачастую и вовсе был безграмотным. Это было столь распространённым явлением в губернии, что вопрос о малограмотности служащих аппарата крестьянского самоуправления был озвучен на одном из Вологодских губернских совещаний [5]. Как следствие, данная проблема являлась одной из причин низкой осведомлён-

ности сельских жителей о службе и плохого понимания нормативных актов, что приводило к некачественному исполнению ими обязанностей при избрании на должность. В 1867 г. губернатор генерал-майор С.Ф. Хоминский обратил внимание губернского по крестьянским делам присутствия на факт, выявленный при личной беседе с сельскими и волостными начальниками, а именно плохое знание ими порядка составления приговоров об удалении из среды своей порочных членов [6].

Как результат, вся канцелярская работа возлагалась на писаря, который обязательно должен был иметь образование и постоянно находиться в правлении. Крестьяне Бережнослободской волости Тотемского уезда так характеризовали взаимоотношения старшины и писаря: «… да и служить то что? – писарь всегда с ним (со старостой. – *С.П.*) – научит» [7]. Обладая по закону лишь правом ведения делопроизводства, на практике писарь становился важным элементом структуры крестьянского самоуправления, оказывая влияние на местных должностных лиц. На рубеже XIX–XX вв. он являлся главным рычагом всего волостного управления в административном и судебном отношении [8]. Нередко от его деятельности зависела эффективность исполнения старшиной и старостой своих обязанностей. В 1905 г. «руководитель» Новожиловского общества Вожегодской волости Кадниковского уезда подал жалобу земскому начальнику на вновь избранного писаря за то, что он «недоброкачественно ведёт делопроизводство», и просил заменить его прежним писарем, с которым проработал 7 лет. Свою просьбу он обосновал сильной зависимостью от последнего и его работы в связи со своей малограмотностью [9]. Особое воздействие на крестьянское самоуправление, включая волостные суды, писарь имел в волостях Коми края, где проживали зыряне, многие из которых не владели русским языком [10]. Лишь в волостях, где во главе правления стояли грамотные руководители, писарь не имел столь существенного влияния. Более того, сам находился в зависимости от них. Так, в Койгородском сельском обществе одноимённой волости Усть-Сысольского уезда писарь, прежде чем принять какое-либо решение, касавшееся общественной службы, советовался со старшиной и только после его одобрения выносил своё распоряжение [11].

Итак, занимавшие пост начальника волостного правления и сельского управления крестьяне, не имея необходимых знаний ведения делопроизводства, в большинстве случаев получали их в процессе повседневной деятельности, а также самостоятельного изучения правил и инструкций, направлявшихся в общества представителями губернской власти. Отметим, что последние уделяли пристальное внимание повышению правовой грамотности сельского общества, требуя от волостных правлений, чтобы

они приобретали сборники постановлений и законов, издававшиеся земским отделом. Кроме того, они разъясняли лицам, находившимся на службе, непонятные для них нормы указов и постановлений правительства как при личной встрече, так и через представителей местного самоуправления [12].

С созданием в 1802 г. министерской системы управления правительство активно разрабатывало инструкции по ведению документации в государственных учреждениях, в том числе и в губернских правлениях. Только за 1802–1823 гг. в соответствующих томах первого собрания законов Российской империи Б.Г. Литваком было выявлено более 35 законодательных актов по вопросам делопроизводства с приложением различных формуляров [13]. А в 1905 г. земским отделом министерства внутренних дел губернаторам был направлен циркуляр, содержавший указания «по предмету сокращения и упрощения переписки, как в центральных учреждениях, так и в сношениях сих последних с установлениями местными» [14].

Волостные и сельские правления воспринимались правительством как низшая ступень государственного управления на местах. Особенно явно это прослеживается после отмены в 1861 г. крепостного права. Следовательно, легализованная в учреждениях власти система делопроизводства внедрялась и в функционирование крестьянских начальников. Так, распространённый в первой половине XIX в. коллежский порядок составления документа наблюдался в предписаниях волостного головы, рапортах и донесениях старшины. Суть его заключалась в повторении в начале документа всех предыдущих материалов по решаемому вопросу. Например, 13 мая 1841 г. головой Остаповского волостного правления Егором Лихачевым было направлено предписание за № 478 Борисовскому сельскому старшине Василию Леканову. Процитируем данный документ: «Устьсысольское окружное управление государственных имуществ от 28 апреля за № 1424 с препровождением в копиях предписания палаты государственных имуществ от 11-го апреля за № 2794 циркуляр 1-го департамента от 28 декабря за № 2992 о допущении в полесовщики из среды отставных и бессрочных отпускных нижних воинских чинов со стороны крестьян посредством найма с платежом 36 руб. серебром денег предписывает. Согласно сих, делать и самые представления в подробности с паспортами или билетами, в случаях не желания об оном [сделать] донесение в оное управление. А потому с прописанием предписания окружного управления и с приложением копии палаты и первого департамента государственных имуществ оному старшине волостное правление и предписывает с тем, если окажутся желающие в полесовщики, представить паспорта или билеты с отставных нижних бессрочных чинов. Если сие не окажутся, то в таком случае донести сему правлению в скорости, не ожидая более подтвержде-

ния под опасением строгой законной ответственности» [15]. В ответ старшиной В. Лекановым был направлен в правление рапорт, который начинался повторением сути вопроса: «Во исполнение предписания от 13-го прошедшего мая за № 478 о допущении в полесовщики из среды отставных и бессрочно отпускных нижних воинских чинов со стороны крестьян посредством найма с платежом 36 руб. серебром денег предписывается. Согласно сих делать и само представление в подробности с паспортами или билетами на оное. Сим имею честь донести в оное волостное правление, что по объявлению отставным и бессрочно отпускным нижним воинским чинам наниматься в полесовщики никто не пожелает, о чем сим почтою и рапортую» [16]. Цель столь подробного цитирования предыдущих распоряжений – облегчить труд начальника, избавив его от поиска материалов по обсуждаемой проблеме в массиве поступающей к нему документации и её перечитывания. В свою очередь, преследуя столь благородные цели, должностное лицо, оформлявшее ответ, было обременено дополнительной работой по переписыванию текста поступившего запроса (указания).

Как долго сохранялся данный принцип составления делопроизводственной документации в волостных правлениях, сказать затруднительно, т.к. в нашем распоряжении нет нормативного акта, отменившего этот порядок. Однако начиная с 50-х гг. XIX в. из документации начинает исчезать начальная клаузула, повторяющая содержание предыдущего предписания или распоряжения. С этого момента исполнитель ссылается на дату и номер направленного к нему материала, излагая лишь суть проблемы. 4 февраля 1852 г. Богоявленский сельский старшина в отпуске на поступившее предписание Вильгортского волостного правления Усть-Сысольского уезда написал: «Вследствие предписания оного волостного правления от 29 минувшего января за № 139, о приглашении крестьян, желающих поступить в постоянную лесную стражу в Сольвычегодском лесничестве, на которое честь имею оному волостному правлению донести <…>» [17].

В процессе исследования делопроизводственной документации должностных лиц крестьянского самоуправления мы не выявили каких-либо внутриведомственных инструкций и правил, раскрывающих принципы осуществления производственной переписки между представителями губернской и волостной власти. Это позволяет предположить, что подобных материалов не существовало, т.к. в их принятии не было необходимости. Основная нагрузка, по осуществлению данной работы в сельских обществах, как уже отмечалось, ложилась на писаря, который зачастую руководствовался собственным опытом. Однако при запросе социально-экономической информации или сведений, связанных с хозяйственной деятельностью общины, представители региональной власти вместе с пред-

писанием направляли формуляр, согласно которому должен быть оформлен ответ. Так, в ноябре 1841 г. голова Остаповского волостного правления отослал Борисовскому сельскому старшине предписание Усть-сысольского окружного начальника о направлении к нему книг посемейной раскладки денежных сборов за 1840 год. В своём распоряжении он добавил, что книга должна быть составлена по форме прошлогодних платёжных таблиц [18].

Пристав первого стана Усть-Сысольского уезда 6 сентября 1865 г. затребовал у Киберского волостного старшины сведения об урожае хлеба, трав и картофеля в текущем году. Оформить запрашиваемую информацию он предписал в соответствии с прошлогодней формой «О посеве и урожае хлеба, трав и картофеля». При этом исполнитель должен был указать в направляемой им ведомости «число душ обоего пола; пространство земли, посевом занятой, и количество посеянного семени; урожай озимого, ярового хлебов, картофеля, льняного и конопляного семени и сколько собрано сена и соломы. Из урожая же хлеба сколько предполагается на взнос в магазины и на продовольствие и затем сколько остается в излишестве или недостатке, в последнем случае в примечании объяснить, чем крестьяне недостаток хлеба могут приобрести и какие на это имеют средства» [19]. Естественно, что при запросе столь значительного объёма информации направление разработанного образца ведомости являлось оправданным. Во-первых, это значительно облегчало обработку и изучение информации, полученной уездным учреждением от волостных правлений. Во-вторых, крестьянское должностное лицо могло наглядно видеть, какие конкретно сведения от него требуются. Это, в свою очередь, позволяло минимизировать возможность направления недостоверных или недостаточных данных.

Подводя промежуточный итог, отметим, что делопроизводственная документация в волостных правлениях велась в соответствии с правилами и инструкциями, которые принимались государственными учреждениями власти и направлялись на места. Лица, занимавшие должности в волостных правлениях, должны были соблюдать их в своей деятельности. Особенно это касалось составления приговоров крестьянских сходов – на их соответствие законодательным требованиям и грамотность составления региональные начальники обращали особое внимание.

На протяжении XIX – начала XX в. структура приговора не претерпела значительных изменений, он состоял из 3 обязательных клаузул. Во вводной части указывались дата и место состоявшегося собрания, а также его участники. Далее излагался основной текст решения, порядок изложения был регламентирован: 1) оглашение выносимого на обсуждение вопроса с указанием субъекта, выдвинувшего данную проблему; 2) содержание самого вопроса; 3) принятое решение. Завершался документ обяза-

тельными подписями всех участников схода, при этом за безграмотных расписывалось доверенное лицо из числа грамотных.

Решение «сходки» воспринималось всеми участниками как единогласное мнение, сформулированное в форме приговора. Это прослеживалось в его тексте, который оформлялся как общее заключение всех присутствовавших домохозяев, независимо от голосования. Приговор обязательно фиксировался под порядковым номером в шнуровой книге, которая велась в правлении. Необходимым требованием признания принятого решения законным являлось его одобрение представителями вышестоящей власти. Как правило, «проверяющие» уделяли внимание формальной стороне составления документа и его соответствию нормативным правовым актам. Процедура проверки была направлена в первую очередь на предотвращение неправомочной деятельности общих собраний крестьян. В 1887 г. чиновник по крестьянским делам А.Ф. Арсеньев после ознакомления с приговором крестьян Богоявленского сельского общества Усть-сысольского уезда от 10 декабря признал его недействительным, сославшись на примеч.3 ст.51 Общего Положения. В частности, на сходе было принято решение о найме на 1888 г. на должность волостного писаря крестьянина А.Ф. Ожегова и о переводе волостного правления в другое помещение. Однако эти вопросы входили в компетенцию волостного схода, т.к. Богоявленская волость состояла из двух сельских обществ [20], и они не были первоначально включены в перечень проблем, вынесенных на рассмотрение [21]. Данная практика контроля существовала на протяжении всего рассматриваемого периода.

Государственными учреждениями принималось значительное количество нормативных актов, регулировавших процедуру составления и исполнения решений «сходок», в том числе посвящённых конкретному вопросу [22]. Подобные нормативы также содержались в указах, не имевших непосредственного отношения к деятельности крестьянских органов управления. Как, например, в случае с Рекрутским уставом 1831 г., в котором регламентировался порядок составления и исполнения приговоров об отдаче в рекруты за дурное поведение крестьян казённых, удельных и свободных хлебопашцев [23].

Разобраться во всех этих материалах, а тем более усвоить их содержание, крестьяне не могли в силу, во-первых, малограмотности, а во-вторых, ограниченной доступности данных законов. В итоге при составлении приговоров крестьянские должностные лица совершали ошибки, которые выявлялись во время проверки. Наиболее распространёнными из них являлись следующие: не указывались участники схода и их общее количество; приговоры не вносились в шнуровую книгу и др. [24]. Для предот-

вращения нарушений представителями региональной власти в волостные правления направлялись правила и инструкции с требованием принять их к руководству. Один из таких случаев был зафиксирован в Остаповском волостном правлении Усть-Сысольского округа. В мае 1841 г. заседатель Василий Лихачев переслал Борисовскому сельскому старшине копию Правил о порядке составления мирских приговоров на сельском сходе, представлявших собой выдержки из Высочайше утверждённого Проекта об управлении государственными имуществами. Данные Правила были составлены Вологодской палатой государственных имуществ и через окружных начальников разосланы по всем волостным правлениям губернии. В них излагались порядок и условия созыва общего собрания землепользователей; процедура оглашения и проверки составленного документа; указывалась информация, которая должна была содержаться в приговоре [25]. Для наглядности Правила сопровождались Формой, согласно которой должны составляться приговоры [26].

На протяжении XIX – начала XX в. наиболее распространённым методом ознакомления руководителей крестьянских органов самоуправления с нормативными требованиями по оформлению решений сходов и предотвращения нарушений являлось направление представителями региональной власти на места предписаний и циркуляров. В подобных документах излагались статьи из указов и положений, а также рекомендации по решению возникшей проблемы. Так, 29 декабря 1841 г. Остаповское волостное правление направило Борисовскому сельскому старшине предписание Усть-сысольского окружного начальника, где указывалось, что в соответствии со ст.37 ч.IV Высочайше утверждённого Проекта об управлении государственными имуществами в губерниях по окончании сельского схода все учинённые на нём приговоры, по прочтении вслух должны немедленно вноситься в шнуровую книгу [27]. В итоге подобные предписания и циркуляры становились «наглядным пособием» для писарей и старост при оформлении решений «сходок».

После отмены крепостного права основополагающим законодательным актом в деятельности органов крестьянского самоуправления выступало «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (1861) [28], которым обязаны были руководствоваться сельские и волостные должностные лица. Однако в нём не регламентировались требования к оформлению решений общих собраний домохозяев, поэтому во время проверок уездными начальниками выявлялись случаи произвольного написания приговоров. Некоторые писари составляли их произвольно: по собственному усмотрению и существующему опыту. С целью исправления сложившейся ситуации, а также приведения формуляра решения схо-

да к единообразию в 1883 г. губернское присутствие разослало по обществам Правила об обязанностях должностных лиц крестьянского общественного самоуправления. В них указывалось, какие сведения обязательные, должны были содержаться в приговоре: 1) о годе, месяце и числе его составления; 2) о присутствии на сходе сельского старосты; 3) о количестве душ и домохозяев в обществе и на сходе; 4) о числе голосов, поданных в пользу или против принятого решения.

Подводя общий итог, отметим, что в XIX – начале XX в. делопроизводство крестьянского самоуправления регламентировалось нормативными правовыми актами, принимавшимися высшими органами государственной власти. Однако на практике в связи с малограмотностью большинства начальников волостных и сельских правлений и, как следствие, их недостаточно развитой правовой культурой в области постижения данных постановлений они не всегда применялись. Зачастую писари, осуществлявшие всю работу с документами, руководствовались собственным опытом. Для исправления сложившейся ситуации и приведения делопроизводства на местах в соответствие с законодательными нормами представителями региональной власти в волостные правления направлялись циркуляры и предписания, в которых излагались соответствующие правила и инструкции – их применение вменялось в обязанность всем должностным лицам сельского общества.

* * *

1. Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1973. – С.197–203, 304–315; *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. – М.: Наука, 1979. – С.123–186, 259–186; *Ганелин Р.Ш., Куликов С.В.* Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С.12–28; *Попов С.А.* Приговоры крестьянских сходов: альтернативные источники изучения пореформенной общины // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов: сб. науч. статей к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН / отв. ред. А.М. Асхабов. – Сыктывкар, 2013. – С.359–364 и др.

2. *Боровский А.К.* Обязанности должностных лиц и делопроизводство крестьянского сельского управления. – Петрозаводск: «Северная Скоропечатня» Р.Г. Канц, 1909; *Литвак Б.Г.* Указ. соч. – С.132–136.

3. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Ф-54. Оп.3. Д.15. Л.111; Д.20. Л.2; Д.25. Л.5; Д.34. Л.1–26; Ф.Ф-273.

Оп.1. Д.505. Л.14–15; Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф.750. Оп.1. Д.1. Л.21.

4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.5: Вологодская губерния: в 4 ч. Ч.2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. – СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. – С.678.

5. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т.1: Сельское и волостное управление (Вопросы 1–25). – СПб., 1897. – С.534.

6. ГАВО. Ф.683. Оп.1. Д.18. Л.47.

7. *Скворцов Л.* Бережнослободская волость, Тотемского уезда (Этнографический очерк) // Вологодские губернские ведомости. – 1880. – 18 февр. – С.1.

8. Более подробно о роли писаря в системе крестьянского самоуправления после отмены крепостного права см.: *Попов С.А.* Должность писаря в структуре крестьянского самоуправления Вологодской губернии в конце XIX – начале XX веков // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 1. – С.56–61.

9. ГАВО. Ф.82. Оп.1. Д.13. Л.80–81.

10. Обзор Вологодской губернии за 1880 г. – Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1881. – С.39.

11. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.5: Вологодская губерния: в 4 ч. Ч.4: Тотемский, Усть-Сысольский, Устюгский и Яренский уезды. – СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008. – С.445.

12. Более подробно о методах знакомства крестьян с нормативными правовыми актами см.: *Попов С.А.* Система крестьянского самоуправления в Вологодской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. … кан. ист. наук. – Сыктывкар, 2014. – С.106–121.

13. *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. – М.: Наука, 1979. – С.136.

14. НА РК. Ф.Ф-26. Оп.1. Д.9. Л.12.

15. НА РК. Ф.Ф-251. Оп.1. Д.4. Л.7–7 об., 9.

16. НА РК. Ф.Ф-251. Оп.1. Д.4. Л.8–8 об.

17. НА РК. Ф.Ф-89. Оп.1. Д.28. Л.4.

18. НА РК. Ф.Ф-251. Оп.1. Д.6. Л.24–24 об.

19. НА РК. Ф.Ф-54. Оп.3. Д.3. Л.31 об.–31а.

20. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 6: Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. – СПб.: Типография МВД, 1885. – С.230.

21. НА РК. Ф.Ф-40. Оп.1. Д.309. Л.43.

22. См., напр.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее – ПСЗРИ). – СПб., 1867. – Т.39. – Отд.1. – № 40511.

23. ПСЗРИ. – СПб., 1832. – Т.6. – Отд.1. – № 4677. – § 329–333.

24. ГАВО. Ф.97. Оп.1. Д.9. Л.15–16; Д.127. Л.8–9; Ф.683. Оп.1. Д.18. Л.7.

25. НА РК. Ф.Ф-251. Оп.1. Д.4. Л.43–46.

26. НА РК. Ф.Ф-251. Оп.1. Д.4. Л.46 об.–48 об.

27. НА РК. Ф.Ф-251. Оп.1. Д.9. Л.46.

28. ПСЗРИ. – СПб., 1863. – Т.36. – Отд.1. – № 36657.

УДК 930:36(470.13)“1917/1918”

И.И. Ластунов,
канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории государства и права ГОУ ВО КРАГСиУ

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА (НОЯБРЬ 1917 – ЯНВАРЬ 1918 г.)

После победы большевиков в октябре 1917 г. выполнение земствами своих функций (ведение хозяйственной жизнью) осложнялось тем, что их деятельность тормозилась создававшимися органами власти, которые должны были стоять «на страже нового строя» и создавались для «политико-революционной работы» [1].

Данная ситуация была связана с тем, что функции советов не были окончательно определены. 27 декабря 1917 г. в «Вестнике отдела местного управления Комиссариата внутренних дел» была опубликована «Инструкция о правах и обязанностях Советов» [2], в соответствии с которой в их функции входили: управление и обслуживание всех сторон местной жизни; налоговая политика; роспуск земств и городских дум, если они будут противодействовать Советской власти.

Фактически деятельность Советов почти полностью дублировала работу земств. Последние оказались под жёстким давлением новых органов власти, но продолжали выполнять свои функции, в том числе: отпуск пособий; решение финансовых проблем в уезде; содержание семейств земских служащих; налогообложение; защита местных богатств. Вплоть до начала 1918 г. новые органы власти в финансовом отношении зависели от земств [3].

Уже 12 февраля 1918 г. Усть-Сысольский уисполком постановил: «Продовольственной управе выдавать волостным земским управам ордера на учет и реквизицию в волостях хлебных запасов и товаров, с тем, чтобы владельцам таковых товаров было оставлено из его запасов в размере потребности семьи, а все излишки были взяты в общественные магазины или склады для равномерного распределения по норме между нуждающимися гражданами волости» [4]. Усть-Сысольский уисполком фактически навязал волостным земствам новую социально-экономическую

© Ластунов И.И., 2016

политику, главными компонентами которой были: реквизиции излишков у более зажиточных слоёв населения в пользу более бедных, т.е. перераспределение доходов; нарушение прав личной собственности граждан; уравниловка.

Несомненно, такая социально-экономическая политика более соответствовала законам военного времени. Главное отличие социально-экономической деятельности земств от деятельности Советов состояло в том, что земства решали свои финансовые проблемы за счёт налогов, а советы – за счёт реквизиций. Финансовая политика земств, очевидно, не устраивала беднейшие слои населения, в свою очередь финансовая политика Советов должна была неизбежно привести к сопротивлению более зажиточных слоев.

Главная проблема земств в этот период – финансирование. С захватом власти все финансы перешли в ведение нового правительства, финансовое положение земств резко ухудшалось. На этой почве обострилась атмосфера на заседаниях Земского собрания. Земство прибегало к различным средствам получения займов и кредитов, шли переговоры с частными и коммерческими банками, т.к. не только «задерживается выплата жалования всем служащим земства» [5], но и приостановилась хозяйственная жизнь в уезде.

К февралю 1918 г. уездным земством был составлен окончательный проект смет доходов и расходов на 1918 г., который учитывал финансовую практику предыдущих земств. Так, основными статьями дохода в 1917 г. были налоговые сборы: *на землю* (привлекаемая к сбору на земские потребности в количестве 12 650 374 десятины 1 480 сажень). Размер обложения (принят уездным земским собранием 7 октября 1916 г.): 1) сенокосная земля – 70 коп. с десятины; 2) пахотная и усадебная – 60 коп. с десятины; 3) лесные земли – 5,6 коп. с десятины; *городские сооружения:* 1) городские дома – ценность 170 631 руб. – обложение по 3% с ценности; 2) заводские помещения – ценность 33 722 руб. – обложение 1%; 3) заводские плотины – ценность 18 500 руб. – обложение 5%; 4) мукомольные мельницы – с плотин ценность 3 850 руб. – обложение 5%; 5) с прочих зданий – в 3 800 руб. – 10%. Доход 572 руб. 50 копеек [6].

Исходя из этих данных, первоначальная раскладка уездного земского сбора на 1918 г. составляла с земель и сооружений 3 005 561 руб. 60 коп. и сверх того за счёт других поступлений (судебные пошлины, земская почта, плата за лечение и т.д.) 405 119 руб. 35 копеек [7].

Заседание уездного земского собрания, состоявшееся 29 января 1918 г., постановило: «Чистый доход с десятин лесных земель, подлежащих обложению определить в 69,2 копейки, независимо от того, кому эти

земли принадлежат (казне, частным владельцам, крестьянам, учреждениям и т.д.)» [8].

Земское собрание отклонило предложенный уездной земской управой бюджет в 3 410 670 руб. 95 копеек. Окончательный бюджет по смете расходов составил 2 969 862 руб., столько же доходов. Доходность всех предметов обложения выразилась в сумме 8 763 230 руб. 45 копеек. Процент обложения составил 25,4%, т.е. 25,4 коп. с рубля нормальной доходности. Сбор данного налога давал в казну 2 225 860 руб. 45 коп., остальные – 744 001 руб. 94 коп. – должны были поступить в местный бюджет из центра [9].

Основные расходы составили: участие в расходах правительственных учреждений – 500 319 руб. 4 коп.; содержание земского Управления – 68 734 руб.; устройство и содержание мест заключения – 4 509 руб. 38 коп.; дорожная повинность – 205 355 руб. 83 коп.; народное образование – 1 121 118 руб. 93 коп.; общественное призрение – 33 401 руб.; ветеринарная часть – 28 565 руб.; расходы по содействию экономическому благосостоянию – 118 739 руб.; разные расходы – 50 564 руб. 21 коп.; отчисление на образование капиталов – 298 987 руб. 76 коп.; запасная сумма – 44 695 руб. 45 копеек; губернский земский сбор – 65 000 руб. и другие расходы [10]. Как видно, более трети расходов уездное земство запланировало на развитие народного образования.

Если в 1917 г. смета расходов Усть-Сысольского земства составила 1 057 662 руб. 78 коп. [11], то в 1918 г. она увеличилась почти втрое. Увеличение расходов было вызвано, прежде всего, инфляцией, а также вновь испрашиваемыми необходимыми расходами.

В январе 1918 г. уездное земское Собрание по докладу С.О. Латкина постановило ассигновать и внести в смету расходов на 1918 г.: 1) пособие казне на содержание Усть-Сысольской низшей ремесленной школы – 2 000 руб.; 2) добавочное жалование мастерам – 2 700 руб.; 3) квартирные четырём преподавателям по 200 руб. – всего 800 руб.; 4) стипендии – 3 800 рублей. Итого – 9 300 рублей [12].

По ходатайству директора Усть-Сысолькой учительской семинарии уездное земское Собрание постановило: «Ассигновать и внести в смету расходов 1918 год на пособие на содержание семинарии – 2.000 рублей и на 10 стипендий – 1.800 рублей. Всего – 3.800 рублей» [13].

Также в январе 1918 г. уездное земское Собрание постановило: «Ассигновать и внести в смету расходов 1918 года в пособие казны на содержание Усть-Сысольского мужской гимназии 8.000 рублей; на содержание приготовительного класса – 2.000 рублей; на содержание учителя музыки – 300 рублей; на школьный сиротский фонд – 100 рублей, и на 33 зем-

ские стипендии – 4.950 рублей. Кроме того, земское Собрание постановило выплатить стипендии учащимся за пределами уезда в размере 9.630 рублей» [14].

Для повышения эффективности работы публичной земской библиотеки уездным земским Собранием была избрана постоянная библиотечная комиссия из земских гласных: Н.И. Митюшева, В.Ф. Попова и гласного Городской Думы Кассандрова. На содержание библиотеки было решено ассигновать и внести в смету расходов на 1918 г. – 2 740 рублей [15].

Как видно из вышеперечисленных постановлений уездного земского Собрания, одним из ведущих направлений его деятельности было развитие народного образования и культуры. Но эффект данной деятельности был крайне низким, как отмечал председатель уездного земского Собрания Н.И. Митюшев: «Главное наше зло – это темнота народа, невежество… Много расходуется земством денег на народное образование, но не продуктивно и это важное дело стоит в нашем уезде на низком уровне…» [16].

Одним из главных вопросов, рассматриваемых уездным земским Собранием в январе 1918 г., было распределение казённых земель по волостям [17]. Данный вопрос поднимался на заседании 16 января 1918 г. в присутствии 39 гласных, 3 представителей Совета (Юрьева, Малыгина, Молодцова) и представителей от 19 волостей уезда. Гласный И.А. Суханов внёс предложение: «При настоящих установленных правилах каждая земская волость получает 1/5 часть с 30% волостного сбора за казенные земли, 4/5 этого сбора поступают в распорядительный фонд при уездном земстве… Предлагаю чтобы 30% волостной сбор с казенных земель поступал целиком в доход волостного земства» [18]. Однако большинством голосов (35 – против, 4 – за) предложение гласного И.А. Суханова было отклонено. Мнение большинства гласных выразил Д.Я. Попов: «Закон о волостном земском управлении создавался наспех, не считаясь с условиями жизни уездов. Впоследствии мы видим, что статья 4 правил о волостном земском обложении, которая предусматривала волостной сбор в одной пятой части с земель, содержащих полезные ископаемые, изменена и распространена на казенные и удельные леса (Постановление Временного Правительства от 26.08.1917). Таким образом, лесное ведомство знало, что в Усть-Сысольском уезде площадь казенных земель не входила в состав бывших крестьянских волостей, и что в двух лесничествах Северо-Восточной части уезда отсутствует квартальная сеть, в силу чего нет никакой возможности установить границы казенной площади в земских волостях… Нельзя согласиться с тем, чтобы 30% волостной сбор поступал исключительно в доход волостного земства, так как при таком порядке упраздняется при уездном земстве распределительный фонд, предусматривающий выдачу

пособий волостным земствам» [19]. Земское Собрание постановило поручить земской управе принятое Собранием распределение общей площади казённых земель пропорционально численности по данным о числе населения [20].

О тяжёлом финансовом положении земства говорит тот факт, что уездное земское Собрание отклонило предложение земской управы об увеличении содержания семействам всех земских служащих, призванных по мобилизациям в действующую армию. Земское Собрание внесло в смету расходов 1918 г. выдачу половинного содержания таким семьям – всего 11 524 рубля [21]. Земской управе было поручено собирать периодические сведения о том, «не возвращены ли призванные с военной службы навсегда на предмет прекращения выдачи содержания семьям таких лиц» [22].

Возвращённым с военной службы земским служащим предоставлялись прежние должности тотчас же по возвращении. Лица, замещавшие их, зачислялись первыми кандидатами на поступление обратно на земскую службу в соответствующих должностях.

Несмотря на скудный бюджет, земское Собрание постановило единогласно ассигновать и внести в смету расходов на 1918 г. оказание помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах – 3 000 рублей [23]. Также было принято постановление о выдаче пособий бедным и увечным гражданам уезда: 14 человек получило от 36 до 120 руб. в год, всего 984 рубля [24].

В то же время было отклонено ходатайство Палаузского волостного земства об ассигновании 12 000 руб. на постройку школьного здания, главным аргументом было «тяжелое финансовое положение уездного земства» [25].

Перед губернским начальником Архангельского Почтово-Телеграфного округа уездное земское собрание возбудило ходатайство:

1) о соединении телеграфом линии Усть-Кулом – Керчемья – Усть-нем – Мыелдино – Пожега – Печора и 2) об открытии телеграфных отделений в Визинге и Корткеросе [26].

Годовые расходы на созыв уездных земских собраний составляли по смете всего 10 000 руб., расходы на 1918 г. на содержание штата служащих в канцелярии уездной управы составили 32 120 руб., в том числе годовой оклад главного бухгалтера управы – 5 000 рублей [27].

В январе 1918 г. в ведение Усть-Сысольского земства был принят Усть-Сысольский детский приют. В то же время из-за недостатка средств были закрыты Визингский и Усть-Куломский сиротские дома [28].

Вологодскому обществу сельского хозяйства Усть-Сысольское земство на организацию курсов подготовки секретарей и бухгалтеров волост-

ных земских управ выделило 5 000 рублей. На губернские курсы было отправлено 7 человек. Каждому из них была назначена стипендия в 250 рублей. Все отправленные на курсы дали обязательство прослужить в волостных земствах уезда не менее 3-х лет [29].

Одним из мероприятий молодого Советского правительства было открытие 200-миллионного кредита для выдачи городам и земствам займов [30]. Вначале уездное земство проигнорировало данный финансовый источник, причину чему раскрыл в одном из своих выступлений А.М. Мартюшев: «Наше земство не обратилось к этому источнику, потому что для этого пришлось бы испросить свидетельство у местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и обращаться к народному правительству» [31]. Обращение к Советам для земства было унизительным, т.к. оно всегда было независимо в финансовом положении.

Во время дискуссий на Земском собрании встал главный вопрос – прибегать или нет к посредничеству Совета для получения кредита от нового правительства [32]. С одной стороны, если земство будет обращаться помимо Совета, то его придётся ликвидировать, а С.О. Латкин высказал мнение, что «мы просим не ссуду, а свой долг и потому обращаться к посредничеству Совета нет никакой надобности» [33]. Но какой бы ни была центральная власть, земству были нужны деньги, т.к. за счёт своих средств выход из создавшегося положения найти было практически невозможно.

В ходе переговоров с уездной Продовольственной управой, а также с частными банками и коммерсантами относительно займа до 300 000 руб. лишь один местный коммерсант – Н.Д. Оплеснин – согласился дать уездному земству ссуду в 30 000 рублей. Поэтому 23 января 1918 г., оказавшись в безвыходном положении, уездное земское Собрание постановило: «Обратиться за ссудой из 200 млн. кредита к новому правительству, с удостоверением местного Совета… Размер ссуды определить в восемьсот тысяч рублей» [34].

Таким образом, уже в конце января 1918 г. уездное земство оказалось в полной финансовой зависимости от новой власти.

* * *

1. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р-848. Оп.1. Д.1. Л.23–26.

2. НА РК. Ф.1081. Оп.1. Д.679. Л.40.

3. НА РК. Ф.1081. Оп.1. Д.679. Л.22.

4. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.675. Л.6.

5. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.679. Л.6.
6. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.683. Л.3.
7. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.683. Л.3.
8. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.683. Л.3.
9. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.683. Л.27.
10. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.142; Д.683. Л.17–18.
11. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.684. Л.4–10.
12. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.677. Л.2.
13. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.677. Л.2.
14. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.677. Л.3.
15. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.677. Л.4.
16. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.1.
17. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.6.
18. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.6.
19. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.6–7.
20. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.7.
21. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.14.
22. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.14.
23. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.15.
24. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.33.
25. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.19.
26. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.21.
27. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.32.
28. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.33.
29. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.38.
30. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.679. Л.7; Д.678. Л.46.
31. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.679. Л.8.
32. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.679. Л.11.
33. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.679. Л.20.
34. НА РК. Ф.116. Оп.1. Д.678. Л.44–46.

УДК 930:316.4(470.13)“1918/1921”

Б.Р. Колегов,
научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ г. УСТЬ-СЫСОЛЬСКА. 1918–1921 гг.* (по материалам республиканских газет**)

Знание истории провинциального города России рубежа 1918–1921 гг. позволяет: во-первых, проследить, как менялась повседневная жизнь горожан под влиянием внешних и внутренних факторов; во-вторых, ввести в оборот новые исторические источники. В качестве объекта исследования автором был выбран г. Усть-Сысольск (Устьсысольский уезд Вологодской губернии).

Можно выделить 2 группы публикаций, связанных с историей г. Усть-Сысольска первой четверти XX в.: 1) работы, освещающие историю города на фоне истории республики; 2) работы, посвящённые отдельным интересным событиям, происходившим в городе, с изложением личных, порой достаточно спорных взглядов [1]. Во всех этих работах редко использовались материалы периодической печати. Тем интереснее через газетные статьи проследить, как трансформировалась городская среда г. Усть-Сысольска в 1918–1921 гг. под влиянием внешних и внутренних факторов.

© Колегов Б.Р., 2016

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

** В разное время газета была официальным органом: Исполнительного комитета Усть-Сысольского совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, Штаба Северо-Двинского фронта (1918–1920), Усть-Сысольского уездного исполнительного комитета и уездного комитета РКП(б) (1920–1936), Коми Областного и Сыктывкарского комитетов ВКП(б) и Верховного Совета Коми АССР (1936–1941). Со сменой её учредителей менялось и название газеты. В 1918–1920 гг. она называлась «Зырянская жизнь» и «В зырянском краю». В 1921 г. – «Удж» (Труд). В 1922–1930 гг. – «Югыд туй» (Светлый путь). В 1931–1955 гг. – «За новый Север» (см.: Летопись печати Республики Коми. 2011: гос. библиогр. указ. / сост. И.И. Табаленкова. – Сыктывкар, 2014. – С.169).

Что такое город и городская среда. В исторической, географической и социологической литературе существует достаточно много определений понятия «город» [2]. На наш взгляд, «город» – это географический центр со сложившейся политико-административной структурой, непосредственная деятельность которой влияет на формирование городской среды.

Понятие «городская среда» правильно определил Ю.В. Медведков. По его мнению, это «среда обитания и производственной деятельности людей, включающая в себя совокупность физического (материального) и духовного (нематериального) пространства и обладающая природными и социально-экономическими особенностями внутренней структуры, динамики, эволюции в сочетании с миграционными процессами» [3]. Именно сочетание этих факторов и формирует менталитет и стиль повседневной жизни населения.

Природный компонент. Город Усть-Сысольск располагался на левом берегу в нижнем течении р. Сысолы, в месте её слияния с р. Вычегдой в области Вычегодско-Мезенской равнины. Река Сысола в своём нижнем течении имеет хорошо развитый комплекс террас. На двух из них в 1920-х гг. и располагался г. Усть-Сысольск. Из сети рукавов р. Сысолы, стариц и пойменных озёр с протоками около города находился остров Ошвидзь (Ош-ви, Ошвидз). На правом берегу реки – естественный природный ландшафт, пригодный для заселения (Заречье). Окраины Усть-Сысольска окружали леса из ели и сосны с примесью берёзы и осины. Что касается полезных ископаемых, находившихся вблизи города, то они были представлены преимущественно минеральными строительными материалами (песком и глиной).

Город располагался в зоне умеренно-континентального климата. Лето было коротким и умеренно прохладным, а зима многоснежной, продолжительной и умеренно холодной.

Внешний вид города в начале XX века. Усть-Сысольск в начале XX в. был обычным уездный городом. Одно-двухэтажные деревянные и каменные дома, соборы и церкви [4]. Городская черта в соответствии с правилами градостроительства была разделена на улицы и площади, имевшие традиционные для российских городов названия. Правый берег р. Сысолы с сенокосными лугами Ош-виз, Кэч-виз, Городничий-виз и Латкин ди, местечки Кируль и Нижний Конец, с. Тентюково, с. Кочпон и дер. Чит входили в состав Кодзвильской волости и были разбиты на десяты [5].

В городе имелись 3 зелёные зоны: городской сад у Троицкого собора, больничный сад и сад около здания Духовной семинарии. Улицы в городе не были замощены. Проезжая часть с выбоинами и ямами осенью и весной превращалась в непроходимое болото. Вдоль городских зданий тя-

нулись деревянные тротуары для пешеходов. Водой население снабжали р. Сысола и 5 городских колодцев. Вопросы канализации решали выгребные и ретирадные ямы при присутственных местах и частных домах. Уличного освещения не было. По городу на выпасе бродили домашние животные (козы, кони, овцы).

В Усть-Сысольске не существовало адресной нумерации домов. Город был разбит на кварталы, которые делились на земельные участки. Каждый квартал и каждый земельный участок в квартале имели собственный общегородской номер, поэтому к нумерации домов прибегали крайне редко. Имя владельца или наименование учреждения при определении их местоположения в городе было гораздо удобнее. В газетных объявлениях и статьях указывались или название учреждения («Пожарное депо»), или улица («на углу Набережной и Никольской»), или фамилия владельца дома («в доме Клыкова»). Если одинаковую фамилию имели несколько домовладельцев, то делалось уточнение, о каком именно доме идёт речь («в доме Беляевой напротив Старой больницы»).

Начало формирования новой городской среды. События, происходившие в России и в Коми крае в 1917–1920-х гг., привели к появлению в Усть-Сысольске новых социальных групп, таких как: беженцы, дезертиры и демобилизованные с фронта солдаты. В совокупности с проживавшими в городе слушателями учительской семинарии, служащими учреждений и учащимися городских школ они и составили тот «материал», который привёл к серьёзным изменениям городской среды. Это было связано с тем, что, во-первых, более 90% из их числа были коми-зыряне; во-вторых, большинство, включая часть горожан, разделяло революционные настроения левого толка; в-третьих, в Усть-Сысольске и уезде к тому времени была сосредоточена бóльшая часть «национальной интеллигенции», мечтавшей о создании Автономной зырянской республики Коми; в-четвёртых, мигранты не являлись коренными жителями города и не воспринимали устоявшиеся городские традиции. Большевистский переворот летом 1918 г., осуществлённый с помощью прибывшего в город из Архангельска отряда С. Ларионова, положил начало изменениям городской среды.

Стоит отметить, что до середины 1919 г. (новые выборы в Городской совет) пришедшие к власти в городе большевики никаких активных действий не предпринимали. В Усть-Сысольске были организованы ВЧК и Народная милиция, переименованы улицы и площади города и создан новый печатный орган. Именно через него и стали проникать в Усть-Сысольск неологизмы, появившиеся в газетных публикациях, а значит, и устной речи. Кроме аббревиатур (УИК, Горсовет, Посекр) в газетных публикациях появились такие слова, как «учащий» (учитель), «красно-армеец» и т.д.

Совершенно новым стал стиль газетных публикаций. Это было связано с тем, что основную их часть составляли постановления местных органов власти, или собраний, прошедших в организациях и посвящённых не только политическим, но и бытовым сторонам жизни, либо статьи-доносы от приехавших в город на учёбу из уездов края членов РКП(б) или РКСМ на ущемление их прав. Поэтому газетная информация, освещавшая социально-культурную жизнь Усть-Сысольска, оказалась сильно перегружена не только революционной риторикой (названия статей и их стиль), но и определённой долей «бульварщины». Одиннадцатого мая 1919 г. в городе состоялись выборы, на которые были допущены «только трудящиеся, бедняки». В результате к власти в городе официально пришли большевики и левые эсеры [6].

В городе наступили смутные времена. Процветали самогоноварение и пьянство. Пили все – от власть имущих до простых граждан. Пили так активно и постоянно, что был издан грозный приказ начальника гарнизона г. Устьсысольска от 23 октября 1918 г., в котором всем ночным патрулям приказывалось «после 10 часов вечера... при осмотре пропусков на право хождения в ночное время, справляться у проходивших граждан о цели их ходьбы и если обнаружится, что гражданин, имеющий пропуск злоупотребляет им, то сейчас же пропуск такового должен быть отобран.., а всем союзам, обществам, которые устраивали публичные собрания, увеселение или лекции показывать в афишах или объявлениях, время, до которого Начальником Гарнизона разрешено увеселение или собрание, на основании данных от меня письменных разрешений». В рядах Красной армии пьянство тоже процветало. Так, на «общем собрании красно-армейцами было внесено постановление: ни под каким видом не употреблять спиртных напитков, виновные будут подвергаться товарищескому суду». Участились случаи воровства и порчи имущества («красноармейцы и учащиеся училищ неоднократно крадут лодки жителей города для переправы на пляж в Заречье и там бросают их; приводят в негодность дома, отведенные для их проживания»).

В беспорядок приходило городское хозяйство. Усть-Сысольск страдал от разрушавшихся пешеходных тротуаров («движение по ним становится невозможным не только ночью, но и днем») и от отсутствия ассенизационного обоза. Переполненные «помойные и выгребные ямы выливают нечистоты прямо на улицы». Стала ощущаться нехватка дров [7].

Тяжёлым испытанием для горсовета стал продовольственный кризис. Длительный период административных мер в снабжении населения продовольствием: запрет на въезд в «Устьсысольск и уезд лиц, ищущих работу и желающих поселиться в уезде и городе»; учёт работников учреждений и горожан; введение продажи продуктов по карточкам; отказ обе-

спечивать пайками зажиточных и учащихся училищ; попытки установить твёрдые цены на продукты первой необходимости; авансовая предоплата; политика распределения полученных товаров и борьба со спекуляцией – успехом не увенчался. Даже попытки приучить население к «добыче патоки и карамели из картофеля» и обеспечение беднейших служащих работой и продовольственными пайками (для чего «взять на учет всех служащих Советских учреждений, общественных и частных предприятий г. Устьсысольска выявив их семейное и материальное положение, время поступления на службу, кем назначены и утверждены ли Исполкомом и предоставить право Отделу (труда) заменить имущих служащих неимущими, а также которые были взяты помимо Отдела и без утверждения Исполкома») не решили проблемы [8].

Горожане к подобным нововведениям и к новой власти относились пассивно. Добровольцы дезертировали со сборных пунктов и из маршевых рот, а попытки властей повлиять на сложившуюся ситуацию через городскую парторганизацию успехом не увенчались. Городские партийные собрания не набирали кворума. Появилось постановление Уездкома РКП(б), где говорилось, что «члены Р.К.П. не посетившие подряд два партийных собрания и не предоставившими уважительных на то причин, будут считаться выбывшими из партии и уже автоматически исключаются из списка Р.К.П.», а в газете стали публиковать списки исключённых из партии коммунистов с номерами их партийных билетов и с объяснением причин [9].

Непопулярность местных властей и пассивное сопротивление населения заставило их прийти к выводу, что порядок в городе необходимо наводить, опираясь не только на директивы из центра и на официальные общественно-политические институты (РКП(б), РКСМ и профсоюзы), но и на институты гражданского общества (образование, культура) и национализм (зырянизация), которые в означенный период стали очень активно формироваться.

Вот почему в 1919–1920 гг. и был предпринят ряд достаточно популистских мер: разрешена «свободная продажа по вольным ценам ненормированных продуктов как-то: яйца, масла, овощей… кои продукты на рынке реквизированы не будут», открыта столовая-чайная для рабочих и служащих, выделялись пустующие земельные участки учреждениям и организациям под «коллективные коммунальные огороды». Изменилось и отношение к дезертирам. Вставших на учёт до рассмотрения дел снабжали пайком и привлекали к «работам по городу… в течение 4-х часов ежедневно и… к посещению ежедневно в течение 2-х часов красноармейской школы». Если же дезертир скрывался, то тогда «у семьи дезертира прово-

дить конфискацию домашней скотины и… лишали земельного надела». Особого успеха это не принесло, но ситуация стабилизировалась [10].

Образование и культура. В исследуемый период произошли серьёзные изменения в области образования и культуры. Образование стало полностью демократичным. Существующие в городе учебные заведения были переименованы в «советские школы». В них отменили вступительные экзамены и ввели совместное обучение мальчиков и девочек. Были созданы школьные ученические комитеты при Педагогических советах с правом решающего голоса в вопросах выборности учителей, распределения продуктов и промтоваров. В школах ввели преподавание на зырянском языке.

В 1918 г. в городе появилось первое государственное бесплатное дошкольное учреждение (детский сад). В него «принимаются дети от 5 до 9 лет. Занятия проводятся 2 раза в день по 2 часа – играми, гимнастикой, рисованием, лепкой, чтением сказок и прочим детским ручным трудом». На основе Учительской семинарии в 1921 г. в Усть-Сысольске создан Коми институт народного просвещения [11].

Серьёзные изменения произошли и в культурной жизни. В 1919–1921-х гг. в г. Усть-Сысольске появились негосударственные общественные культурные и спортивные организации: спортклуб «Заря», хор, неаполитанский и духовой оркестры, «Сыккомтевчук», детская музыкальная школа. После долгого перерыва возобновила работу городская библиотека. Культурно-просветительская жизнь в городе ожила. Начали проводиться спортивные соревнования и спектакли. Центром проведения спортивных мероприятий стали Народная и Красная площади и р. Сысола (зимой). Спектакли и концерты проходили в зале советской школы 2-й ступени № 2 и в Народном доме. Однако горожане с большой неохотой посещали подобные мероприятия, поэтому для привлечения зрителей после спектаклей всегда устраивались «танцы до утра» [12].

Политика зырянизации. В июле 1918 г. вышла статья Н. Шахова «К товарищам зырянам», где объявлялось о создании в Помоздине партии «Комі автономіст чукер», требовавший объединения зырян в Автономную зырянскую республику. В том же месяце в Яренске были организованы курсы преподавателей-зырян, а на средства Устьсысольского и Яренского уисполкомов был заказан шрифт зырянской азбуки. Осенью 1918 г. в г. Усть-Сысольске была создана Комиссия по зырянскому языку (в неё вошли А. Цембер, В. Лыткин и В. Молодцов). Седьмого декабря 1918 г. Отдел народного образования Устьсысольского уезда издал Постановление «О допущении зырянского языка наряду с русским в делопроизводстве отдела и в официальных сношениях с учащими и учреждениями в пределах уезда». А 9 декабря исполком г. Усть-Сысольска опубликовал собственное поста-

новление в котором, в частности, говорилось: «1. Не допускать в первые два года обучения в 1-й ступени Советских школ употребления другого языка кроме родного. 2. Применять в качестве средств обучения последние три года исключительно зырянский язык. 3. Начиная с третьего года обучения до конца учебного курса допустить преподавание русского языка как отдельного предмета, а не как средства обучения». В 1920 г. были изданы учебники на коми языке [13].

Государственные общественные организации. Параллельно с институтами гражданского общества власти города стали формировать общественные организации, объединявшие самые многочисленные слои горожан – коммунистов, красноармейцев, молодёжь и женщин. В июле 1918 г. «для политического воспитания и полезного досуга, направленного на выработку стройного и цельного пролетарского классового сознания» в Усть-Сысольске открылся объединённый клуб коммунистов и красноармейцев «Звезда», здесь читали лекции, доклады и ставили спектакли. «Союз женщин» в г. Усть-Сысольске возник после проведения 21 апреля 1919 г. Дня Работницы. По словам организаторов, его «обязанностью должно явиться стремление во что бы то ни стало вывести женщину-хозяйку из мрака духовного бессилия... учесть все наличные силы женщины и направить их на помощь рабочим в революционном строительстве». «Союз женщин» должен был участвовать в общественной жизни и проводить членов организации в Советы и Исполнительные комитеты уезда. А 15 октября 1919 г. была организована городская ячейка РКСМ, задачей которой была «пропаганда пролетарских идей и политическое воспитание среди учащихся советских школ Устьсысольска» [14].

Городское хозяйство. В дело наведения порядка в городском хозяйстве включился Уездный комитет РКП(б). Двадцать пятого марта 1920 г. было проведено совместное с представителями советских организаций заседание, результатом которого стало постановление о проведении в г. Устьсысольске «Недели чистки»: «все граждане города в порядке натуральной трудовой и гужевой повинности без всякой оплаты с 1 по 7 апреля» должны были привести город в порядок [15].

Общественная жизнь. Каждый год 7 октября, 23 февраля и 1 мая в городе проводились манифестации и парады. В силу инертности горожан участие в них являлось добровольным. Поэтому манифестации начинались на Народной площади и шествие продолжалось по центральным улицам города с регулярными остановками и произнесением речей-тостов (тезисы выступлений публиковались заранее в газете). Парады же проводились более организованно: на Красную площадь с разных концов города сходились колонны представителей организаций, учреждений и десят, под звуки духо-

вого оркестра проходила сводная колонна конвойной роты НКВД, ВЧК и милиции. Затем выступали официальные лица города. Проводились и общероссийские мероприятия («Неделя народного просвещения», «Неделя помощи красноармейцам», «Дни Советской пропаганды» и т.д.) [16]. Ещё одной интересной особенностью общественной жизни в исследуемый период стали торжественные похороны (убитого во время беспорядков в июне 1918 г. председателя земотдела горсовета Кудинова, погибших при освобождении Усть-Сысольска в декабре 1919 г. красноармейцев; Домны Каликовой) [17].

* * *

1. Очерки истории Коми партийной организации. – Сыктывкар, 1964; История Сыктывкара. – Сыктывкар, 1980; Очерки истории Коми областной организации КПСС. – Сыктывкар, 1987; *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачёв М.Б., Колегов Б.Р.* Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времён. – Сыктывкар, 2002; История Коми с древнейших времён до современности. – 2-е изд. – Сыктывкар, 2011. – Т.1–2; Дым Отечества. Историко-краеведческий выпуск газеты «Республика». – 1996–2013; Родники Пармы: науч.-попул. сб. – 1989–2013; Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Библиография. – URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-217-3/978-5-88431-217-3_31.pdf

2. *Вебер М.* История хозяйства. Город. – М., 2001. – С.335–337; *Сванидзе А.А.* Город в цивилизации: к вопросу определения // Город как социокультурное явление процесса. – М., 1995; *Рабинович М.Г.* К определению понятия город: (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. – 1983. – № 3. – С.19.

3. *Медведков Ю.В.* Человек и городская среда. – М., 1978.

4. *Жеребцов И.Л.* Населённые пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. – М.: Наука, 2001. – С.454; *Рогачёв М.Б.* Столица Зырянского края. Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XIX века. – Сыктывкар, 2010.

5. Зырянская жизнь. – 1918. – 27 июня. – С.1; 1918. – 14 нояб. – С.4.

6. Зырянская жизнь. – 1918. – 14 июня. – С.1; 1918. – 11 июля. – С.3; 1919. – 20 дек. – С.1; 1920. – 14 авг. – С.2.

7. Зырянская жизнь. – 1918. – 5 июля. – С.4; 1918. – 8 сент. – С.2; 1918. – 20 окт. – С.2; 1918. – 26 окт. – С.1; 1919. – 1 янв. – С.1; 1919. – 20 июня. – С.3; 1919. – 4 июля. – С.4.

8. Зырянская жизнь. – 1918. – 24 нояб. – С.4; 1919. – 12 июля. – С.4; 1919. – 8 авг. – С.3; 1920. – 13 мая. – С.2; Удж. – 1921. – 18 марта. – С.3; 1921. – 1 июля. – С.2.

9. Зырянская жизнь. – 1918. – 11 июля. – С.3; Удж. – 1921. – 17 янв. – С.1; 1921. – 29 февр. – С.2; 1921. – 11 марта. – С.2.

10. Зырянская жизнь. – 1918. – 11 июня. – С.3; 1918. – 20 июня. – С.2; 1918. – 1 июля. – С.2; 1918. – 27 авг. – С.2; 1918. – 13 дек. – С.2; 1919. – 27 авг. – С.4; 1920. – 20 янв. – С.2; 1920. – 23 апр. – С.4; 1920. – 11 дек. – С.3.

11. Зырянская жизнь. – 1918. – 26 окт. – С.3; 1918. – 14 нояб. – С.3; 1918. – 18 дек. – С.4; 1918. – 26 дек. – С.2; 1919. – 15 апр. – С.2; 1920. – 28 февр. – С.2; Удж. – 1921. – 9 февр. – С.3; 1921. – 16 окт. – С.4; 1921. – 24 нояб. – С.2.

12. Зырянская жизнь. – 1919. – 4 июля. – С.2; 1919. – 1 авг. – С.4; 1919. – 27 авг. – С.4; 1919. – 7 сент. – С.4; 1919. – 9 окт. – С.3; 1920. – 20 марта. – С.2; Удж. – 1921. – 30 марта. – С.1.

13. Зырянская жизнь. – 1918. – 26 июля. – С.2; 1920. – 22 янв. – С.2; 1920. – 29 мая. – С.2; 1920. – 13 нояб. – С.3.

14. Зырянская жизнь. – 1918. – 20 июля. – С.2; 1919. – 2 мая. – С.2; 1919. – 20 окт. – С.2.

15. Зырянская жизнь. – 1920. – 30 марта. – С.1.

16. Зырянская жизнь. – 1918. – 14 нояб. – С.3; 1919. – 27 февр. – С.2–3; 1919. – 28 апр. – С.2; 1920. – 9 окт. – С.1; Удж. – 1921. – 6 марта. – С.4; 1921. – 18 марта. – С.3; 1921. – 14 мая. – С.2–3.

17. Зырянская жизнь. – 1918. – 15 июня. – С.4; 1919. – 20 дек. – С.1; 1920. – 23 марта. – С.2.

УДК 94:070

М.И. Нисковская,
канд. ист. наук, научный сотрудник
сектора отечественной истории
Коми НЦ УрО РАН

ГАЗЕТА «В ЗЫРЯНСКОМ КРАЮ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

После Октябрьской революции военная интервенция и гражданская война стали определяющими факторами дальнейшей судьбы Советского государства. Гражданская война на территории Коми края в 1918–1920 гг. имела свою специфику [1]. В город Усть-Сысольск 5 марта 1919 г. прибыл «созданный директивой командования штаб Пинего-Печорского края Северного фронта. Этот штаб был организован с целью координации действий всех советских частей в Коми крае и принял командование над Ижмо-Печорским, Вашко-Мезенским и Кай-Чердынским полками. Командующим Пинего-Печорским краем был назначен И.В. Лисовский…» [2]. По прибытии в Усть-Сысольск штаб стал выпускать собственную газету «В зырянском краю» (первый номер увидел свет 9 апреля 1919 г.), которая должна была отражать дух эпохи, быть коммунистическим пропагандистским изданием. Штаб Пинего-Печорского полка Красной армии был органом уездного комитета РКП(б) и уездного исполнительного комитета Советов.

Первые «шаги давались газетчикам нелегко: отсутствовали необходимое оборудование, нужные шрифты, краска, бумага, немногочисленные сотрудники редакции не имели соответствующих навыков и опыта» [3], но гражданская война определила основные задачи газеты: показывать с негативной стороны контрреволюцию, распространять среди трудовых масс идеи Советской власти и коммунистической партии. По словам Е.Г. Королёвой и А.А. Попова, «партийные организации Коми края провели огромную политическую и организационную работу среди коми трудящихся масс. С появлением парторганизаций в крае рос уровень классовой борьбы,

© Нисковская М.И., 2016

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

росло доверие трудящихся масс к Советской власти, укреплялся авторитет партии» [4].

Газета «В зырянском краю» выходила ежедневно, её лозунг – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Редакция газеты была расположена по адресу: г. Усть-Сысольск, ул. Коммунистическая, д.5. Ответственным редактором был Чумбаров-Лучинский, редактором местного отдела – Клочков. Стоит отметить, что Ф.С. Чумбаров-Лучинский был также политработником 6-й армии на Северном фронте, поэтому у него был опыт проведения общественной работы и выпуска газеты. Отметим, что на Северном фронте политотделом 6-й армии и газетой «Наша война» велась большая политико-воспитательная работа. «При непосредственном руководстве политотдела в частях Красной Армии проводились беседы, коллективная читка газет, лекции о текущем моменте и т.п. …» [5]. Помимо этого политотдел 6-й армии инициировал «общие красноармейские конференции, на которых обсуждались вопросы международного и внутреннего положения, состояния Северного фронта и другие» [6].

Газета «В зырянском краю» представляла собой 1 лист, печать была двухсторонней, формат – газетный. Стоимость газеты – 30 коп., с 4 мая (№ 14 1919 г.) появилось уточнение, что цена у разносчиков – 35 копеек. С 20 мая 1919 г. цена снизилась до 15 коп. (у разносчиков – 20 коп.). В июле 1919 г. издание газеты прекратилось.

Первая страница газеты чаще всего была посвящена происходившим в Советской России событиям, а также «мировой революции» в других странах, например: «во Франции, в Париже растет забастовочное движение. Советская красная армия одерживает все новые и новые победы на южном фронте. Получено радостное известие о взятии Одессы нашими войсками. Румыния накануне рабочего восстания» [7]. Помимо этого газета содержала оперативные сводки из радиотелеграмм – информацию о положении на фронтах («Западный фронт. В Нарвском районе красные Эстонские части с боем заняли окопы противника севернее гор. Нарвы») [8]. На протяжении нескольких номеров (№ 2–5) читатель мог узнавать о 8-м партийном съезде – его организационных вопросах, партийном уставе, о работе местных партийных организаций, которым вменялось «в обязанность введения систематической и напряженной работы коммунистического воспитания красноармейцев в тыловых частях, путем выделения специальных работников» [9]. Создание газеты было направлено на формирование положительного образа Красной армии, отражение важности революции, роли коммунистической партии и значимости строительства социализма: «… мировой пожар революции уже не слова, не продукт фантазии, а факт, великий и радостны. И все, что сейчас происходит: и восстания черных белогвардей-

цев и белый террор и подкупы и клевета – все это ни более, как случайности не повлияют на ход и развитие коммунистических идей. Наши победы в широком сдвиге в умах народов, в той переоценке всех ценностей, которая сейчас происходит» [10]. По словам М.К. Ветошкина, «Советская власть вынуждена была во время навязанной ей гражданской войны применять и жестокие меры к врагам…» [11].

Ориентация на читателя, соотношение с потребностями исторического момента также прослеживается в газете. Например, редакция поместила текст «Интернационала»: «После митингов устраиваемых политическим отделением часто бывают предложения спеть интернационал. Но к сожалению солдаты красной армии и даже советские служащие не знают слов. В виду этого редакция помещает слова интернационала с просьбой обязательно выучить…» [12].

С помощью газеты «В зырянском краю» до населения доводились приказы, отражавшие тяжёлое положение страны в период гражданской войны. «*Приказом Начальника гарнизона г. В.-Устюга от 29 марта на территории всей Северо-Двинской губ. во всей строгости вводятся законы военного времени.* Воспрещаются: Всякие собрания, митинги, хождения по улицам группами; частные разговоры по телефону; движение по улицам города пешее и конное после 24 ч., по служебным делам разрешается только с пропусками; увеселительные места закрываются сообразно с этим; групповые собрания разрешаются только с разрешения начальника гарнизона» [13].

Публиковались в газете «В зырянском краю» и протоколы заседаний Революционного военного трибунала, в которых фиксировались время проведения, присутствующие, проступки и наказания красноармейцев. Например, № 7 от 18.04.1919 в рубрике «местная жизнь» был опубликован протокол заседания Реввоентрибунала VI армии при штабе Пинего-Печорского края от 02.04.1919. На заседании присутствовали председатель трибунала Варганов, члены Чижов и Аранштам. Слушали «1) Дело о красноармейцах Иосифе Дымове, Тихоне Старцеве, Михаиле Каневе, Иване Селькове, Константине Красильникове, Николае Седъюрове, Егоре Микулине, Ермолае Дымове, Андрее Безносове, Александре Носкове, Андрее Сажине, Стефане Раевском и Федоре Семенчике, обвиняемых в самовольной отлучке. Подвергнуть Дымова, Старцева, Канева, Селькова, Красильникова, Седъюрова, Микулина, Дымова, Безносова, Носкова, Сажина, Раевского, Семенчика, штрафу в размере тройной суммы суточного оклада за каждый день отлучки и неочередными нарядами в продолжении 7 дней, деньги нести в фонд семейств красноармейцев павших в боях» [14], а также были рассмотрены другие дела.

Редакция газеты «В зырянском краю» предлагала свои варианты выхода региона из сложного экономического положения, например, в № 3 за 1919 г. предлагалось использовать некогда частный кожевенный завод: «Корткероссе есть кожевенный завод, могущий выпускать около 7 000 кож в год. Завод ранее принадлежал одному лицу. Закрыт по распоряжению из уезда. Мы думаем, что уездный совнархоз должен принять немедленные меры для того, чтобы завод работал под его руководством. Если нет сырых кож то их надо достать из другого района где заводов кожевенных не имеется» [15].

Ситуация с продовольствием в период гражданской войны также наглядно проявлялась на страницах газеты «В зырянском краю». Например, в № 4 1919 г. сообщалось, что из-за недостатка перевозочных средств продовольствие не доставлялось до потребителя: «На железнодорожных станциях имеется около 14 000 пудов хлебных грузов остановившихся из за недостатка перевозочных средств. Сахару 1143 пуда также невозможно доставить до навигации» [16]. Вероятно, именно продовольственные проблемы привели к суициду комиссара продовольствия, о чём также было сказано в газете: «… в пятницу 25 апреля в 6 часов вечера застрелился комиссар продовольствия тов. Ладанов» [17]. До сведения населения доводилось, что в Уездный продовольственный комитет доставлены некоторые продукты питания и предметы быта: «Упродкомом получены разного рода кожевенные материалы, спички, сахар, монпасье, папиросы и горчица. Все что получено и будет в ближайшем будущем распределено между населением» [18].

В газете отражался процесс мобилизации населения в период гражданской войны (служить должны были в качестве не только военных, но и медицинских работников). В официальном отделе издания можно было ознакомиться с приказом Усть-Сысольского Уездного Военного Комиссариата от 17.04.1919 за № 137. В нём говорилось, что «в исполнение Декрета Совета Народных Комиссаров, переданного телеграммой Ярославского Ревоенкома 13 апреля 1919 г. № 4660 и приказа Северо-Двинского Губернского Военного Комиссариата от 15.04.1919 № 44, Устьсысольский Уездный Комиссариат приказал: Призвать на действительную военную службу постоянно и временно проживающих в Устьсысольском уезде: а) МЕДИЦИНСКИХ ВРАЧЕЙ, родившихся в 1868, 1870, 1871 и 1872 гг. б) ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПОМОЩНИКОВ (фельдшеров), родившихся в 1875, 1876 и 1877 г.» [19].

Сообщало издание и о проблемах с пленными и беженцами на территории Коми края в период гражданской войны: «За время существования отдела приехало пленных 2 237 ч., беженцев зарегистрировано 8 семейств.

В настоящее время при отделе находятся пленные занятых местностей Печерского края 43 человека. Положение пленных критическое, кредит на содержание отдела еще не получен, задолженность отдела доходит до 140 000 рублей» [20].

Во многих номерах газеты «В зырянском краю» был раздел «Местная жизнь», где печаталась информация разного рода. В первую очередь – о прошедших мероприятиях, в основном о проведённых митингах и спектаклях: «В четверг состоялся в коммунистическом клубе митинг, устроенный политическим отделением пинего-печерского края. Тема митинга “текущий политический момент” была освещена тремя сотрудниками политотделения» [21]; «на 4 съезде Советов постановлено образовать две новых самостоятельных волости: 1) Изваильскую – из деревень лежащих вблизи Изваиля и 2) из сел – Додзь, Визябож, Осел и Сейты одну волость по соглашению с населением» [22]; «30 марта местным культурно-просветительским кружком был дан 1 спектакль. Небывалое зрелище привлекло массу зрителей. Население очень сочувственно отнеслось к спектаклю и пожелало чаще видеть местных артистов на сцене» [23]; «в Палаузе был открыт народный дом, при нем функционирует библиотека-читальня. Местным культурно-просветительским кружком ставятся спектакли и устраиваются митинги, лекции и чтения с демонстрацией световых картин» [24].

Особое место в газете «В зырянском краю» занимают материалы о самом издании. Помимо приглашений для работы в газете («… требуется опытный и знающий свое дело корректор…» [25]), редакция стремилась вести диалог с читателями, предлагала им активно участвовать в жизни газеты, в издании материалов, задавать интересующие вопросы, присылать информацию о происходящем, особенно связанную с деятельностью партии: «Товарищи крестьяне и рабочие, пишите в нашу газету о всем, что происходит у вас в деревнях. Спрашивайте газету по вопросам о земле, о лесном хозяйстве, о рыболовстве и об организации различных трудовых артелей. Наша пролетарская газета – является вашей собственной… Особенно редакция просит осведомлять газету о всем, что происходит в Печорском крае – все партийные и Советские организации. Также и заведующие отделами в уездном Исполкоме должны давать сводки о своей работе в редакцию… Будем верить, что на наш призыв многие откликнуться и газета действительно будет органом отражающим революцию во всех областях в данной местности» [26].

Помимо этого в газете «В зырянском краю» печатались объявления, которые затрагивали как все категории населения Усть-Сысольска, так и отдельные их группы. В них содержалась информация из разных сфер жизнедеятельности, объединённая необходимостью обязательного исполне-

ния: «… в недельный срок Отдел Нар. Образ. при Городском Совете просит всех граждан, имеющих какие либо книги и библиотеки представить книги и каталоги книг. Виновные в неисполнении будут привлечены к ответственности» [27]; «всем беженцам проживающим в Устьсысольском уезде полагается в двухнедельный срок зарегистрироваться в пленбеж. Набережная улица дом № 2» [28]; «всем учреждениям а также гражданам имевшим обвинительные материалы по делу быв. Председателя конфискационной комиссии Якова Павловича Потапова и по делу бывшего Председателя Ибского Комбеда Трофима Сергеевича Колегова предлагается доставить не позже 17 апр. с.г. Советская улица № 36. Комиссия Р.К.П. (бол.)» [29]; «в ВОСКРЕСЕНЬЕ 4-го мая в 12 часов в помещении правления Союза кооперативов (Советская, дом Оплеснина) назначаются торги на отдачу подряда по перевозке грузов союза с пристаней в склады. Лица заинтересованные приглашаются участвовать… Союз Кооперативов скупает неиспорченные катушки из под ниток по 10 коп. за штуку. Прием катушек производится в лавке общества потребителей» [30]; «сегодня в воскресенье в клубе в 5 часов вечера состоится лекция Чумбарова-Лучинского на тему: “строительство воспитательного значения”. Просьба не опаздывать» [31].

В газете публиковалась и информация об утере документов: «… утерян партийный билет № 103 считать не действительным» [32]; «утерян партийный билет № 21 Котлаской организации на имя А. Дорогова. Просят считать не действительным» [33]; «утеряно удостоверение о негодности к военной службе выданное Уездным Военкомом от 5 февраля на имя П.В. Тенютюкова. Просят считать не действительным» [34].

Помимо информации о деятельности коммунистической партии, борьбе Красной армии, роли коммунизма в мире на страницах газеты «В зырянском краю» говорилось о проблемах приезжающих в Коми край коммунистов. Стоит отметить заметку, в которой сообщается о том, что жители Усть-Сысольска недоброжелательно приняли приезжих коммунистов, между ними произошёл конфликт: «Эту фразу, к глубокому прискорбию я слышал уже два раза, и где-же слышал? Стыдно сказать, но совесть коммунара (не такого) велит мне сказать, что эта фраза имела место на первом с приезда “не таких коммунистов” партийном собрании Городской Устьсысольской организации Р.К.П. “Не такие Коммунисты” приехавшие в Богоспасаемый Устьсысольск как истинные коммунары подчеркиваю энергично принялись за плодотворную творческую работу… Но на первом объединенном собрании получили отпор скрепленный фразой “Не такие Коммунисты, Вы штабные” “а мы, дескать, Коммунисты-Мещане”… “Не такие Коммунисты” принялись за работу не покладая рук, устраивали митинги, собрания, дискуссии – приступили к организации Партийной школы, Клуба,

библиотеки, театра и др., думая, что к будущему собранию глупое недоразумение в конец развеется. Но не так-то вышло. Собрались и еще больше разругались…» [35]. Данная полемика на страницах газеты: «В зырянском краю», видимо, была негативно воспринята руководством, в результате в газете появилось опровержение: «В ответ на статью Гридасова “Не такие коммунисты” поступило разъяснение от некоторых товарищей… Редакция со своей стороны считает недоразумение выясненным и больше полемики на страницах газеты допускаться не будет…» [36].

Таким образом, газета «В зырянском краю», созданная в 1919 г. директивой командования штабом Пинего-Печорского края Северного фронта, отражала состояние Коми края в период гражданской войны.

* * *

1. О специфике гражданской войны в Зауралье см., напр.: *Рощевский П.И.* Гражданская война в Зауралье. – Свердловск, 1966.

2. История Коми с древнейших времён до конца XX века. – Сыктывкар, 2004. – Т.2. – С.249.

3. Эпоха на кончике пера / сост. В.И. Туркин, Е.П. Кокшаров. – Сыктывкар, 2008. – С.12.

4. *Королева Е.Г., Попов А.А.* Гражданская война в Коми крае. – Сыктывкар, 1957. – С.196.

5. *Аксенов А.Н., Потолицын А.И.* Победа советской власти на Севере. 1917–1920. – Архангельск, 1957. – С.100.

6. *Аксенов А.Н., Потолицын А.И.* Указ. соч. – С.101.

7. В зырянском краю. – 1919. – № 2. – 12 апр. – С.1.

8. В зырянском краю. – 1919. – № 3. – 13 апр. – С.2.

9. В зырянском краю. – 1919. – № 5. – 16 апр. – С.1–2.

10. В зырянском краю. – 1919. – № 11. – 26 апр. – С.2.

11. *Ветошкин М.К.* Становление власти Советов на севере РСФСР. – М., 1957. – С.44.

12. В зырянском краю. – 1919. – № 4. – 15 апр. – С.1.

13. В зырянском краю. – 1919. – № 3. – 13 апр. – С.2.

14. В зырянском краю. – 1919. – № 7. – 18 апр. – С.2.

15. В зырянском краю. – 1919. – № 3. – 13 апр. – С.2.

16. В зырянском краю. – 1919. – № 4. – 15 апр. – С.2.

17. В зырянском краю. – 1919. – № 11. – 26 апр. – С.2.

18. В зырянском краю. – 1919. – № 4. – 15 апр. – С.2.

19. В зырянском краю. – 1919. – № 8. – 20 апр. – С.2.

20. В зырянском краю. – 1919. – № 10. – 25 апр. – С.2.

21. В зырянском краю. – 1919. – № 2. – 12 апр. – С.2.
22. В зырянском краю. – 1919. – № 3. – 13 апр. – С.2.
23. В зырянском краю. – 1919. – № 5. – 16 апр. – С.2.
24. В зырянском краю. – 1919. – № 19. – 11 мая. – С.2.
25. В зырянском краю. – 1919. – № 2. – 12 апр. – С.2.
26. В зырянском краю. – 1919. – № 2. – 12 апр. – С.2.
27. В зырянском краю. – 1919. – № 2. – 12 апр. – С.2.
28. В зырянском краю. – 1919. – № 2. – 12 апр. – С.2.
29. В зырянском краю. – 1919. – № 5. – 16 апр. – С.2.
30. В зырянском краю. – 1919. – № 10. – 25 апр. – С.2.
31. В зырянском краю. – 1919. – № 29. – 25 мая. – С.2.
32. В зырянском краю. – 1919. – № 2. – 12 апр. – С.2.
33. В зырянском краю. – 1919. – № 29. – 25 мая. – С.2.
34. В зырянском краю. – 1919. – № 29. – 25 мая. – С.2.
35. В зырянском краю. – 1919. – № 5. – 16 апр. – С.1.
36. В зырянском краю. – 1919. – № 10. – 25 апр. – С.2.

УДК 93:81’272(470.22+470.13)

А.А. Попов,
д-р ист. наук, проф.
учёный секретарь
по международному
научному сотрудничеству
и координации Института
языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН
П. Кауппала,
д-р философии, доцент
университета Хельсинки
(Финляндия)

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАРЕЛИИ И КОМИ В УСЛОВИЯХ НЭПа: КАРЕЛИЗАЦИЯ/ФИНИЗАЦИЯ И ЗЫРЯНИЗАЦИЯ*

Период НЭПа (1920-е гг.) характеризуется значительным прогрессом советской национальной политики, принципиально новой по сравнению с дореволюционным временем. Одним из главных её направлений стало языковое строительство. Финно-угорские автономии Коми и Карелия не являлись исключением. Новая национальная политика на Европейском Севере России состояла в эмансипации этнических меньшинств. С одной стороны, это должно было предотвратить их языковую ассимиляцию, с другой – явиться эффективным средством проведения в жизнь установок советской власти. Предполагалось создать крупные литературные языки для меньшинств. В Карелии выбрали в качестве литературного языка финский, который был очень близок большинству карел. В Коми пошли по пути создания единого литературного коми языка. Таким образом, непосредственные цели языковой политики, так же как в целом национальной политики, были вполне реализованы во время НЭПа. Наиболее успешно были осуществлены задачи языковой эмансипации в Коми автономии благодаря её более сильной национальной интеллигенции. В более широком социальном контексте задачи национального развития получили разрешение в Карелии за счёт её более широкой экспериментальной автономии.

© Попов А.А., Кауппала П., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-19 «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)»).

НЭП в Карелии и языковая политика.

Период с 1923 по 1929 г. стал временем стабильности, быстрого экономического роста и культурного развития Карелии [1]. Все эти явления были тесно взаимосвязаны, поскольку без экономического роста культурная жизнь, даже обладавшая преимуществами, предоставляемыми автономным статусом, не имела бы столь ярко выраженного развития; в свою очередь экономический рост был бы невозможен без внутренней стабильности. Это ярко проявляется при сравнении с большинством других автономий СССР периода НЭПа, которые, хотя и обладали широкими новыми национальными правами (официальный статус языков, преимущественное финансирование национальных культур и т.д.), не вполне могли их реализовать из-за недостаточной экономической базы, а в ряде случаев, как это было на Кавказе и в Средней Азии, ещё и из-за отсутствия внутренней стабильности. В этом смысле Карелия представляется неким парадным фасадом национальной политики СССР.

Особо следует отметить, что общий рост экономики был сбалансирован, т.е. происходил не за счёт неразвитых сельских районов и окраин. Это обстоятельство играло важную роль в реальном решении национального вопроса, потому что подавляющее большинство карел проживало именно в периферийных сельскохозяйственных районах. Особые бюджетные права региона позволили инвестировать в культуру и образование 12% всех бюджетных расходов, что было в 2 раза выше, чем в среднем по СССР. Финские коммунисты-эмигранты («красные» финны) в руководстве Карельской автономии во главе с председателем Совнаркома Эдвардом Гюллингом пользовались прямой поддержкой В.И. Ленина в реализации особой модели региональной экономической самостоятельности. Даже в весьма критической работе того времени, изданной в Финляндии, признавалось, что в период с 1923/24 до 1928/29 г. доля промышленности в валовом продукте края выросла с 7 до 62% [2]. Эти промышленные достижения происходили на фоне восстановления сельского хозяйства, которое в этот период достигло уровня 1913 года. Карелия являлась субъектом внешнеторговой деятельности [3].

Дополнительные финансовые вливания сделали возможными быстрое расширение школьной сети и массовое издание литературы как на русском, так и на финском языках. В 1923–1932 гг. было издано 768 книг и выходило 18 периодических изданий. Это был лучший показатель в СССР. В дореволюционный период преподавание во всех школах шло на русском языке [4]. В Беломорской Карелии при Эдварде Гюллинге все школы и большинство официальной документации были переведены на финский язык. Для этого района переход на финский язык имел исключительно позитивное значение, т.к. карельский язык здесь являлся по сути диалектом

финского, а русским население владело слабо. В большинстве других карельских районов до 1929 г. школам предоставлялась возможность выбирать между двумя языками образования – русским и финским. Примечательно, что преподавание на карельских диалектах не было запрещено, однако их развитие в письменные литературные языки не получило поддержки властей. За пределами финизации остались вепсские районы Карелии и районы проживания тверских карел в Тверской области. Во время НЭПа в них был начат процесс формирования вепсского и карельского литературных языков, но в школах преподавание в основном продолжало вестись по-русски.

Олонецкий вопрос.

В Южной Карелии в большинстве случаев выбирали русский язык, поскольку здесь по сравнению с Беломорской Карелией карельские диалекты значительно отличались от финского литературного языка и степень владения русским была выше. Вопрос о выборе языка для Олонецкой Карелии остаётся дискуссионным. Не исключено, что успех национальной политики здесь мог бы быть более значительным, если бы на основе местного наречия был создан литературный язык [5]. Однако руководители Карелии из числа «красных» финнов единодушно выступали против создания литературного карельского языка на какой бы то ни было основе. По их мнению, олонецкие школьники за 2–3 месяца могли привыкнуть к финскому языку, а в Беломорской Карелии на это потребовался бы только месяц. В какой-то степени они были правы, т.к. многие европейские литературные языки поглотили и растворили в себе диалекты, которые в других условиях могли бы стать основой самостоятельных языков. Создание собственного литературного языка для 50 тыс. олонецких карел могло оказаться достаточно проблематичным, т.к. круг его пользователей был весьма ограниченным. Финские руководители не проявляли к олонецкому наречию достаточной заинтересованности. Причина скорее всего носила политический характер – все планы реалиста Гюллинга были продиктованы желанием сблизить Карелию и Финляндию и создать предпосылки для их будущего сотрудничества. Поэтому он любой ценой стремился создать единое языковое пространство в регионе. Хотя Гюллинг и высказывался часто о грядущей революции в Финляндии, эти утверждения были продиктованы скорее необходимостью обосновать адресованные в Москву просьбы о поддержке Карелии, чем его реальными надеждами, которые основывались на анализе ситуации*.

* Эти высказывания Гюллинга (напр., в: V. Yleiskarjalaisten Neuvostojen Edustajakokousten Pöytäkirja-Petroskoi. – 1924. – P.17–18) могут быть поняты поразному, в том числе в них допускается мысль о мирном сотрудничестве Каре-

В царской России никогда не было специального позитивного интереса к национальному становлению карел. Тем более в штыки воспринимались попытки финнов и части беломорских карел включить их как компоненту при формировании финской нации. Наоборот, в начале XX в. властью был создан этнокультурный миф, в соответствии с которым карелы ближе к русским, чем финнам, и в перспективе должны слиться с русской нацией [6]. В сравнении с этим концепция советской национальной политики в Карелии, сформированная в 1920-е гг., была действительно революционной. Руководство советской Карелии при полной поддержке Ленина и (во всяком случае, в начале 1920-х гг.) руководства страны в целом расценивало карел как часть финской нации, которую отделяет от другой её части только политическая граница (между «белыми» и «красными»). Национальная политика в Карелии была ориентирована на эту модель, и там, где эта концепция более всего соответствовала истине (а именно в Беломорской Карелии), эта политика имела полный успех. Здесь в официальной сфере русский язык был практически целиком заменён классическим литературным финским языком без всякой его адаптации. Там же, где предпосылки были более сложными и неоднозначными (в южных областях Карелии), процесс смены русского языка финским проходил значительно медленнее, хотя и достаточно интенсивно. В этом смысле в 1920–1935 гг. национальные процессы, происходившие в Карелии, никак нельзя назвать процессом формирования карельской нации. Напротив, советскую государственную политику в этот период можно назвать созидателем объединённой финской нации, хотя на практике это национальное формирование оставалось разделённым на 2 части политической границей. Руководство Советского Союза, – как, впрочем, и Финляндии, – не было заинтересовано в том, чтобы эта граница стала более прозрачной. Политика в обоих государствах была больше ориентирована на сохранение противостояния, с надеждой на поражение противника в отдалённом будущем. Однако руководство советской Карелии по мере своих возможностей прикладывало усилия к «смягчению» границы, хотя достичь значительных успехов на этом поприще ему было не по силам.

НЭП в Коми и языковая политика.

Коми язык относится к числу старописьменных с небольшой дореволюционной литературой. Литературный язык частично оформился

лии и Финляндии. Эти высказывания Гюллинга дали основание современным историкам говорить о стремлении его и вообще «красных» финнов включить Карелию в состав будущей «Великой красной Финляндии», что действительно имело место, но уже после того, как большинство «красных» финнов было репрессировано в 1940 г. в ходе Зимней войны.

ещё до революции. Коми имели свою письменность с XIV в., однако впоследствии она была утрачена. В результате к началу XX в. общественные функции коми языка оставались крайне неразвитыми: отсутствовали школы, печать на коми языке и т.д.

С созданием в 1921 г. национально-территориальной автономии коми народа начинает формироваться постоянно действующий механизм в сфере языковой политики. Основной его задачей было проведение в жизнь требований «Декларации прав народов России» (ноябрь 1917 г.), в том числе о всемерном развитии функций национальных языков. Одновременно активно шли процессы языкового строительства, формирования основ единого литературного языка. Начало им было положено разработкой и принятием в 1918 г. алфавита В.А. Молодцова и определением в качестве диалектной основы литературного языка приустьсысольского (присыктывкарского) говора.

Несмотря на в целом благоприятные для развития края условия, в период НЭПа экономика Коми автономии не была столь же эффективной, как в Карелии. Проблемы в транспортной сети, ограничение политической и экономической самостоятельности не позволили в той же мере, как в Карелии, финансировать культурную жизнь и образование. Развитию сельского хозяйства, в частности, препятствовало отсутствие земельной реформы по типу осуществлённой в Карелии. Несмотря на происходившие в стране революционные преобразования, раздел земли почти не подвергался пересмотру, т.к. государственная собственность на лес оставалась в неизменном виде. Тем не менее объективные условия для реализации собственно национально-языковой политики были более благоприятными по сравнению с Карелией. Речь идёт об этнодемографической и этнолингвистической ситуациях. По переписи 1926 г. более 90% населения по национальности были коми, тогда как в Карелии – лишь около 50%.

В этот период под национально-языковую политику была подведена нормативная база в виде ряда специальных решений высших государственных органов. Большую роль сыграл декрет ВЦИК «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки» от 14.04.1924. В нём, в частности, отмечалось: «В целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки» [7].

В ноябре 1923 г. бюро Коми обкома РКП(б) приняло постановление, в котором поручило своей фракции в Облисполкоме (далее – ОИК)

«организовать специальную комиссию при Облисполкоме для подготовки реформы зырянизации». Комиссия по зырянизации советского аппарата была создана 24 ноября 1923 года. Состоявшийся в декабре 1923 г. III областной съезд Советов рассмотрел вопрос о зырянизации, возложив практическое разрешение всех вопросов «на специально образованную при ОИК Комиссию», работа которой «должна протекать под непосредственным наблюдением президиума Облисполкома». В резолюции V областной партконференции (апрель 1924 г.) по докладу о национальном вопросе отмечалось, что «шагом вперед на пути привлечения трудящихся коми к активному сознательному участию в советско-партийном строительстве нужно считать начатую работу по зырянизации советско-партийного аппарата». Уровень полномочий комиссии был конкретизирован решением президиума ОИК от 17.03.1924: «Всем облучреждениям неуклонно и точно выполнять все постановления Комиссии о зырянизации» [8]. В своей работе Комиссия опиралась на широкую общественность. Этому способствовало введение в 1924 г. института уполномоченных. Уполномоченные по зырянизации избирались в учреждениях и осуществляли их постоянную связь с Комиссией, отвечали за оргработу на местах. Работа Комиссии финансировалась и контролировалась Облисполкомом. Были организованы также уездные комиссии, работа которых строилась по аналогии с областной.

Опираясь на решения центральных органов власти, Комиссия разработала вопрос о статусе коми и русского языков в Коми АО в контексте политики зырянизации. В октябре 1924 г. IV областной съезд Советов принял решение о том, что «в пределах Коми автономной области государственными языками считать коми и русский языки» [9]. Исходя из этого принципиального положения, Комиссия разработала и издала «Инструкцию по введению коми языка в государственные и общественные учреждения, предприятия и организации автономной области Коми» [10]. В ней указывалось, что на коми языке должна вестись делопроизводственная работа, по приёму граждан и т.д. во всех государственных учреждениях. При этом оговаривалось, что «в русских волостях делопроизводство в волостных и сельских учреждениях ведется на русском языке». Указывалось также, что «переписка всех учреждений и организаций области с внеобластными учреждениями ведется на общем государственном, то есть русском языке». Таким образом, была заложена нормативная основа, которая обеспечивала функционирование как коми, так и русского языка.

Тем не менее процессы языкового строительства, а следовательно, и языковой политики также сопровождались острыми дискуссиями. Например, в середине 1920-х гг. – по вопросу латинизации коми письменности. Инициатор латинизации алфавита основатель Общества изучения

Коми края профессор А.Н. Грен приводил следующие аргументы [11]. Финно-угорские народы «представят когда-либо одну из важнейших советских федераций в общей схеме: восточно-европейских, скажем, Советских Республик...». «Кроме того, раз мир идет к мировому коммунизму, подобно международному языку должен быть создан и международный алфавит, а таким может быть лишь исключительно латинский». Латинский алфавит как «общефинское средство необходим для того, чтобы высококультурные сородичи зырян, финны и венгры, лучше познакомились с ними и чтобы таким образом получила толчок к успеху та коммунистическая пропаганда в Финляндии, Эстонии и Венгрии, которая ведется там сравнительно слабо... когда падет и в этих странах капиталистический строй.., тогда может создаться общая угро-финская литература и такие культурные сородичи, как финны с их Ленротом, Киви и др. станут родными и зырянам, и вотякам, и даже черемисам и мордве» [12]. Дискуссия была лишена лингвистического содержания, она находилась в русле популярной в те годы идеологической концепции о «скорой мировой революции». Решающую роль сыграло мнение учителей коми национальной школы, становление которой шло одновременно с формированием основ единого коми литературного языка. По существу национальная школа являлась составной частью этого процесса, и все проблемы в области языкового строительства находили своё отражение в её деятельности. На 2-ом Всекоми съезде работников просвещения в сентябре 1925 г. решение было в пользу Молодцовского алфавита, на котором были достигнуты уже существенные успехи в национально-культурном строительстве [13].

На рубеже 1920–1930-х гг., когда идея латинизации коми письменности стала доминирующей, идеологическая целесообразность уже не бралась в расчёт. Решающую роль в переводе коми письменности на латинскую основу сыграл крупный к тому времени авторитет в советском финно-угроведении коми лингвист В.И. Лыткин. Убеждённым сторонником латинизации он стал после научной командировки в 1925–1927 гг. в Финляндию, Германию и Венгрию. На совещании в Москве в марте 1936 г. по итогам латинизации коми письменности при угро-финском секторе Центрального комитета нового алфавита лингвист Г.А. Нечаев прямо указал на роль в этом процессе В.И. Лыткина: «В частности, необходимо здесь указать на роль Лыткина. Лыткин, как известно, имел научную командировку в Финляндию... Когда он приехал оттуда, он прежде всего поставил вопрос о латинизации алфавита» [14]. Несомненно, что он также был в курсе реализуемой в Карелии национально-языковой политики на основе латинизации-финизации. Справедливости ради необходимо указать, что ре-

форма латинизации алфавитов была осуществлена в 1930-е гг. в масштабах всей страны*.

К вопросам языкового строительства тесно примыкает проблема создания национальной школы на Ижме и Удоре. В 1920-е гг. этот процесс сопровождался здесь постоянными дискуссиями, а нередко и конфликтами между областными органами народного образования (Усть-Сысольск) и этих районов, известных своими диалектными особенностями. В Ижмо-Печорском уезде возражения были как против опорного диалекта (приусть-сысольского), так и против Молодцовской системы графики коми языка. Здесь уездной комиссией по зырянизации было принято решение, которое поддержали местные партийные и советские органы, о так называемой «ижемизации» – зырянизации на ижемском диалекте с переводом письменности на русскую систему графики. Дискуссии по этому поводу проходили на общих сходах населения, партийных собраниях, среди учительства. На 2-ом Всекоми съезде работников просвещения в 1925 г. было принято решение: «Тенденцию у некоторых районов (Ижма) иметь свой шрифт (алфавит. – *Авт.*) следует признать ненормальным явлением, особенно в первоначальный период развития коми литературы» [15]. Подобного рода конфликтные ситуации в языковой жизни на междиалектной почве были неизбежны в период складывания основ единого литературного языка для коми.

К концу 1920-х гг. в Коми АО была создана национальная школа, печать, развивался литературный процесс на коми языке, получили развитие общественные функции коми языка в местном делопроизводстве и судопроизводстве.

---

* Всего за одно десятилетие в Коми была осуществлена троекратная смена алфавита: в начале 1930-х гг. Молодцовского на латинизированный и обратный перевод в середине 1930-х гг., а в конце десятилетия на русскую графическую основу. В Карелии в конце 1930-х гг. отказались от латинской основы с одновременной попыткой создания письменности для карельского языка с русским алфавитом. Она не увенчалась успехом. Языковая финизация усилилась с преобразованием Карельской АССР в 1940 г. в Карело-Финскую ССР, а в 1956 г. с возвратом к статусу автономной республики языковая политика как «финизация» была окончательно свёрнута. В отличие от Коми, в Карелии на разных этапах и с разным содержанием национально-языковая политика тем не менее всегда в той или иной степени имела геополитическое «измерение» в контексте взаимоотношений СССР и Финляндии (см.: *Попов А.А.* Культура северной деревни в 60-е–80-е годы (на материалах Архангельской и Вологодской областей, Карельской и Коми АССР): дис. ... д-ра ист. наук. – Сыктывкар, 1996. – С.172–181).

* * *

1. См.: *Kauppala P.* Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regionalexperiments (Diss). – Freiburg, 1992. – URL: http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/6678; *Кауппала П.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии. 1918–1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики // Ab Imperio. – 2002. – № 2; *Кауппала П.* Путь экономического развития советской Карелии 1920-х гг. в сравнении с финским историческим опытом // Актуальные проблемы политико-правового, социально-экономического и культурного развития Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). – Сыктывкар, 1995; Национальная государственность финно-угорских народов Северо-Западной России (1917–1940 годы) / Совместный научно-исследовательский проект: Республики Карелия и Коми, Российская Федерация; Финляндия: сб. статей / отв. ред. А.А. Попов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996.

2. Itä-Karjala. Esitys Itä-Karjalan maasta ja kansasta, sen vapausliikkeen tähänastisista vaiheista, nykyisistä taloudellisista, sivistyksellisistä ja valtiollisista oloista, sekä Karjalan kysymyksestä: Akateeminen Karjala-Seura. – Helsinki, 1934. – S.117.

3. *Йокипии М.* Основные этапы экономического и политического развития Карельской республики // Прибалтийско-финские народы. – Ювяскуля: Атена, 1995. – С.356; Руководитель культурной и языковой политики Советской Украины этого периода Микола Скрыпник отмечал, что успехи Карелии являются уникальным случаем в мировой истории (см.: *Afanasjeva A.* Karjalan alueellisen tulosvastuun kokemuksia 1920-luvulta // Carelia. – 1990. – № 7. – S.77–85).

4. См.: *Илюха О.* Школьная политика и проблемы народного образования в Олонецкой и Архангельской Карелии в 1860–1930 гг. // Финно-угроведение. – 2001. – № 1; *Витухновская М.* Карелы и Карелия в контексте имперской политики России // Финно-угроведение. – 2001. – № 1.

5. *Кауппала П.* Взаимосвязь создания литературных языков в Карелии и советской государственной политики в 1920–1930-е годы // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. Т.II: Филология. Этнология. – Сыктывкар, 1996.

6. *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России. 1905–1917. – СПб., 2006. – С.319–329.

7. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р.-3. Оп.1. Д.27. Л.4.

8. См.: *Попов А.А.* «Зырянизация» (1918–30-е годы) // Проблемы функционирования коми языка в современных условиях: материалы Республиканской науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 1990.

9. НА РК. Ф.Р.-3. Оп.1. Д.92. Л.8.

10. Инструкция по введению коми языка в государственные и общественные учреждения, предприятия и организации автономной области Коми. – Усть-Сысольск, 1924.

11. См.: *Жеребцов И.Л., Попов А.А.* А.Н. Грен и Общество изучения Коми края: материалы к научным конференциям. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. – Вып. 41.

12. *Грен А.* К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удмурт // Коми му. – 1924. – № 3. – С.53.

13. *Попов А.А.* Создание и становление коми национальной школы в первое десятилетие Советской власти // Национальные отношения в Коми ССР: история и современность: труды ИЯЛИ. – Сыктывкар, 1991. – Вып. 52. – С.30.

14. НА РК. Ф.Р.-701. Оп.1. Д.22, Л.45; *Попов А.А.* Коми-финские культурные связи // История Коми с древнейших времён до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т.2. – С.352–354.

15. *Попов А.А.* Создание и становление коми национальной школы... – С.31.

УДК 94:379.82(470.13)“1920”

В.Н. Каракчиев,
мл. научный сотрудник
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

РАБОТА ДРАМКРУЖКОВ В ВОЛОСТЯХ КОМИ АО В 1920-е гг. (по материалам отчётов волисполкомов)*

Отчёты волостных исполнительных комитетов (далее – ВИК, волисполком) являются ценным источником, характеризующим развитие региона в 1920-х годах. В них представлена информация о политическом, социально-экономическом и культурном развитии волостей. Коми АО с 1921 по 1929 г. состояла из 4 уездов (Сысольского, Усть-Куломского, Ижмо-Печорского, Усть-Вымского) и 95 волостей. Органом власти в волости являлся волостной исполнительный комитет.

В отчётах и актах обследования ВИК, а также материалах областной печати и воспоминаниях деятелей искусства содержится информация о культурном развитии волостей. Материалы предоставлены Национальным архивом и Национальной библиотекой Республики Коми. Наряду с функционированием изб-читален, показом кинофильмов, распространением газет и журналов в источниках нашла отражение работа волостных драматических кружков, основной задачей которых была организация постановок спектаклей. Центром культурной работы в волости являлась изба-читальня, где и осуществлялись театрализованные представления.

Идеологическую пропаганду новая власть осуществляла посредством проведения культурных мероприятий. Массовая художественная самодеятельность развернулась в Коми крае после революционных событий 1917 года. Культпросветкружки стали создаваться не только в Усть-Сысольске, но и во многих других населённых пунктах Коми края: в Выльгорте, Корткеросе, Визинге, Пыёлдино, Помоздино, Усть-Выми, Айкино, Объячево и др. В этих кружках, призванных способствовать просвещению местного населения, проводились митинги-спектакли, устраивались читки газетных и журнальных статей, организовывались коми вечера и т.д. [1].

© Каракчиев В.Н., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

В 1918 г. советское правительство обратилось ко всем народностям России с воззванием о создании национальных театров, провозгласив искусство театра «наиболее революционным и актуальным». В ответ на этот призыв в Коми крае широкий размах получило самодеятельное театральное движение. Отметим, что постановка спектаклей осуществлялась любителями театрального искусства и силами местной интеллигенции с привлечением учащихся и молодёжи [2].

Кружки художественной самодеятельности являлись одной из форм раскрытия народных талантов. Наиболее популярными из них были драматические. В 1920 г. в Коми крае работало около 150 таких кружков. Из дер. Палевицы сообщалось: «Кто участвовал на спектакле (речь о постановке местного драмкружка по пьесе И.Т. Чисталёва «Лёк инька» (Злая свекровь), рассказывающей о бесправном положении молодой коми женщины), тот вынес отрадное впечатление, там можно было воочию убедиться в могуществе культурного подъёма деревни…» [3].

«Тяга к театру среди трудящихся огромна. На местах ставятся спектакли, как на русском, так и на коми языке. Большой интерес проявляется к произведениям на коми языке», – сообщалось в докладной Областного политпросвета в 1922 г. [4]. В феврале 1921 г. было создано Коми театральное объединение «Сыкомтевчук» («Сыктывкарса коми театрын ворсысь чукӧр») – первый народный театр под руководством В.А. Савина [5]. На организационном собрании самодеятельных артистов г. Усть-Сысольска в январе 1921 г. В.А. Савин отметил, что театр для коми народа является одним из важнейших средств подъёма культурного уровня и углубления самосознания масс. «Сыкомтевчук» просуществовал вплоть до создания Коми инструктивно-передвижного показательного театра (КИППТ) в 1930 г. [6].

По словам профессора А. Грена, «никто не может отрицать того факта, что театр является местом лучшей пропаганды, а у нас, где вообще, благодаря своеобразности края, она сопряжена с большими трудностями, театр имеет первостепенное значение. Можно прямо сказать, что в деле распространения коммунизма без театральных представлений обойтись невозможно» [7].

Учителями, учащимися и работниками волисполкома Краснобора (Ижмо-Печорский уезд) в течение 1920–1921 гг. было поставлено 14 спектаклей [8]. В годовом отчёте Сысольского уездного исполнительного комитета (далее – УИК) за 1925–1926 гг. отмечено, что в избах-читальнях уезда одним из распространённых кружковых направлений является драматическое [9]. В акте обследования Нювчимского ВИК (Сысольский уезд) в 1925 г. помощник прокурора Колегов отмечал, что в клубе устраиваются спектакли [10]. В волостном драмкружке Слободской волости за 1926–

1927 гг. было поставлено 8 спектаклей [11]. По данным отчёта Ношульского ВИК, за 1926–1927 гг. устроено 11 спектаклей (5 платных, 6 бесплатных). До показа спектаклей перед местным населением было озвучено 8 докладов [12].

В докладе члена УИК И.Ф. Ячменева о поездке на Удору (в Чупровскую, Важгортскую, Ёртомскую волости) для инспектирования, инструктирования и обследования ВИК в мае 1925 г. указывалось, что в волостях ставятся спектакли, в каждом по 1–2 раза в год [13]. В ревизионном обследовании Часовского ВИК (Усть-Вымский уезд) за март 1925 г. отмечалось, что с открытием народного дома посещаемость населением, считая дни спектаклей, доходила до 35 человек. Замечено, что во время спектаклей не соблюдалось тишины и спокойствия [14]. В отчётном докладе о деятельности Коквицкого ВИК (Усть-Вымский уезд) с 1 сентября 1924 по 25 февраля 1925 г. указано, что в избе-читальне поставлен 21 спектакль, 6 из них – бесплатно [15]. В отчёте ВИК Троицко-Печорска (Усть-Куломский уезд) за 1926–1927 гг. отмечено, что волостной драмкружок поставил 19 спектаклей [16]. В отчёте Ижмо-Печорского Уполитпросвета на 1 июня 1926 г. зафиксировано, что драмкружки имелись почти во всех избах-читальнях уезда [17]. В архивных материалах сохранились названия спектаклей, ставившихся в волостях Ижмо-Печорского уезда (см. *табл.*). Усть-Ухтинской избой-читальней за август-октябрь 1925 г. было поставлено 3 спектакля, в том числе «Петькин сон» [18]. В годовом отчёте Усть-Ухтинского ВИК за 1927–1928 гг. указано, что в волости поставлено 16 спектаклей, устроено 2 коми вечера и 1 бал-маскарад [19]. По данным отчёта Усть-Лыжинского ВИК, за 1926 г. поставлен 1 спектакль. В волости имелся драматический кружок, состоявший из 17 членов. Для сравнения: в юридическом кружке состояло 16 человек, с/х – 11, естественных наук – 19 [20]. В Выльгорте спектакли устраивались в большом зале, который мог вместить до 150 зрителей. Зафиксированы случаи, когда во время спектакля в зрительном зале случались драки [21]. В 1926 г. показ спектакля перед октябрьскими праздниками в с. Кобра был отложен из-за председателя ВИК Турубанова, который явился на театрализованное представление в состоянии алкогольного опьянения. Он заявил публике: «Я – местная власть, что захочу, то и сделаю…» [22].

Для многих деятелей культуры и искусства Республики Коми волостные драматические кружки стали первым шагом в профессиональной деятельности. Лауреат Сталинской премии, заслуженный артист РСФСР и народный артист Коми АССР Н.М. Дьяконов (1911–1982), уроженец с. Усть-Вымь, вспоминал: «В селе начали поговаривать о пионерском отряде. Сначала я сторонился ребят, но однажды они соблазнили меня сы-

Таблица

Список спектаклей, поставленных в волостях Ижмо-Печорского уезда (середина 1920-х гг.).

	Наименование изб-читален	Кол-во пьес	Наименование пьес
1	Кедвавомская	5	«Подвых», «Суд над помещиком», «Тыдöм морт», «Тёплая компания», «Бой-баба»
2	Ухтинская	2	«Бурящий в аду», «Социалист»
3	Ластинская	2	«Великая сила», «На большой дороге»
4	Щельяюрская	1	«Накануне»
5	Няшабож	1	«Литературный вечер»
6	Усть-Лыжинская	1	«Социалист»
7	Мохченская	1	«Тундраса» (на зырянском языке)
8	Сизябская	6	
9	Усть-Усинская	6	

Источник: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.Р-8. Оп.1. Д.200. Л.478.

грать в каком-то антирелигиозном спектакле. Сыграл я там чёрта и, кажется, “роль” получилась. После смерти отца я все чаще захаживал в клуб. Там был свой драмкружок, а иногда давали представления приезжавшие из города бригады. В 1929 г. меня выдвинули заведующим сельским клубом. В драматическом кружке я стал играть уже большие роли» [23]. Заслуженный артист Коми АССР В.Д. Леканов рассказывал: «Родился и вырос в с. Объячево. С десяти лет я начал участвовать в спектаклях сельского драмкружка. В 1930 г. к нам в село приехал передвижной театр из Сыктывкара. Мне удалось попасть на спектакль. Мне показалось, что я заглянул в какой-то новый, неведомый мне доселе мир. Этот спектакль произвёл целый переворот в моём сознании…» [24]. По словам Макарова, одного из основателей драмкружка с. Серёгово, «спектакли и хоровые концерты проводили в школе, сцены не было, костюмов, париков тоже, делали все сами…» Наибольшим препятствием в работе драмкружков было отсутствие освещения. Постановка спектаклей носила в основном благотворительный характер [25].

Отметим: художественная самодеятельность в волостях в 1920-е гг. испытывала серьёзные трудности. Прежде всего, это проявлялось в нехватке кадров в культурной сфере, отсутствии театрального оборудования и минимальных условий для большинства сценических площадок. Тем не менее спектакли пользовались большой популярностью среди населения [26].

Средства, собранные от спектаклей, а также от концертов, митингов, собраний, субботников, использовались для оказания помощи нуждающимся. Помощь оказывалась коми студенчеству, военнослужащим Красной Армии. С 1 по 7 октября 1921 г. по всей территории Коми АО была объявлена неделя помощи голодающим Поволжья [27].

До 1930 г. профессионального национального театра не было. Во второй половине 1920-х гг. продолжалась практика приглашения театральных коллективов для работы в Коми области. В сентябре 1930 г. были проведены месячные курсы по подготовке работников художественной самодеятельности. Прошедшие курсы 12 человек и составили первую коми труппу. Так возник коми театр. Основной задачей театра являлась организация широких масс трудящихся Коми области на проведение важнейших политических и хозяйственных кампаний, мобилизация рабочих, колхозников и лесорубов на выполнение планов социалистического строительства [28].

Таким образом, в отчётах волисполкомов представлена информация о культурной работе в волостях, включая деятельность драмкружков по постановке спектаклей. На первоначальном этапе для организации качественной работы не хватало художественных руководителей, сценического оборудования и костюмов, освещения помещений. Тематика спектаклей 1920-х гг. была связана с угнетением царским режимом местного населения, революционными событиями, строительством новой жизни. По данным годовых отчетов волисполкомов, в некоторых волостях за год ставились более десятка спектаклей. Их популярность среди населения ежегодно увеличивалась, особенно благодаря коми театральному объединению «Сыкомтевчук», гастролировавшему по волостям региона. Средства, собранные от показа спектаклей, отправлялись голодающим областям, солдатам Красной армии, коми студенчеству. Благодаря работе волостных драмкружков был внесён немаловажный вклад в культурное развитие населения и становление профессионального театра Коми АССР.

* * *

1. Энциклопедия Республики Коми. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1997. – Т.1. – С.187, 190.

2. *Козлова Д.Т.* История театральной и музыкальной культуры Республики Коми. XX век. – Сыктывкар, 2007. – С.15.

3. *Безносиков Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. – М.: Наука, 1968. – С.92.

4. *Козлова Д.Т.* Указ. соч. – С.16.

5. Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937: сб. документов. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1979. – С.8.

6. Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937... – С.71.

7. См.: *Митюшева Н.А.* Коми театр. Свет минувшего. Очерки, статьи и документы о любителях и мастерах коми сцены. – Сыктывкар, 2013. – С.6.

8. *Безносиков Я.Н.* Указ. соч. – С.92.

9. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р-3. Оп.1. Д.979. Л.138.

10. НА РК. Ф.Р-3. Оп.1. Д.998. Л.52.

11. НА РК. Ф.Р-9. Оп.1. Д.34. Л.47.

12. НА РК. Ф.Р-9. Оп.1. Д.25. Л.94 об.

13. НА РК. Ф.Р-3. Оп.1. Д.981. Л.6.

14. НА РК. Ф.Р-3. Оп.1. Д.981. Л.16 об.

15. НА РК. Ф.Р-7. Оп.1. Д.103. Л.141.

16. НА РК. Ф.Р-1642. Оп.1. Д.7. Л.86 об.

17. НА РК. Ф.Р-8. Оп.1. Д.176. Л.158.

18. НА РК. Ф.Р-8. Оп.1. Д.200. Л.241.

19. НА РК. Ф.Р-81. Оп.1. Д.40. Л.11.

20. НА РК. Ф.Р-1350. Оп.1. Д.6. Л.1 об.

21. НА РК. Ф.Р-9. Оп.1. Д.31. Л.6.

22. Югыд туй. – 1925. – № 238 (1346). – 26 нояб.

23. См.: Люди театра коми. К двадцатилетию сценического искусства в Коми АССР. – Сыктывкар: Коми государственное изд-во, 1951. – С.36–37.

24. См.: Люди театра коми. К двадцатилетию сценического искусства в Коми АССР… – С.91.

25. См.: *Козлова Д.Т.* Указ. соч. – С.16.

26. *Безносиков Я.Н.* Указ. соч. – С.94.

27. НА РК. Ф.Р-73. Оп.1. Д.179. Л.78.

28. Культурная революция в Коми АССР. – М.: Наука, 1968. – С.174–175.

УДК 930:37.01(470.13)“1926”

А.М. Таскаев,
мл. научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ ИЖМО-ПЕЧОРСКОГО УЕЗДА КОМИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 года*

Перепись населения – это обширная статистическая работа общегосударственного уровня, позволяющая узнать точную численность населения, находящегося в стране, его половозрастную структуру, а также другие показатели. Полученная информация служит источником для определения основных характеристик социально-экономической ситуации в стране.

Перепись населения 1926 г. была первой Всесоюзной переписью, охватившей территорию всей страны, учитывала наличное население в ночь с 16 на 17 декабря 1926 г. и проводилась методом опроса. Основным формуляром переписи был личный листок, который составлялся на каждого жителя, включая грудных детей. В его содержание входили 15 вопросов, в том числе о грамотности, т.к. грамотность народа – важный показатель его духовного развития. При переписи 1926 г. грамотность определялась следующим образом: «умеющими читать считаются разбирающие печатные слова, хотя бы по слогам, умеющими писать – кто может подписать свою фамилию»; «лица, умеющие подписать свою фамилию, не умея читать, должны быть записаны как вовсе неграмотные» [1].

По официальным данным численность населения, проживавшего на территории Коми автономной области (далее – Коми АО) в 1926 г., составляла 207 314 человек – представители 27 народностей и этнических групп.

© Таскаев А.М., 2016

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

Самая многочисленная из них – зыряне – 191 245 человек. Кроме коренного этноса наиболее многочисленными народностями области являлись русские – 13 731 человек и самоеды – 2 080 человек. На момент проведения переписи в области существовало уездно-волостное административно-территориальное деление. Коми АО была разделена на 4 уезда: Сысольский (28 волостей и городских поселений), Усть-Куломский (28 волостей), Усть-Вымский (21 волость) и Ижмо-Печорский (20 волостей). В 4 уездах насчитывалось 1 316 сельских населённых пунктов, областной центр г. Усть-Сысольск, 2 фабрично-заводских посёлка – Кажим и Нювчим [2].

Показатели грамотности по уездам Коми АО представлены в *табл. 1.* Сравнив данные по 4 уездам, следует отметить, что в Сысольском и Усть-Вымском уездах процент грамотного населения был выше, чем в Усть-Куломском и Ижмо-Печорском (45,73% и 42,86% против 33,98% и 29,52%

Таблица 1

Грамотность населения Коми АО по уездам в 1926 г. [3]

Уезд	Грамотность	Мужчины / доля среди мужчин	Женщины / доля среди женщин	Оба пола /доля
Сысольский уезд	Грамотные	19 507 / 58,84%	14 014 / 34,90%	33 521 / 45,73%
	Неграмотные	12 712 / 38,34%	24 809 / 61,78%	37 521 / 51,18%
	Грамотность не указана	933 / 2,81%	1 333 / 3,32%	2 266 / 3,09%
Усть-Куломский уезд	Грамотные	12 653 / 49,38%	6 498 / 21,15%	19 151 / 33,98%
	Неграмотные	12 964 / 50,59%	24 209 / 78,78%	37 173 / 65,96%
	Грамотность не указана	7 / 0,03%	22 / 0,07%	29 / 0,06%
Усть-Вымский уезд	Грамотные	12 156 / 56,98%	7 958 / 31,09%	20 114 / 42,86%
	Неграмотные	9 169 / 42,98%	17 618 / 68,83%	26 787 / 57,08%
	Грамотность не указана	9 / 0,04%	21 / 0,08%	30 / 0,06%
Ижмо-Печорский уезд	Грамотные	6 471 / 44,87%	2 599 / 15,94%	9 070 / 29,52%
	Неграмотные	7 928 / 54,98%	13 668 / 83,85%	21 596 / 70,29%
	Грамотность не указана	22 / 0,15%	34 / 0,21%	56 / 0,19%
Всего (Коми АО)	Грамотные	50 787 / 53,73%	31 050 / 27,54%	81 837 / 39,48%
	Неграмотные	42 773 / 45,25%	80 304 / 71,21%	123 077 / 59,37%
	Грамотность не указана	971 / 1,03%	1 410 / 1,25%	2 381 / 1,15%

Подсчитано по: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.140. Оп.1. Д.413. Л.1–84; Д.439. Л.1–84.

соответственно). Процентное соотношение грамотных и неграмотных отдельно среди мужчин и женщин также было выше в Сысольском и Усть-Вымском уездах. Наиболее высокий показатель грамотности был у Сысольского уезда (45,73%). Одной из причин этого факта являлось то, что здесь располагался административный центр Коми АО Усть-Сысольск, а также населённые пункты Кажим и Нювчим. Показатели Ижмо-Печорского уезда самые низкие среди уездов Коми АО.

Таблица 2 содержит показатели грамотности населения волостей Ижмо-Печорского уезда. Сортировка выполнена от наибольшего процента грамотности населения обоих полов в волости к наименьшему. Отметим, что в уезде не было волостей с процентом грамотного населения более 50%.

Таблица 2

Грамотность населения Ижмо-Печорского уезда (1926)

Волости	Грамотных	Доля грамотных, %	Неграмотных	Доля неграмотных, %	Всего население волости
Мохченская	1 011	47,78	1 099	51,94	2 116
Бакуринская	509	42,59	685	57,32	1 195
Ижемская	1 089	41,79	1 507	57,83	2 606
Устьлыжинская	321	38,44	514	61,56	835
Сизябская	727	36,28	1 277	63,72	2 004
Галовская	635	35,73	1 142	64,27	1 777
Щельяюрская	569	34,48	1 081	65,52	1 650
Брыкаланская	362	33,39	722	66,61	1 084
Устьухтинская	266	33,33	532	66,67	798
Красноборская	758	30,18	1 754	69,82	2 512
Мощьюгская	191	29,94	447	70,06	638
Гамская	362	29,38	870	70,62	1 232
Кедвавомская	462	28,86	1 124	70,21	1 601
Няшебожская	229	28,73	568	71,27	797
Устьусинская	403	27,41	1 061	72,18	1 470
Устькожвинская	321	22,15	1 128	77,85	1 449
Кипиевская	350	20,01	1 399	79,99	1 749
Кольинская	106	13,70	667	86,18	774
Верхнеусинская	168	11,31	1 300	87,54	1 485
Большая Земля	231	7,83	2 719	92,17	2 950
Итого по уезду	9 070	29,52	21 596	70,29	30 722

Подсчитано по: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.140. Оп.1. Д.413. Л.1–84; Д.439. Л.1–84.

Волости с наиболее высоким процентом грамотных: Мохченская (47,78%), Бакуринская (42,59%), Ижемская (41,79%), с наиболее высоким процентом неграмотного населения: Большая Земля (92,17%), Верхнеусинская (87,54%), Кольинская (86,18%). Численность населения в районах Большеземельной тундры составляла 2 950 человек, в том числе: коми – 1 625, самоедов – 1 307, русских – 10. Но, как отмечалось в направленном в Центральное статистическое управление СССР докладе Коми облстатотдела от 9 августа 1927 г., «количество опрошенных в ходе переписи хозяйств значительно ниже действительной». В том же докладе указывалось, что переписью было охвачено чуть более 50% хозяйств, т.к. часть самоедских племён сознательно уклонялась от переписи [4].

В *табл. 3* представлена динамика количества школ в Ижмо-Печорском уезде в 1924–1927 годах. В 1926 г. по сравнению с 1924 г. количество школ увеличилось на 61,5%, работников школ – на 52%, учащихся – на 47,4%. Такая положительная динамика объясняется политикой государства в отношении ликвидации безграмотности в стране. По материалам переписи 1897 г. процент грамотных мужчин в Печорском уезде (Ижмо-Печорский уезд Коми АО включал большую часть «бывшего» Печорского уезда Архангельской губернии) составлял 22%, женщин – 3,8%, среди всего населения – 12,9% (для сравнения: по материалам переписи 1920 г. 37,1%; 10,5%; 22% соответственно [5]). К 1926 г. процент грамотных мужчин вырос с 1897 г. в 2,04 раза и составил 44,87%, женщин – в 4,19 раза и составил 15,94%, показатель грамотности всего населения – в 2,29 раза и составил 29,52% [6]. Несмотря на такой рост показателей, Ижмо-Печорский уезд оставался наименее «грамотным» в Коми АО.

Таблица 3

Динамика количества школ в Ижмо-Печорском уезде (1924–1927)

Показатель	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Школы	26	31	42	44
Работники школ	50	53	76	87
Учащиеся	1 577	1 833	2 325	2 403

Составлено по: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.140. Оп.1. Д.442. Л.58–61.

Таким образом, Всесоюзная перепись населения 1926 г. даёт возможность изучить столь важный социально-демографический показатель, как уровень грамотности населения. Показатели грамотности Ижмо-Печорского уезда были самыми низкими в Коми АО и объяснялись во многом об-

ширностью региона, малой плотностью населения и низким уровнем его зажиточности, суровыми климатическими условиями, разбросанностью поселений, отношением населения к грамотности и к переписи.

* * *

1. *Воробьев Н.* Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. (Краткий обзор организации и производства). В/О Союзоргучёт. Редакционно-издательское управление. – М., 1938. – С.33.

2. *Безносова Н.П.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. о численности и этническом составе населения Коми автономной области и численности коми-зырян в СССР // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века: труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1996. – Вып. 61. – С.118–119.

3. *Таскаев А.М.* Уровень грамотности населения в Сысольском уезде Коми Автономной области по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. // Социокультурные аспекты развития Северных территорий (Республика Коми. История и современность). – Сыктывкар: КРАГСиУ, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2015. – С.63–67.

4. *Безносова Н.П.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. о численности и этническом составе населения Коми автономной области и численности коми-зырян в СССР // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века: труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1996. – Вып. 61. – С.120.

5. *Вайровская С.В., Чупров В.И.* Грамотность населения Коми края в 1870–1920 годах // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Коми. – Сыктывкар, 1997. – С.28, 34.

6. Подсчитано по: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.140. Оп.1. Д.413. Л.1–84; Д.439. Л.1–84.

УДК 930:316.6(470.13)

Г.Ф. Доброноженко,
д-р ист. наук, проф. кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

ДЕТСКИЙ ДОМ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ДЕТДОМОВЦА В 1930-е гг. (на материалах Коми области)

Детская беспризорность в любом обществе является показателем политической и социальной нестабильности, социально-экономического неблагополучия, кризиса традиционной семьи и системы ценностей. Резкое возрастание численности воспитанников детских домов в Коми области как результат массового роста беспризорности явилось прямым следствием социальной стратегии государства 1930-х гг., направленной на «ликвидацию кулачества как класса» и уничтожение «врагов народа».

Состав воспитанников детских домов в Коми области в 1930-е гг. делится на 2 неравные (и не только по численности) категории. Первая категория – дети, родители которых были репрессированы по политическим и социальным признакам. Вторая – дети «свободного гражданского населения».

Превращение Коми области в крупнейший район ссылки раскулаченных крестьян, массовые репрессии в коми деревне поставили местные власти в начале 1930-х гг. перед проблемой значительного увеличения численности беспризорных детей. По данным Коми ОГПУ на декабрь 1931 г., в области было выявлено 508 беспризорников, из них 258 – дети спецпереселенцев. Через год статус «беспризорного» имели уже 910 детей [1].

В 1933 г. в связи с массовой смертностью в спецпосёлках количество детей-сирот в Коми области резко возросло. От голода в спецпосёлках области за год умерло 4 476 человек (15–17% всех спецпереселенцев), из них 1 131 – дети [2]. Из выживших к концу 1933 г. остались без родителей 700–800 детей.

В 1934 г. число беспризорных детей в Коми области составляло около 1 800 человек [3].

© Доброноженко Г.Ф., 2016

Оставшись без родителей, сироты не получали «пайков», т.к. они выдавались только работающим спецпереселенцам. Самых маленьких детей оставляли в спецпосёлках в детских садах и яслях (в «детских бараках»); иногда их отправляли к родственникам на родину. Остальные дети (подростки) должны были покинуть спецпосёлки и в поисках пропитания уходили в деревни. Некоторым удавалось пристроиться на работу в семьи местных крестьян, однако большая их часть бродяжничала от села к селу.

Основным способом борьбы с детской беспризорностью являлось помещение несовершеннолетних в детские дома. Численный состав воспитанников детдомов Коми области характеризуется следующими данными: 310 детей в 1931 г., 517 – в 1932 г., 1048 – в 1933 г., 1 535 детей – в 1934 году. Количество детских домов возросло с 4 в 1928 г. до 8 в 1931 г., 21 в 1933 г. и 27 в 1934 году. Из 21 детского дома в 1933 г. 11 – для беспризорных детей из спецпосёлков, 6 – «смешанных» и 4 – для местных (коми) детей [4].

Несмотря на открытие новых детских домов и увеличение численности устроенных в них детей количество беспризорных детей, оказавшихся на улице, оставалось практически без изменений: около 200 человек в 1931 г., 270 – в конце 1932 г., 250 – в феврале и 218 человек – в декабре 1934 г. [5].

Новое пополнение детских домов Коми области составляли преимущественно дети из спецпосёлков и семей местных репрессированных крестьян.

По данным годовых отчётов детских домов, в 1933 г. из 1 093 воспитанников 859 (88,5%) – дети репрессированных крестьян, 234 (21,5%) – дети «свободного гражданского населения», среди последних 205 крестьянских детей (в том числе 179 крестьян-бедняков и 6 середняков), 22 – колхозников, 6 – рабочих, 13 – служащих [6].

Осенью 1934 г. из 1 478 воспитанников детских домов 1 039 (69,55%) – дети спецпереселенцев, 455 (34,55%) – местного населения [7]. В 1935 г. из 1 357 воспитанников 1 050 (77,4%) – дети спецпереселенцев [8].

В детских домах воспитывались дети репрессированных родителей из самых разных регионов страны. Так, в 1934 г. в 24 детских домах состав воспитанников был многонациональный и только в 4 – преобладали дети коми национальности.

В списках воспитанников детских домов, как правило, указывалась национальность детей. Так, в Выльгортском детдоме в 1933 г. было: русских – 21, украинцев – 5, татар – 3, чувашей – 2, казахов – 2, немцев – 1; в Троицко-Печорском в 1934 г.: русских – 21, коми – 1; в Лоемском в 1935 г.: русских – 22, коми – 21; в Ручевском в 1936 г.: русских – 22, украинцев – 3,

белорусов – 3, чехов – 2, немцев – 2, коми – 13, казаков – 1; в Нёбдинском в 1936 г.: русских – 8, украинцев – 10, татар – 6, немцев – 1, белорусов – 1; в Коквицком в 1936 г.: русских – 23, коми – 10, татар – 6, украинцев – 3; в Межадорском в 1936 г.: русских – 28, коми – 19, татар – 1, киргизов – 1, немцев – 1; в Оквадском детдоме в 1936 г.: русских – 25, коми – 27, белорусов – 10, немцев – 2, чувашей – 1, украинцев – 6; в Айкинском в 1937 г.: русских – 62, украинцев – 12, татар – 5, коми – 27, мордвы – 2, немцев – 3, вотячек – 2; в Вотчинском в 1937 г.: коми – 17, русских – 13, немцев – 2, украинцев – 1; в Ниашорском в 1938 г.: русских – 95, коми – 11, татар – 5, немцев – 6, украинцев – 1, киргизов – 1, белорусов – 1, поляков – 1, латышей – 1; в Ичет-Динском в 1938 г. из 106 воспитанников только 9 коми национальности, остальные – русские [9].

С началом новой волны массовых репрессий в 1937–1938 гг. произошёл всплеск численности беспризорников (1,4 тыс. в 1934 и 1,9 тыс. в середине 1937 г.) [10].

В детских домах по-прежнему воспитывались преимущественно дети репрессированных родителей. Изменился состав детей из репрессированных крестьянских семей. Среди вновь поступивших в детдома в 1936–1938 гг. сократилось количество детей из спецпосёлков и возросло – детей репрессированных родителей (арестованных и находившихся в заключении) из местного населения.

Сведения из журнала регистрации направлений в детские дома, выданных Коми облОНО в 1936–1938 гг., показывают, что в связи со снижением смертности среди спецпереселенцев сирот из спецпосёлков среди вновь поступивших в детские дома воспитанников было немного: в 1936 г. – 21 ребёнок, в 1937 г. – 4, в 1938 г. – 5 [11].

С 1937 г. в детские дома Коми области начали поступать дети, родители которых находились в лагерях НКВД. В 1937 г. по направлению органов НКВД в детдома поступило 26 детей заключённых, в 1938 г. – 84 [12]. В 1940 г., по сведениям только из 8 детдомов, из детприёмников НКВД поступило уже 202 ребёнка [13].

В 1936–1938 гг. изменился социальный состав детей, поступивших в детские дома из семей «свободного гражданского населения». Помимо детей из многодетных единоличных бедняцких семей, это были дети из семей колхозников. Если в 1933 г. во всех детских домах Коми области было всего 22 ребёнка из семей колхозников, то в 1938 г. только в Межадорском детском доме – 39 из 75 воспитанников [14].

В годы коллективизации тысячи крестьянских семей в страхе перед репрессиями и в поисках лучшей жизни покидали дома и уходили в город. Однако здесь они оказались в невероятно тяжёлых жилищных и матери-

альных условиях; начались массовые разводы. Женщины оставались единственными кормильцами в многодетных семьях. Занятые, как правило, на малоквалифицированной и низкооплачиваемой работе, они не могли содержать детей и обращались в органы народного образования с просьбами об устройстве в детские дома хотя бы одного-двух детей [15].

В журнале регистрации направлений за 1936–1938 гг. указывались причины направления детей местного населения в детские дома. Во-первых, это сиротство и беспризорность («круглый сирота», «отец и мать померли, осталось четверо детей – побираются», «мать померла, отец скрылся, дети беспризорные»); во-вторых, – неспособность одного из родителей в многодетных семьях прокормить детей («в семье пятеро детей, отца нет, материально не обеспечены», «матери нет, отец инвалид, дети не обеспечены», «отец болен, мать побирается, четверо детей ей не прокормить», «отец умер на лесозаготовке, осталось шестеро детей от 5 до 15 лет, матери одной с ними не управиться, голодают» и т.п.).

В детских домах в 1930-е гг. воспитывались не только сироты, но и полусироты (имеющие родителя, неспособного содержать ребёнка в силу тяжёлой болезни, низкого заработка и пр.). Среди полусирот было много детей, брошенных репрессированными родителями «на произвол судьбы». Так, по сведениям Коми облОНО, в мае 1935 г. 25–30% детдомовцев из семей спецпереселенцев имели родителей, сбежавших из спецпосёлков на прежнее место жительства [16].

На 1 января 1935 г. из 1 579 воспитанников детских домов 903 – круглые сироты, 534 – имели одного родителя, 142 – обоих родителей; в 1936 г. – из 1 281 соответственно 565, 510 и 206, в 1937 г. – из 1 386 воспитанников соответственно 686, 541 и 159. Количество круглых сирот сокращается с 70% всех детдомовцев в январе 1934 г. до 49% в январе 1937 г.; имеющих одного родителя – увеличилось соответственно с 25 до 40%, имеющих обоих родителей – с 4 до 11% [17].

Сокращение удельного веса круглых сирот в детских домах связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, снижается смертность в спецпосёлках, откуда поступала основная масса круглых сирот. Во-вторых, в 1935–1936 гг. в результате работы органов НКВД, народного образования и руководства детских домов по «выявлению» родителей детей, считавшихся сиротами, появилось много детей, которые обрели родителей. Чаще всего это отцы и матери, пускавшиеся «в бега» из спецпосёлков или возвращавшиеся на свободу после отбывания наказания в лагерях и исправительно-трудовых колониях.

Таким образом, основные циклы возрастания и спада численности детей, содержавшихся в детских домах Коми области в 1930-е гг., социаль-

ный состав детдомовцев были непосредственно связаны с основными этапами репрессивной политики власти. Подавляющее большинство воспитанников детских домов (80–90%) – дети из репрессированных семей. В первой половине 1930-х гг. это преимущественно дети из репрессированных при проведении коллективизации и политики «ликвидации кулачества как класса» крестьянских семей; во второй половине 1930-х гг. детские дома пополняются детьми «врагов народа», репрессированных в период «массовых чисток» 1937–1938 годов.

* * *

1. Подсчитано по: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.148. Оп.1. Д.4. Л.12–15; Ф.148. Оп.1. Д.574. Л.73.

2. Детский дом и его обитатели: повседневная жизнь детских домов // Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: Исследования, воспоминания, документы / авт.-сост.: Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. – С.73.

3. Подсчитано по: НА РК. Ф.148. Оп.1. Д.4. Л.12–15; Ф.148. Оп.1. Д.574. Л.73.

4. НА РК. Ф.148. Оп.1. Д.734. Л.100, 165–165 об.; Ф.148. Оп.1. Д.863. Л.40–41; Ф.1000. Оп.1. Д.13. Л.13–14; Ф.1001. Оп.1. Д.4; Архив МОРК. Ф.242. Оп.2. Д.762.

5. *Доброноженко Г.Ф., Лунгор Е.Г.* Детский дом в первой половине 1930-х годов: проблемы быта (на материалах Коми области) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. статей по материалам XXXIX–XL Международной науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2014. – № 7–8 (39). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/detskiy-dom-v-pervoy-polovine-1930-h-godov-problemy-byta-na-materialah-komi-oblasti

6. Подсчитано по: НА РК. Ф.148. Оп.1. Д.828. Л.3–39.

7. НА РК. Ф.148. Оп.1. Д.834. Л.258–258 об.

8. НА РК. Ф.1001. Оп.1. Д.4. Л.13.

9. Подсчитано по: Детский дом и его обитатели: повседневная жизнь детских домов // Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: Исследования, воспоминания, документы / авт.-сост.: Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова… – С.599–692.

10. Подсчитано по: НА РК. Ф.1001. Оп.1. Д.4. Л.12–15; Ф.1001. Оп.1. Д.8. Л.72–72 об.

11. Детский дом и его обитатели: повседневная жизнь детских домов // Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей:

Исследования, воспоминания, документы / авт.-сост.: Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова… – С.43.

12. Архив МОРК. Ф.242. Оп.2. Д.762. Л.87.

13. Подсчитано по: Детский дом и его обитатели: повседневная жизнь детских домов // Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: Исследования, воспоминания, документы / авт.-сост.: Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова… – С.43; НА РК. Ф.309. Оп.1. Д.309. Л.50–73.

14. НА РК. Ф.241. Оп.1. Д.125. Л.10.

15. Подсчитано по: Детский дом и его обитатели: повседневная жизнь детских домов // Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: Исследования, воспоминания, документы / авт.-сост.: Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова… – С.48–49.

16. НА РК. Ф.750. Оп.1. Д.108. Л.210.

17. НА РК. Ф.148. Оп.1. Д.828. Л.6–55.

УДК 4(47).084.6

А.Г. Зайнапов,
аспирант ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВО СОВЕТСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (на материалах г. Усть-сысольска/Сыктывкара)

Сталинская модернизация остаётся одним из ключевых и в то же время противоречивых моментов истории СССР. Приоритетными в рамках советской модели модернизации являлись государственные задачи, прежде всего превращение страны из аграрно-индустриальной в индустриальную державу, хотя одним из важнейших результатов модернизации должно быть повышение качества жизни населения. Между тем в сложившейся ситуации вопросы о жилищно-бытовых условиях и благоустройстве города, являющиеся одними из основных аспектов уровня жизни горожан, находились едва ли не на последнем месте.

Проблема обеспечения населения жильём и устройства быта города стояли остро, т.к. индустриализация и коллективизация дали импульс ускоренной урбанизации: с одной стороны, рост производства требовал все больше трудовых ресурсов; с другой – наблюдался уход из села как попытка избежать насильственного объединения в колхозы. По данным переписи, городское население России с 1926 по 1937 г. увеличилось на 18 млн человек [1].

Так, из материалов *табл. 1* видно, что на рубеже 1920–1930-х гг. произошёл весьма значительный рост населения Сыктывкара: если за первые 10 послереволюционных лет население города увеличилось на 40%, то с 1926 г. по 1934 г. – на 300%. Следовательно, в сложившейся ситуации решение жилищно-бытовых условий горожан было весьма актуально.

В повседневной практике городской жизни понятие «жилищные условия» охватывает совокупность таких показателей, как жилая площадь на человека, степень благоустройство домов, их состояние, обеспеченность коммунальными удобствами [2].

По мнению современников, в 1920-е гг. Усть-Сысольск «не имел ничего похожего на город, если не считать тех же церквей, духовного учи-

© Зайнапов А.Г., 2016

Таблица 1

*Рост численности населения г. Сыктывкара (1923–1934)**

	1923 г.	1926 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Численность населения (человек)	4 191	8 424	9 904	11 931	13 060	14 937	19 000	25 000

Источник: 25 лет Коми АССР. Издание Обкома ВКП(б) и Совета Министров Коми АССР. – Сыктывкар, 1946. – С.137; ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.538. Оп.1. Д.12. Л.5–7, 38, 52; НА РК. Ф.538. Оп.1. Д.48. Л.24.

лища и до десятка купеческих домов» [3]. В 1930-е гг. Сыктывкар постепенно приобретал черты города: «Начали класть булыжные мостовые на улицах города, появился Дом печати, Коми пединститут, Больничный городок, медтехникум, гостиница “Север”, универмаг “Чайка”» [4]. Однако по уровню коммунального благоустройства Сыктывкар и в 1930-е гг. «не соответствовал не только столичному, но и городскому статусу» [5].

Прирост населения Сыктывкара привёл к сокращению обеспеченности горожан жилой площадью.

Данные *табл. 2* показывают, что размер жилой площади, приходившейся на 1 человека, в Сыктывкаре на протяжении всего рассматриваемого периода оставался ниже санитарной нормы и имел тенденцию к понижению.

Созданной из членов областного комитета ВКП(б) комиссией Облкомитету была представлена докладная записка «О жилищно-бытовых условиях рабочих, учащихся и служащих» (27 августа 1931 г.), где отмечалось, что «на заводе жилплощадью обеспечены только 25%, причём на каждого человека, живущего в заводских квартирах, приходилось не более 2 кв. м. жилплощади» [6].

В 1933 г. областные газеты «Вöрлэдзысь», «За новый Север» и «Коми комсомолец» провели рейд с целью выявления проблем жилищно-коммунального хозяйства Сыктывкара. Результаты оказались неутешительными: «Квартиры переполнены до невозможности. В большинстве комнат живёт по 3–4 семьи. Например, в комнате № 10, имеющей жилой площади 32 кв. метра, размещается 4 семейства, т.е. 18 человек, из них 9 маленьких детей» [7].

* Автор выражает глубокую благодарность доктору исторических наук Г.Ф. Доброноженко за предоставленную возможность использования в данной публикации архивных материалов.

Таблица 2

Нормы жилой площади в Сыктывкаре (1925–1935 гг.)

	Годы									
	1925	1926	1927	1928	1929	1931	1932	1933	1934	1935
Санитарная норма	8,2	8,2	8,2	9,0	9,0	9,0	9,0	9,0	8,2	8,2
Норма, установленная в Сыктывкаре	–	10,2	–	–	7,0	–	–*	–	–	–
Средняя фактическая душевая норма жилой площади ($м^2$)	7,5	8,2	7,5	5,4	4,8	3,93	3,68**	4,49	4,49	4,72

Источник: Рейд ударников печати областных газет: «Вöрлэдзысь», «За новый Север» и «Коми комсомолец» // За новый Север. – 1933. – 21 нояб. – Л.47; НА РК. Ф.398. Оп.1. Д.320. Л.41, 131.

Примечание:

* Распоряжения ВЦИК и СНК РСФСР, изданные в 1934–1935 гг., рекомендовали местным советам «снизить норму жилой площади до 5 кв. м. на чел.» (см.: СУ РСФСР. – 1934. – № 10. – Ст.69; СУ РСФСР. – 1934. – № 30. – Ст.183; СУ РСФСР. – 1935. – № 3. – Ст.15; СУ РСФСР. – 1935. – № 4. – Ст.31; СУ РСФСР. – 1935. – № 6. – Ст.6; СУ РСФСР. – 1935. – № 11. – Ст.116; СУ РСФСР. – 1935. – № 13. – Ст.138).

** По другим данным – 3,05 $м^2$ (см.: НА РК. Ф.294. Оп.1. Д.8. Л.6–23).

Из приведённых данных видно, что на каждого жильца этой комнаты приходилось около 1,8 $м^2$, т.е. в действительности все они не занимали даже половины общей площади на человека в среднем по г. Сыктывкару.

Решение жилищного вопроса возлагалось также и на предприятия, которые не способны были справиться с этой задачей.

Многочисленные проверки и обследования предприятий Сыктывкара констатировали неудовлетворительные условия проживания пролетариата. Из обследования бытовых условий рабочих лесопильного завода: «Говорить о каких-либо санитарных нормах не приходиться, достаточно сказать, что рабочие помещаются в дощатых не отопленных бараках. <…> Во многих бараках сплошные нары. Вследствие переполненности бараков

поддержание чистоты в них затруднительно, благодаря такой скученности масса клопов и тараканов» [8].

По замечанию газеты «За новый Север», в Сыктывкарских общежитиях и бараках клопы, мухи, тараканы были типичными обитателями: «Сколько безобразий в 5-ом бараке 11 комнате, сколько там паразитов: вши, блохи и клопы. Живущие там носят этих паразитов, пятимиллиметровых вшей» [9].

Рабочие Лесозавода выражали недовольство тем, что бараки не достроены, ввиду чего весьма холодно, и в некоторых бараках протекала грязь из уборной. Кроме того, рабочие недостаточно снабжались дровами, а в одно время их совсем не давали [10].

Так, не дождались обещанных условий проживания рабочие и служащие Сыктывкарской типографии: «Администрация в лице тов. Улитина обещала много, но ничего не сделала. Где столы, шкафы, чтобы хлеб и белье не были вместе под койкой, где кипятильники, форточки и дрова? Нету. Все это только в проектах коми издательства. Рабочие в общежитии и в некоторых цехах не имеют кипяченой воды, общежитие топится тогда, когда есть дрова» [11]. Здесь стоит отметить, что Сыктывкар находится в местности, приравненной к Крайнему Северу, где среднегодовая температура в городе составляет +1,3 °С.

На фоне остального населения города выделяется особая группа высококвалифицированных рабочих – с целью привлечения их на предприятия государство старалось лучшие жилые помещения предоставить специалистам.

В архивных документах прослеживается профессиональный состав жильцов «домов специалистов», можно чётко выделить несколько специализаций: работники образовательной сферы (преподаватели вузов и средне-специальных учебных заведений) и технические работники (инженеры, агрономы, квалифицированные строители) [12].

Такой состав жильцов домов подтверждает тезис о том, что государство старалось поощрить тех, кто был жизненно важен в условиях индустриализации.

В период жилищного кризиса, в условиях, когда фактическая норма жилья в г. Сыктывкаре не превышала 4 м^2 на человека, государство улучшало жилищные условия семей «новой социалистической элиты» за счёт возведения специальных домов для поквартирного поселения специалистов.

Однако даже новое жильё для специалистов сдавалось совершенно неподготовленным для проживания. Новое строительство велось в сжатые сроки и, как правило, некачественно. В газете «За новый Север» в 1934 г. отмечалось: «На днях начинается заселение первого дома специалистов,

но в нем еще масса недоделок. Уборных нет, воды нет. Печи дымят, во многих печах вьюшек нет. Некоторые жильцы приступили к перекладке печей за свой счет» [13].

Серьёзной проблемой для жителей Сыктывкара, так же как и других городов СССР в 1930-е гг., стало резко ухудшавшееся санитарное состояние городов. Дома утопали в грязи, мусоре и нечистотах. Возводимые жилые строения и существующий жилой фонд не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам.

В местных газетах повседневная жизнь горожан изображалась так: «Большинство улиц не замощено, кучи навоза лежат в центре города, дворы завалены отбросами и мусором. Помойные и выгребные ямы у многих домов переполнены, нечистоты из них плывут к колодцам и загрязняют их, тротуары в неисправном состоянии, зеленых насаждений недостаточно, ассенизационный обоз мал, качественно не удовлетворителен» [14]. Осенью ситуация ещё более усугублялась: «С наступлением дождливых осенних дней – по улицам и дворам города становиться непролазная грязь. Если пойдешь по ул. Коммунистической по направлению к Дому печати, то на пути встретишь большие затруднения при переходе через Первомайскую улицу» [15].

Коммунальное хозяйство города Сыктывкара в конце 1920–1930-х гг. по всем основным сферам отставало от среднестатистических показателей по стране.

Из доклада Коми Обкомхоза за 1932 год: «Город Сыктывкар не канализирован. Имеется коллектор для атмосферных вод по Советской улице (от Рабочей улицы до Северо-Загородной). Коллектор построен из бетонных труб диаметром 0,30 см. Нечистоты собираются в выгребную яму, откуда вывозятся в бочках. Все это ставит задачу устройства канализации» [16]. Отсутствие канализации в городе приводило к тому, что дома утопали в грязи и экскрементах. Невычищенные ямы и сильное зловоние стали главной карточкой любого дома в городе [17]. К 1937 г. канализацией было оборудовано 43,7% жилого фонда страны, тогда как в Сыктывкаре – 3,8% [18].

Сыктывкар остро нуждался в развитии водопроводных сетей. Из доклада горкоммунотдела: «На 1 января 1932 года население города питается недоброкачественной водой из реки Сысола и из верхнеслойных крестьянских колодцев» [19]. По городу насчитывалось около 250 колодцев глубиной всего 1 м, что вызывало присутствие в воде большого процента нечистот (аммиака и азотных объединений) [20]. Плохое развитие водопроводно-канализационной системы обусловило отсутствие во многих до-

мах ванных комнат, где можно было бы помыться и постирать вещи, что непосредственно вело к ухудшению санитарных условий в домах горожан.

Лишь 3,8% домов Сыктывкара к 1937 г. были оборудованы водопроводом [21]. По показателю «развитие водопроводных сетей» город в 14 раз уступал общесоюзной статистике.

Центральное отопление, которое было актуально для северного города, отсутствовало в Сыктывкаре, по стране эта цифра достигала 18,6% [22].

Показатели домов, оборудованных электричеством, не сильно отставали от общесоюзных цифр (95,5%) и составляли 87,2% [23]. Первый полностью благоустроенный жилой дом появился в Сыктывкаре по ул. Кирова, 28 – лишь в 1939 г. [24].

Известно, что СССР в годы индустриализации осуществил значительный рывок в промышленности и заметно приблизился к западным странам по показателям роста и концентрации городского населения, но по-прежнему существенно уступал европейскому стандарту качества жизни (городское благоустройство, санитарно-гигиенический фактор, комфорт мест проживания).

Появление жилья невысокого качества, не соответствующего принципу посемейного заселения и санитарно-гигиеническим требованиям, было вызвано необходимостью экономии средств в эпоху индустриализации, а также бурными демографическими процессами. На получение благоустроенного жилья в Сыктывкаре могли надеяться только высококвалифицированные специалисты, что подтверждает применение советской властью протекционистского принципа распределения жилья в провинции.

Таким образом, процессы, проходившие в Сыктывкаре в конце 20–30-х гг. XX в., представляли собой переходный этап от дореволюционного провинциального городка к индустриальному центру Коми края.

В целом развитие г. Сыктывкара на протяжении 1930-х гг. проходило при резком отставании социальной, жилищно-бытовой сфер от ускоренного развития промышленного сектора.

* * *

1. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: сб. документов и материалов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С.103.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т.2. – Изд. второе. – М.: Изд-во политической литературы, 1955–1974. – С.302.

3. Новое строительство. Коми область в борьбе за социализм: сб. статей к 10-летию Коми автономии. – Сыктывкар: Коми Госиздат, 1931. – С.116.

4. *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Сказание о земле Сыктывдинской: Научно-популярные очерки истории Сыктывдинского района Республики Коми. – Выльгорт, 2006. – С.316.

5. *Обедков А.П., Федосов Л.С.* Градостроительство, архитектура и зодчие Сыктывкара. – Сыктывкар, 1999. – С.11.

6. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми) (далее – НА РК). Ф.398. Оп.1. Д.270. Л.19.

7. Рейд ударников печати областных газет: «Вöрлэдзысь», «За новый Север» и «Коми комсомолец» // За новый Север. – 1933. – 21 нояб.

8. НА РК. Ф.398. Оп.1. Д.320. Л.134.

9. НА РК. Ф.834. Оп.1. Д.38. Л.33.

10. НА РК. Ф.398. Оп.1. Д.270. Л.153.

11. Обещали, но… // За новый Север. – 1931. – 10 дек.

12. НА РК. Ф.1450. Оп.1. Д.1. Л.40–41.

13. Безобразное строительство // За новый Север. – 1934. – 3 окт.

14. В поход за чистоту города // За новый Север. – 1933. – 6 мая.

15. Непролазная грязь // За новый Север. – 1935. – 24 окт.

16. НА РК. Ф.700. Оп.1. Д.95. Л.36, 50.

17. НА РК. Ф.398. Оп.1. Д.526. Л.7, 17.

18. НА РК. Ф.140. Оп.2. Д.2052. Л.10, 16.

19. НА РК. Ф.700. Оп.1. Д.96. Л.33–34.

20. НА РК. Ф.700. Оп.1. Д.95. Л.36, 50.

21. НА РК. Ф.140. Оп.2. Д.2052. Л.10, 16.

22. НА РК. Ф.140. Оп.2. Д.2052. Л.10, 16.

23. НА РК. Ф.140. Оп.2. Д.2052. Л.10, 16.

24. История Сыктывкара. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1980. – С.114.

УДК 947:343.412“193/195”(470.13)

Н.М. Игнатова,
канд. ист. наук, зав. сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

КОМПЛЕКТОВАНИЕ КЛУБНЫХ И ШКОЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК В СПЕЦПОСЁЛКАХ КОМИ ОБЛАСТИ В 1930-е гг.*

Общие цели культурно-просветительной деятельности сводятся к воспитанию развитой личности. В советский период культурно-просветительские учреждения ориентировались на модель социализации, директивно заданную партией и правительством [1]. Библиотеки были идеологическими учреждениями и выполняли педагогические функции по воздействию на содержание и характер чтения, на выбор и усвоение книг в целях коммунистического воспитания трудящихся. Помимо основной идейно-воспитательной функции и содействия социалистическому строительству, библиотеки выполняли просветительскую, информационную и агитационно-пропагандистскую функции [2].

Более 40 тыс. крестьян с семьями, административно высланные в ходе коллективизации из центральных районов страны в Коми автономную область (далее – Коми АО) в 1930–1931 гг. и имевшие статус спецпереселенцев («бывшие кулаки»), были предметом особого внимания культурно-просветительских учреждений. Были выработаны достаточно подробные инструкции по идейному перевоспитанию спецпереселенцев. Коми Областной отдел народного образования (далее – ОбОНО) 5 сентября 1931 г. в секретном письме, направленном райисполкомам, отмечал, что на органах народного образования, к которым относились и культурно-просветительские учреждения, лежит вся ответственность за перевоспитание спецпереселенцев, «чтобы они за ближайшие год-два сделались лояльными к советской власти, чтобы они были вовлечены в социалистическое строительство страны» [3].

© Игнатова Н.М., 2016

* Статья подготовлена при поддержке Программы комплексных фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике»).

В инструктивном письме по организации дела народного образования среди спецпереселенцев, направленном секретным порядком, Краевой отдел народного образования (Северный Край) (далее – КрайОНО) 3 октября 1931 г. отмечал, что согласно решениям СНК культобслуживание спецпереселенцев помимо других задач имеет своей целью воспитание из них граждан Советского Союза: «Особое внимание необходимо обратить на молодежь, детей, вырвав их из-под кулацкого влияния. Спецпереселенцы поэтому должны пользоваться также как и рабочие и крестьяне культурно-бытовым обслуживанием» [4].

В основу построения производственного плана по культобслуживанию спецпереселенцев на 1933 г. были положены указания в наикратчайший срок ликвидировать в сознании спецпереселенцев «пережитки капитализма, превращая их в сознательных борцов социалистического хозяйства, в кадровых рабочих на основных участках строительства социалистического Севера». В плане отмечалось также, что спецпереселенцы, «в отличие от общей массы трудящихся, являются самыми трудными в деле перевоспитания», т.к. в их идеологии «особенно крепко приживаются капиталистические собственнические тенденции», они «в недавнем прошлом являлись классом эксплуататоров, требуют к себе серьезного внимания и организации работы, требуют проведения особых мероприятий и особой постановки работы» [5].

Основная задача культпросветработы среди работающих спецпереселенцев заключалась в поднятии производительности труда «на основе привития им элементов коммунистического воспитания и социалистических методов труда – соцсоревнования и ударничества, и приучения их к коммунистическому отношению к труду» [6].

Исходя из заданных установок, органы народного образования направляли основные мероприятия на введение всеобуча для детей спецпереселенцев, дошкольное воспитание, постановку массовой политико-просветительной работы и ликвидацию неграмотности. Массовая политико-просветительная работа предусматривала такие формы и методы, как развёртывание сети кружков; организация библиотек; выписка газет и журналов; массовые читки газет, журналов, другой литературы; беседы; доклады; вечера самодеятельности; спектакли; кино- и радиоработа; выпуск стенгазет [7].

В каждом культурно-просветительском учреждении необходимо было организовать библиотеку с количеством книг из расчёта 1 книга на 2 человек или 250 книг на учреждение, книги должны были быть «особо подобраны, дающие им (спецпереселенцам) интернациональное воспитание и производственные навыки». Необходимо было организовать выписку газет из расчёта 1 экземпляр на 4 человека, журналов – 1 экземпляр на 20 чело-

век, по другим указаниям – 1 газету на 20 человек, 1 журнал на 100 человек. Выписка газет и журналов должна была осуществляться в основном за счёт средств самих спецпереселенцев [8].

Спецпереселенцы сами строили спецпосёлки, находившиеся в отдалении от местных населённых пунктов; помимо жилых и производственных зданий здесь должны были быть построены и культурно-просветительские учреждения. Учреждения клубного типа (клубы, избы-читальни, красные уголки), школы и дошкольные учреждения строились и оборудовались за счёт хозорганизаций, где работали спецпереселенцы [9]. В 1930 г. предполагалось строительство клубов, изб-читален и красных уголков в спецпосёлках по типовому проекту сельской избы-читальни. Но этот проект не был согласован, и культурно-просветительские учреждения было решено организовывать в приспособленных помещениях [10].

В переписке ОбОНО и треста «Комилес», ответственного за постройку зданий, 23 октября 1931 г. ОбОНО предлагал одновременно использовать под красный уголок и детский сад (ясли) большой жилой дом-барак [11]. Но это предложение было отменено, в письме 26 октября 1931 г. ОбОНО указал, что «ошибочно был прислан проект «жилого дома на 18 комнат коридорной системы» фактически мы можем предоставить под эти учреждения «лесной домик на 4 квартиры» какой и просим рассмотреть и приспособить при этом считаем нужным указать, что фактически дом без капитальных стен и по одной печи на каждой половине» [12].

Несмотря на требование краевых властей строительство «форсировать с окончанием в 1931 г.». [13], в 1932 г. культучреждения были на стадии организации. На 37 462 спецпереселенца и более 40 спецпосёлков в 1932 г. имелось 4 избы-читальни и 21 красный уголок, строилось 8 клубов, 21 изба-читальня, 17 красных уголков [14]. Так как жилое строительство было приоритетным, то все культурно-просветительские учреждения в начале 1930-х гг. располагались в бараках, приспособленных под школьные занятия и массовые мероприятия. Типичной была ситуация спецпосёлка Выльордым, когда «школа помещается в типовом 18-квартирном доме, имеющийся в школе зал, площадью 66 кв.м.» являлся «в то же время клубом для взрослых» [15]. Постепенно ситуация начала улучшаться, например, на 20 июня 1934 г. в 9 посёлках Усть-Куломского района культурно-просветительские учреждения размещались в 7 приспособленных зданиях и 2 – уже в специально построенных. При этом следует отметить, что в каждом спецпосёлке были организованы библиотеки [16].

Расходы на социально-культурные нужды спецпереселенцев регулировались на основании Постановления Совнаркома СССР от 16.08.1930, циркуляра Севкрайуправление от 08.10.1931 за № 46 и Распоряжения Областного финансового отдела Народного Комиссариата финансов Ко-

ми АО «О финансировании спецпереселенцев» от 16.10.1931. Для того, чтобы получить средства на расходы по спецпереселению, необходимо было заключить договоры с хозорганизациями, использующими труд спецпереселенцев [17].

Соглашение между Коми ОбОНО и Государственным лесопромышленным трестом «Комилес» было подписано 21 октября 1931 года. По нему ОбОНО получал от Комилеса 2% отчисления с зарплаты спецпереселенцев для расходов «исключительно на обслуживание спецпереселенцев» [18]. С 1 августа 1931 г. 2% отчисления на культурно-просветительные нужды необходимо было вносить на текущий счёт ОбОНО [19]. Допускалось снесение средств на счёт райисполкомов непосредственно от лесопунктов [20]. Но КрайОНО этот порядок запретил. В Распоряжении от 01.12.1931, высланном зав. Коми ОбОНО и РИКам с копией ПП ОГПУ, указывалось: «В ряде мест имеются случаи, когда РИКи не имея на это никаких оснований, вынуждают местные хозорганизации вносить 2% отчисления непосредственно РИКу. КрайОНО предлагает в дальнейшем прекратить практику получения 2% отчислений от хозорганизаций, так как средства должны вносить на счет КрайОНО № 1014 в Приморском отделении Госбанка. Районы которые будут допускать в дальнейшем практику получения 2% отчислений на местах будут сниматься с финансирования» [21].

В дальнейшем средства аккумулировались в КрайОНО, направлялись в ОблОНО и затем в Районный отдел народного образования (далее – РОНО) [22]. РОНО отчитывались перед ОбОНО о полученных и потраченных средствах. В частности, за 1932 г. в Сыктывдинский район поступило 9 910 руб. 2%-ных отчислений, израсходовано было 11 502 руб. 52 коп.; в Сысольский район поступило 16 485 руб. 13 коп., израсходовано 17 128 руб.; в Усть-Куломском районе – 14 419 руб. 84 коп. и 13 052 руб. соответственно; Сторожевском – 9 731 руб. 40 коп. и 5 442 руб. 45 коп. и т.д. [23].

На эти средства в том числе закупалась литература в школьные библиотеки и библиотеки учреждений клубного типа в спецпосёлках. Например, в августе 1934 г. ОбОНО телеграммой срочно запрашивал «двухпроцентные отчисления на выкуп литературы» от Усть-Вымского, Сыктывдинского, Прилузского, Сысольского, Сторожевского, Усть-Куломского РОНО на общую сумму 4 400 руб. [24]. В РОНО Усть-Вымского, Сыктывдинского, Прилузского, Сысольского, Сторожевского, Усть-Куломского, Троицо-Печорского, Усть-Усинского районов 14 ноября 1934 г. платежом из Ленинграда через КрайОНО для трудпосёлков были высланы фотосерии «Страна должна знать своих героев». Необходимо было «немедленно выкупить» 40 комплектов на сумму 3 200 р. [25]. Всем заведующим РОНО 25 ноября 1934 г. от ОбОНО было разослано письмо № 279/с с извещением о том, что в Крайкнигоцентр поступает «довольно ценная литература, как поли-

тическая, сельскохозяйственная, художественная, так и детская», и данную литературу Крайкнигоцентр может направить наложенным платежом. ОбОНО предлагал срочно дать заказ на требующуюся литературу в КрайОНО за счёт 2%-ных отчислений и копию заказа выслать в ОбОНО. Копия извещения была также разослана Управлению Народного комиссариата внутренних дел и райкомендантам с просьбой к последним проверить выполнение данного отношения [26].

Школьные библиотеки снабжались учебниками и литературой через ОбОНО, который по соглашению с лесопромышленным трестом «Комилес» от 21.10.1931 брал на себя обязательства по снабжению школ учебными пособиями «в количествах, обеспечивающих нормальный ход школьных занятий» [27]. На заседании Коми Обкома ВКП(б) 25 октября 1931 г. отмечалось, что начавшие работу в некоторых районах спецпоселковые школы не обеспечены книгами и учебными пособиями [28].

ОбОНО достаточно активно занялся формированием школьных библиотек, поэтому в некоторых школах к середине 1930-х гг. комплектация учебников была практически полная, но все школы обеспечены учебниками не были. Школьный инспектор РОНО в акте обследования школы спецпосёлка Песчанка Усинского района, где обучалось 97 человек, 23 мая 1934 г. указывал, что «учебниками школы обеспечены по всем дисциплинам кроме природоведения и труда», но «учебными пособиями бедна особенно приборами, хотя бы для самых элементарных опытов» [29]. В отчёте Выльордомской начальной школы за первое полугодие 1934/35 учебного года отмечалось, что «обеспеченность учебниками и принадлежностями удовлетворительная», но школа «ничего не имеет из методической литературы по отдельным дисциплинам: математика, русский язык, естествознание, география, и т.д.» [30].

В других школах учебников было крайне малое количество. Зачастую проблемы были связаны с почтовой доставкой. В частности, на заседании комиссии по освоению спецпереселенцев при Коми облисполкоме 14 декабря 1932 г. отмечали, что «слишком медленно продвигаются почтой отправленные посылки с учебными и письменными принадлежностями ОбОНО, Коми Издательства и Книгоцентра» [31]. В начальной школе спецпосёлка Вежаю Усть-Куломского района в 1934/35 учебного году обеспеченность периодической печатью, литературой, учебниками была «недостаточная» [32]. В неполной средней школе пос. Расью в тот же период в отчётных документах указывалось: «Учебников недостаточно, по истории, географии, биологии, литературе имеется лишь по 3–4 учебника на класс. Нет пособий по труду». Также отмечалось, что «школа нуждается в художественной литературе и произведениях писателей классиков», была высказана просьба в адрес ОбОНО «при первой же возможности»

закупить их для школы и выслать, т.к. «отсюда закупить их нет возможности» [33]. В январе 1935 г. в отчете школы пос. Боровой Сторожевского района было указано, что «детской литературы нет, в этом году получили литературу, но в основном сельскохозяйственную» [34].

Подбор литературы для школьных библиотек осуществлялся, исходя из поставленных задач по идейному перевоспитанию спецпереселенцев и их детей. Как видно из *табл. 1*, литература была в основном партийно-идеологическая и техническая. В инструктивном письме КрайОНО по работе учреждений, «обслуживающих детей спецпереселенцев», декларировалось: «Учитывая, что среди спецпереселенцев, особенно для борьбы против советской власти используется религия и национализм, необходимо в деле коммунистического воспитания заострить особенно четко вопросы проведения антирелигиозного и интернационального воспитания, … уделить (внимание) работе в природе. Через наблюдение над явлениями и законами природы, использование человеком сил природы, необходимо отвлекать… от религиозного дурмана, разбивать предрассудки и суеверия, которые имеют место среди детей. Знакомя детей с производством (с заводом, совхозом, колхозом) необходимо обращать внимание детей на преимущества коллективного труда над индивидуальным, машины над ручным. Через чтение, рассказывание необходимо знакомить детей с вопросами социалистического строительства… брать литературу “Турксиб”, “Днепрострой” и др.» [35].

Таблица 1

Список книг, отправленных в Ниашорскую и Усть-Коинскую (спецпоселковые) школы, 1934 г.

№	Автор, издательство	Название	Кол-во экземпляров		
			Усть-Коин	Ниашор	Всего
1	Организация Севкрайкома ВКП(б)	Большевистская мысль. 1934 г. № 4	2	2	4
2	Партиздат	Резолюции XVII съезда ВКП(б) 1934 г.	2	2	4
3	Прядченко	Хозяйственный план Северного края на вторую пятилетку	2	2	4
4	Соколовская А.В.	Льняное семя Севера	1	1	2
5	Ядемский М.Б.	Геология и полезные ископаемые Северного края	1	1	2
6	Пунух П.	Два зерна	1	1	2

Продолжение табл. 1

7–9	Северная краевая плановая комиссия	Материал второй конференции по изучению производственных сил Северного края (в том числе)			
		Транспорт. Т.3	1	1	2
		Растительный мир и почвы. Т.2	1	1	2
		Недра. Т.1	1	1	2
10	Войчаль П.И.	Очистка мест рубок	1	1	2
11	Сталин	Об основах Ленинизма к вопросам Ленинизма			
12	Олещук Ф.	XVII ВКП(б) и задачи антирелигиозной работы	1	1	2
13	Потапов П.	Перестройка работы водного транспорта	1	1	2
14	Рябов Г.	О перестройке организационно-массовой партийной работы	1	1	2
15	Хорошко Т.	Состояние и задачи партийного просвещения в Северном крае	1	1	2
16	Партиздат	Постановления пленума Севкрайкома ВКП(б)	1	1	2
17	Скороходько	Как построить хороший скотный двор	1	1	2
18	Кудрявцев	Комс…	1	1	2
19	Фролов В.	Женщина в колхозах большая сила	1	1	2
20	Визе В.Ю.	История исследования Советской Арктики	1	1	2
21	Ленин	Задачи Комсомола	3	2	5
22	Конторин Д.	О культуре в быту работе и на производстве	2	3	5
23	Решетников Ф.Т.	Подлиповцы	1	1	2
24	Партиздат	Колхозники на приёме у товарища Сталина	2	1	3
25	Севкрайиздат	За большевистские зажиточные колхозы	1	2	3
26	Яшин А.	Песни Северу	2	2	4

Продолжение табл. 1

27	Партиздат	За превращение Северного края в мощную социалистическую фабрику молока и мяса	1	1	2
28	Иванов В.	За превращение Северного края в мощную социалистическую фабрику молока и мяса	1	2	3
29	Рослов, Евдокимов, Флоровский	Богатства Печоры на службу социалистическому строительству	1	1	2
30	Флоров В.И.	Годы борьбы политотдела	1	–	1
31	Молчанов И.	Север	1	–	1
32	Севкрайиздат	Шагает Север	–	1	1
33		Сборник. Воспитанные комсомолом	–	1	1
34	Костерин П., Маркелов М.	Новые строительные материалы Северного Края	–	1	1
35	Цыпкин С., Шурыгин С., Булыгин С.	Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке	–	1	1
36	Иванов Н.	Ледяная зона	1	–	1
37	Севкрайиздат	Завоюем недра Севера	–	1	1
38	Беляев К.	Календарные сроки и борьба с вредителями сельского хозяйства	1	1	2
39	Северная краевая плановая комиссия.	Материалы по народнохозяйственному плану Северного Края	1	–	1
40	Ульянов	Октябрьская революция и гражданская война в Коми области	–	1	1
41	Островский	Форпост советской науки в Арктике	1	–	1
42	Спирин В.	Культура огородных и плодовых растений на Севере	–	1	1
43	Партиздат	Сделаем революционную… источником новых побед социализма	1	–	1

Продолжение табл. 1

44	Дмитриев Б.В.	Пособие для бригадиров льноводных колхозов	–	1	1
45	Партиздат	Резолюции IV Северной Краевой Партконференции	1	–	1
46	Лермонтов Ю.М.	Избранные стихотворения	–	1	1
47	Шифтель	Путь в замечательное будущее	1	–	1
48	Иванов	За зажиточную колхозную жизнь	–	1	1
49	Серононянц Б.	Лагерный спутник вожатой	–	1	1
50	Отонков А.	Октябрьская революция и гражданская война…	1	–	1
51	Абрамович	На штурм весны	–	1	1
52	Федотов Н.	Лесохимия Северного края	1	–	1
53	Рождественская А.М.	Береги скот от заразы и береги скот от зараженных животных	1	1	2
54	Зайцев Б.	Лес и почвы Северного края	1	–	1
55	Горбацкий	Тундровая полоса Северного края	–	1	1
56	Ярославский	Биография Ленина	–	1	1
57	Севкрайиздат	Исторический пленум 2 ЦИК	1	–	1
58	Сельхозгиз	Пособия для бригадиров овощных колхозов	1	–	1
59	Молодая Гвардия	Постановление IX Пленума ЦК ВЛКСМ	1	–	1
60	Ленин	Об электрификации	–	1	1
61	Партиздат	Наказ телятнице	–	1	1
62	Партиздат	Наказ группе любителей и друзей животноводства	1	1	2
63	Постьянов	К XIII съезду партии Советская Украина пришла с крупными победами	1	1	2

Продолжение табл. 1

64	Суворов	Что должна знать доярка	1	1	2
65	Волягин	Механизация и электрификация молокопроизводства	–	1	1
66	Канторин Д.	Очередные задачи краевой партконференции по претворению решений XII съезда партии	1	–	1
	Всего		56	59	115

Источник: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.108.

Примечание: Стиль документа сохранен. В пунктах 18, 43, 50 рукописный текст частично не читается.

Кроме того, в спецпосёлках, где были организованы сельхозартели, требовалось от политпросветработников содействовать проведению подготовительных работ к севу, разъяснять агро- и зооминимум, для чего в каждой избе-читальне, красном уголке и школе необходимо было оборудовать специальные уголки с плакатами и литературой о сельском хозяйстве по отделам (полеводство, луговодство, животноводство, технические культуры) и организовать справочный стол, где сосредоточить литературу и директивы партии и правительства по сельскому хозяйству [36].

Общая численность учащихся в спецпоселковых школах в начале 1930-х гг. составила около 4 тыс. человек [37]. В 1932/33 учебном году были открыты национальные школы и национальные группы в следующих районах: Сторожевский – татарская школа с количеством обучающихся 75 человек; Усть-Куломский – немецкая школа на 80 обучающихся, 1 немецкая группа на 36 обучающихся; Прилузский – 2 немецкие группы с количеством обучающихся 74 человека; Сысольский – 3 немецкие группы с количеством обучающихся 78 человек. Учебниками национальные школы обеспечены не были. Заказ на учебники был дан только 1 сентября, т.е. к началу учебного года [38].

Коми ОбОНО 3 февраля 1933 г. направил в Госиздат Татарской Республики запрос для спецпереселенческих татарских школ 1-й ступени на учебники по обществоведению, математике, естествознанию, родному языку, географии и художественную литературу. ОбОНО обязывался оплатить книги по получении. Была отмечена просьба «заказ выполнить без задержки», т.к. национальные татарские школы работают без нацучебников [39].

Нет сведений о том, были ли получены учебники на татарском языке, но аналогичный заказ по учебникам на немецком языке был выполнен.

На адрес ОбОНО 9 февраля 1933 г. было выслано 5 посылок («школьная библиотека для младшего и среднего возраста на немецком языке»). Посылки были отправлены Немецким Государственным Издательством «Немгосиздат», Немреспублика, г. Энгельс, ул. Халтурина – 7 (*Deutscher Staats-Verlag «Nemgosisdat» Volgadeutsche Republic, St. Engles, Chalturinstrasse* – 7) наложенным платежом на сумму 143 руб. 96 коп. [40].

Сразу после получения литература была распределена по спецпоселковым школам, где шло обучение на немецком языке (см. *табл. 2*).

Таблица 2

Распределение учебников и учебных материалов для спецпосёлковых школ с обучением на немецком языке (экз.), февраль–март 1933 г.

	Район	Немецкие школы (спецпосёлок)	Число обучающихся на немецком языке	Учебник по обществознанию	Учебник по математике	Учебник по географии	Географические карты
1	Усть-Вымский	Ветью	41		3	2	1
2	Усть-Куломский	Вежаю	104	9	6	3	1
3		Ыndын	36	6	2	1	1
4	Прилузский	Вельдорская уч. № 1	37	7	2	1	2
5		Немецкий пос. № 8	49	8	3	2	2
6		Соръель	не указ.	–	–	–	1
7		Усть-Вель	не указ.	–	–	–	1
8	Сыктывдинский	Вак-Вад	81	8	2	1	1
	Итого		348	37	18	10	10

Составлено и подсчитано по: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.44, 45, 53.

Вероятно, в последующем учебники на немецком языке в область уже не поступали. В отчёте ОбОНО по культурному обслуживанию спецпосёлков Коми области за первое полугодие 1933/34 учебного года отмечалась необеспеченность учебниками на татарском и немецком языках [41].

Инспектором Отдела спецпоселений Коми областного отдела Объединённого Государственного политического Управления (далее – КОООГПУ), проверявшим школы, в отчёте, направленном в ОбОНО 3 декабря 1933 г., указывалось: «В национальных школах спецпосёлков очень мало имеются учебные пособия, в частности немецкая школа в Прилузском р-не» [42].

Большой проблемой было обучение неграмотных и малограмотных. В сентябре 1931 г. из 42 825 спецпереселенцев было учтено 2 886 неграмотных [43]. Специальные учебники практически отсутствовали. В школе для взрослых в 1933 г. в спецпосёлке Ыndын Усть-Куломского района на 43 человека был 1 учебник [44]. В спецпосёлке Одью Сторожевского района, население которого было татарским, в 1935 г. было 2 неграмотных и 11 малограмотных спецпереселенцев. Учебника на татарском языке для их обучения не было [45]. Как правило, обучением взрослых занимались школы, поэтому вопрос решался за счёт использования школьных учебников.

Сложной была ситуация с подпиской и получением газет и журналов, которыми также комплектовались библиотеки. Спецпереселенцы самостоятельно организовывали почтовую доставку [46]. Литературу выписывали сами спецпереселенцы, школы и клубные учреждения. В библиотеке пос. Песчанка Усинского района на 24 мая 1934 г. выписывались газеты и журналы «Известия ЦИК», «Правда Севера», «Социалистическое земледелие», «Комсомольская правда», «Безбожник», «Труд», «Красная Печора», «Крокодил», «Помощь партийной учебе», «Работница», «Правда», «Советская ветеринария» и др. [47].

В школу пос. Одью Сторожевского р-на в 1934 г. поступали газеты «Правда Севера», «За новый Север», «Северный комсомолец», из журналов – «Крокодил», «Большевик» и др. [48]. В этот же период при обследовании пос. Сапыч отмечалось, что «высылаются газеты на коми языке, на русском поступает мало, центральных совсем нет, несмотря на производимую подписку» [49]. Далеко не вся выписанная литература доходила до спецпоселков (см. *табл. 3*). Это происходило либо по вине почты, либо потому, что было лимитировано количество экземпляров [50].

План развёртывания культобслуживания спецпереселенцев на 1932 г. предполагал организацию библиотек в каждом спецпосёлке с общим количеством книг 5 255 экземпляров [51]. К 1933 г. в спецпосёлках Коми области было организовано 10 клубов, а также 11 изб-читален и 16 красных уголков с 5 129 книгами в них [52]. Объём библиотечного фонда в библиотеках был небольшим. Например, в пос. Песчанка Усинского района. 24 мая 1934 г. насчитывалось 310 книг и 62 читателя [53]. Но количество книг увеличивалось достаточно быстрыми темпами. В спецпосёлках Сторожевского района 20 апреля 1932 г. было всего 842 книги [54], а на 1 июля

Таблица 3

Снабжение периодической печатью спецпосёлков Усть-Куломского района (10 марта 1932 г.)

	Спецпосёлок	Сумма, на которую выписывались газеты и журналы (руб.)	Объём поступавших выписанных изданий
1	Ыndын	20	Нет
2	Крутобор	165	Нет
3	Окос	89	Нет
4	Лопью-Вад	85	5%
5	Чудью	27	Нет
6	Тимшер	63	5%
7	Пивью	24	Нет
8	Зинстан	45	3%
9	Вежаю	80	Нет
10	Лесной Чер	78	9%
	Итого	676	2,2%

Источник: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.Р-148. Оп.1. Д.638. Л.55.

1934 г. уже 2 148 книг [55]. Комплектование библиотек происходило за счёт как закупки книг на средства 2% отчислении, так и сбора «книг у населения и среди служащих» [56].

В целом число книг в спецпоселковых библиотеках было ниже, чем в сельских. Например, в 1932 г. в 9 спецпоселковых библиотеках Усть-Куломского района насчитывалось 1 967 книг [57]. В сельских библиотеках этого же района постоянный библиотечный фонд в 1938 г. насчитывал: в с. Керчемье – 1 441 экземпляров, в с. Мыелдино – 1 990 экземпляров [58].

В конце 1930-х гг. были организованы передвижные библиотеки. В частности, в Усть-Куломском районе в 1939 г. действовало 13 передвижных библиотек на 344 книги, в том числе в спецпосёлке Лопью-Вад передвижная библиотека на 20 книг и 3 передвижные библиотеки в пос. Пивью на 56 книг [59].

В спецпосёлках помимо штатных культпросветработников появились культактивисты («актива посёлка»), в том числе книгоноши. Характеристика библиотечной работы в спецпосёлках в 1934 г. должна была включать следующие пункты: наличие книг, их пригодность, количество читателей, книгонош, работа справочного бюро, альбомы отзывов о книгах, громкие читки книг, литературные суды, доска вопросов и ответов, доска рационализаторских предложений, количество выписанных газет (какие

газеты и работа с ними) [60]. Например, В 1939 г. в Усть-Куломском районе насчитывалось в общем 188 чтецов, беседчиков, культорганизаторов и книгонош, в том числе 80 в спецпосёлках [61].

Основные жалобы по комплектованию библиотек, поступавшие из спецпосёлков, сводились к тому, что «почти совершенно отсутствовала» художественная литература [62].

Достаточно сложно сказать, художественная литература каких наименований поступала в спецпоселковые библиотеки. Но по списку пьес, рекомендованных для спецпосёлков, можно судить о том, какая художественная литература была допущена цензурой для спецпереселенцев (см. *табл. 4*).

Таблица 4

Список пьес, рекомендованных для спецпосёлков, 1933 г.

№№	Пьеса	Автор	№№	Пьеса	Автор
1	Хлеб	Киршов	31	Книга	Глебов
2	Ярость	Янковский	32	Миллион Антониев	Катаев
3	Мятеж	Фурманов	33	Квадратура круга	Катаев
4	Рельсы гудят	Хиршон	34	Простая вещь	Лавренев
5	Чапаев	Фурманов	35	Компас	Не указано
6	Любовь Яровая	Тренев	36	Головоногий человек	Гладков
7	Шторм	Билль-Белоцерковский	37	Первая зарубка	Власов
8	Голос недр	Билль-Белоцерковский	38	Междубурье	Курдин
9	Собственность	Персонов	39	Военком	Не указано
10	Метель	Власов	40	Плавятся дни	Львов
11	Чужое сердце	Субботин	41	Разлом	Лавренев
12	Прорыв в любви	Чуркин	42	Жена	Тренев
13	Ледолом	Чуркин	43	Армия мира	Никулин
14	Инженер Мерц	Никулин	44	Путь	Колосов
15	Ясный лог	Тренев	45	Взлет	Ваграмов
16	Тема	Погодин	46	Блокада	Иванов
17	Поэма о топоре	Погодин	47	Диктатура	Микитенко
18	Мой друг	Погодин	48	На крови	Мстиславский
19	Муки слова	Билль-Белоцерковский	49	Сигнал	Полеванов

Продолжение табл. 4

20	Снег	Погодин	50	Путина	Слезкин
21	Наша молодость	Карташев	51	Гора	Чалая
22	Время вперед	Катаев	52	Альбина Мегурская	Шапова-ленко
23	Жизнь меняется	Не указано	53	В дальней фактории	Шапова-ленко
24	Девушка нашей страны	Микитенко	54	Вторая весна	Субботин
25	Ненависть	Не указано	55	Служили два товарища	Квасниц-кий
26	Разбег	Ставский	56	Опечатка	Не указано
27	Разгром	Фадеев	57	Черви	Розенбаум
28	Мстислав Удалой	Прутт	58	Но, но, без паники	Квасниц-кий
29	Авангард	Катаев	59	Кто идет	Шкваркин
30	Бронепоезд 14-69	Иванов			

Источник: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.Р-148. Оп.1. Д.600. Л.79.

Примечание: Стиль документа сохранен.

Несмотря на активное пополнение библиотечных фондов в спецпосёлках, порядок в библиотечном деле навести удалось далеко не сразу. В письме № 279/с от 25.11.1934, направленном ОбОНО всем заведующим РОНО и райкомендантам спецпосёлков, указывалось: «Имеются случаи безобразного отношения красноугольцев к хранению книжного фонда в библиотеках, а также к имуществу клубов и изб-читален. Не имеются инвентарные книги, при смене избачей и красноугольцев приемо-сдаточные акты не составляются, не требуется бережное отношение к книге от читателя. Предназначенные книги для красных уголков трудпосёлков расходуются не по прямому назначению. Такому халатному отношению к социалистической собственности нужно положить конец. На основании распоряжения КрайОНО № 105 – предлагается заведующим РОНО дать указания по всем полит/просвет работникам о немедленном проведении инвентаризации полит/просвет имущества и срочного составления каталога библиотек. Копии каталогов, и инвентарных книг библиотек и красных уголков за подписью красноугольцев, заверенное комендантом поселка должны быть направлены в РОНО, на предмет производства периодического учета и контроля» [63].

Упорядочению библиотечной работы не способствовал и кадровый вопрос. В каждом спецпосёлке должен был быть 1 культработник, который выполнял в том числе функции библиотекаря. Предполагалось, что в культурно-просветительских учреждениях будут работать только вольнонаёмные работники. Отдел спецпоселений КОООГПУ в письме от 02.09.1932 ставил вопрос перед ОбОНО о необходимости «добиться выполнения решения Крайкомсомола о мобилизации 26 комсомольцев в качестве избачей спецпереселенческих клубов, изб-читален и красных уголков, с тем, чтобы существующая сеть культмассового просвещения была полностью обеспечена работниками» [64]. Вольнонаёмные работники в спецпосёлках получали повышенную ставку по сравнению с жителями сельской местности, заведующие клубами – 150 руб., избами-читальнями – 130 руб. [65]. Однако постоянные задержки зарплаты не способствовали притоку кадров. За 1932 г. задолженность по зарплате работникам культурно-просветительских учреждений составила 43 943 руб. [66]. В итоге, например, в 1933 г. Сторожевском районе не было политпросветработников в 3 посёлках, а в спецпосёлках Троицко-Печорского района политпросветработники отсутствовали. Так как идеологическая работа в этих посёлках не проводилась, Коми Областной Отдел ОГПУ направил в Коми ОблОНО письмо № 16531, в котором отмечалось, что «районные отделы народного образования спецпоселки Области Коми не сумели полностью обеспечить соответствующими политпросветработниками», вследствие чего дело «обстоит из рук вон плохо». КОООГПУ обратился с просьбой «безотлагательно принять самые реальные меры» [67].

Проблему нехватки кадров решили за счёт привлечения самих спецпереселенцев. Осенью 1934 г. в связи с «плохой постановкой культпросветработы на трудпоселках» по причине «недостатка кадров с одной стороны и текучестью вольнонаёмных работников с трудпосёлков – с другой» были организованы 6-месячные курсы при совпартшколах для подготовки и переподготовки кадров политпросветработников по обслуживанию трудпосёлков и 10-месячные курсы учителей при педтехникумах. На курсы принимались спецпереселенцы, восстановленные в правах, проявившие себя передовиками как на производстве, так и в общественной жизни трудпосёлка [68]. Практика подготовки кадров на курсах была широко распространена и продолжилась в дальнейшем.

В заключение следует отметить, что спецпереселенческие библиотеки в первой половине 1930-х гг. организовывались и комплектовались исходя из задач политико-воспитательной работы среди спецпереселенцев. Библиотечные фонды состояли в основном из идеологической и технической литературы. Крайне недостаточно поступало в спецпосёлки газет и журналов из периодической литературы.

* * *

1. *Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д.* Социально-культурная деятельность: учеб. пособие. – М.: Московский государственный университет культуры и искусств, 2004. – URL: http://gendocs.ru/v3349/лекции_-_социально-культурная_деятельность

2. *Рябков В.М.* Историография функций библиотек в педагогической литературе 60–80 гг. XX в. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2007. – № 2 (12). – С.12–20.

3. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р148. Оп.1. Д.576. Л.110.

4. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.53–54.

5. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.616. Л.39.

6. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.616. Л.31.

7. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.53–54.

8. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.616. Л.31, 32, 37.

9. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.133.

10. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.33.

11. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.49.

12. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.28.

13. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.24.

14. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.616. Л.10.

15. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.854. Л.19.

16. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.730. Л.80.

17. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.8.

18. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.46 об.

19. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.81.

20. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.37.

21. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.676. Л.9.

22. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.32, 40.

23. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.71.

24. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.64, 65.

25. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.96.

26. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.100.

27. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.46 об.

28. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.576. Л.2.

29. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.730. Л.14.

30. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.854. Л.19, 22.

31. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.600. Л.48.

32. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.854. Л.83 об.
33. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.854. Л.61.
34. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.854. Л.77.
35. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.600. Л.21.
36. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.69–69 об.
37. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.91.
38. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.600. Л.40–41.
39. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.30.
40. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.54.
41. НА РК. Ф.Р-148. Оп 1. Д.731. Л.19.
42. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.203.
43. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.616. Л.6.
44. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.199.
45. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.854. Л.67.
46. *Игнатова Н.М.* Работа учреждений клубного типа в спецпосёлках Коми республики в 1930-е гг. // Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность: сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2014. – С.84.
47. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.730. Л.29.
48. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.854. Л.66.
49. НА РК. Ф.Р-374. Оп.1. Д.4. Л.261.
50. *Игнатова Н.М.* Указ. соч. – С.84.
51. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.616. Л.35.
52. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.36.
53. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.730. Л.29.
54. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.638. Л.28.
55. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.730. Л.56.
56. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.200.
57. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.638. Л.55.
58. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.831. Л.50.
59. НА РК. Ф.Р-241. Оп.1. Д.145. Л.56.
60. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.22.
61. НА РК. Ф.Р-241. Оп.1. Д.145. Л.58.
62. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.854. Л.19.
63. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.100.
64. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.600. Л.4.
65. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.69.
66. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.29.
67. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.690. Л.197.
68. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.731. Л.90, 102.

УДК 93/94

А.А. Нисковский,
мл. научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР В 1930-е гг. (на материалах Республики Коми)*

В начале 1930-х гг. во всех сферах жизни населения Коми автономной области (далее – Коми АО) происходили модернизационные процессы, что было связано со складыванием командно-административной системы в СССР. Коми регион постепенно превращался в сырьевой придаток центральных районов страны. Государственные плановые органы уделяли основное внимание развитию наиболее выгодных в экономическом понимании отраслей народного хозяйства.

В предвоенные годы Коми АО, а с 1936 г. – Коми Автономная Советская Социалистическая Республика (Коми АССР) стала важным аграрно-индустриальным регионом Европейского Севера. Производство валовой продукции народного хозяйства увеличилось почти в 3,5 раза. В это же время были заложены основы развития угольной индустрии и транспортной системы. Новые предприятия требовали квалифицированных кадров, что не раз отмечалось местной властью. На XI Коми областной партийной конференции ВКП(б) в 1930 г. говорилось: «У нас чрезвычайно острый недостаток в квалифицированных кадрах. Мы буквально задыхаемся в недостатке технических кадров» [1].

Поэтому в 1930-е гг. начинают открываться профшколы, школы ФЗУ и техникумы. К 1930 г. количество техникумов в области увеличилось до 7 с отделениями: животноводческое, колхозное, землеустроительное, строительное, механическое, лесозаготовительное, мелиоративное, транспортное, лесосплавное, акушерское, сестринское [2].

© Нисковский А.А., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

Стоит отметить, что большинство учебных заведений на территории Коми края стало функционировать в 1930-е годы. Техникумы готовили кадры для различных сфер, в том числе учителей, медицинских работников, специалистов сельского хозяйства, строительства, лесной, нефтяной и горной промышленности.

За годы первой пятилетки, по информации Г.С. Филимонова, в Коми АО открылся ряд специальных средних учебных заведений – лесной, строительный, кооперативный, медицинский, педагогический и горный техникумы, а всего к 1932 г. в области работало 8 техникумов, 4 школы ФЗУ, 4 школы леспромхозуча и 3 рабфака [3]. Тем не менее выполнить задачу, поставленную партийными и советскими органами власти, по подготовке к 1931 г. 10 000 рабочих [4] региону не удалось – за период 1928–1932 гг. из этих учреждений внутри региона было выпущено около 1 200 человек.

Решающее значение в подготовке инженерно-технических работников среднего звена в период социалистической индустриализации стали играть новые техникумы: лесное отделение при Сыктывкарском сельскохозяйственном техникуме, Сыктывкарский индустриальный техникум (1930), Ухтинский горный техникум (1932) и Усть-Усинский угольный техникум (1932) [5]. Тем самым в некоторой степени были удовлетворены растущие потребности региона в специалистах со средним профессиональным образованием.

В 1929 г. в столице Коми АО был организован Сыктывкарский индустриальный техникум (будущий строительный), который первоначально имел отделения двигателей внутреннего сгорания и паросиловое. В сентябре 1932 г. техникум получил название теплоэлектромеханического. Одновременно с этим на основании Приказа № 97 от 21.09.1932 по Управлению уполномоченного НКТП при Коми СНК был открыт строительный техникум с отделениями дорожного, промышленного и гражданского строительства. К концу 1932 г. теплоэлектромеханический техникум был ликвидирован и преобразован в механическое отделение строительного техникума. Уже в 1930-е гг. техникум был укреплён преподавательскими кадрами. Так, в 1939 г. в нем работало 20 педагогов, из них 15 – постоянно. Срок обучения студентов продолжался 4 года. Студенты проходили обязательную производственную практику. Например, в 1932–1934 гг. учащиеся строительных отделений «направлялись на летнюю практику на предприятия треста “Комилес”, стройобъединения, Госпароходства, на лесопильный завод, а также в районы Коми АССР» [6].

Первого августа 1930 г. на базе лесохозяйственного отделения Ульяновского сельскохозяйственного техникума в г. Сыктывкаре был основан Ухтинский лесотехнический техникум (перенесён в Ухту в 1958 г.). В год

основания контингент студентов состоял из 165 человек, учившихся на двух отделениях – «лесоэксплуатационном и гидротехническом. В техникуме работали 18 преподавателей и инструкторов практического обучения» [7].

В сентябре 1930 г. был открыт Ижемский зооветеринарный техникум. Первоначально он назывался Ижмо-Печорский оленеводческий техникум и находился в с. Мохча, однако 19 мая 1931 г. Президиум Ижмо-Печорского райисполкома Коми АО принял решение о его переводе в с. Ижма [8]. Данное учебное заведение находилось в ведении Наркомзема РСФСР. Это был первый техникум, готовивший специалистов-олентехников для всего Крайнего Севера страны.

7 октября 1930 г. на базе Кирульской школы был организован Сыктывкарский кооперативный техникум. В первое время он имел всего 4 помещения для занятий. В 1932 г. было выстроено новое здание техникума по ул. Бабушкина, где располагалось 5 учебных кабинетов, и общежитие находилось в этом же здании. Кооперативный техникум готовил бухгалтеров, плановиков-статистов, товароведов. В 1938 г. из него выпустилось 12 бухгалтеров и 10 плановиков [9].

Первого октября 1931 г. был открыт Усть-Вымский педагогический техникум им. Покровского с одним отделением – школьным. Это учебное заведение «по производственному плану готовило преподавателей массовой коми школы 1-й ступени с использованием их в отдельных случаях на работе в школах повышенного типа» [10].

По инициативе треста «Арктикуголь» 23 сентября 1932 г. в с. Ижма был создан горный техникум (впоследствии – Ухто-Печорский горный и горно-нефтяной техникум) [11]. Предположительно в декабре 1932 – январе 1933 г. из системы «Арктикугля» он был передан в административно-хозяйственное ведение горно-металлургического управления НКВД СССР с непосредственным подчинением УПИТЛагу (Ухто-Печорский трест), а в августе 1933 г. переведён из с. Ижма в пос. Чибью. Техникум готовил специалистов по эксплуатации пластовых месторождений, горной электромеханике, эксплуатации нефтяных и газовых скважин. За предвоенные годы из данного учебного заведения выпустилось 293 дипломированных специалиста, в том числе 119 горных техников электромехаников, 72 техника по эксплуатации пластовых месторождений и 102 техника по бурению и эксплуатации нефтяных и газовых скважин [12].

Девятнадцатого мая 1935 г. постановлением Совета народных комиссаров СССР и приказом народного комиссара водного транспорта в г. Сыктывкаре был организован речной техникум для подготовки судоводителей и судомехаников из коренного населения Республики Коми для Печорско-

го пароходства [13]. В 1936 г. техникум переехал в с. Шельяюр Ижемского района (уже с этого времени он назывался Печорским речным училищем, однако в Печору был переведён только в 1954 г.).

В 1933 г. в средних профессиональных учебных заведениях Коми области числилось 198 педагогов [14]: больше всего – в Сыктывкарском педагогическом техникуме (22 человека), Строительном техникуме (25 человек), Кооперативном техникуме (28 человек). В то же время, судя по отчётам Коми областного отдела народного образования, на тот момент в среднем профтехобразовании имелась нехватка 15 преподавателей, по бóльшей части литераторов-языковедов. Решалась эта проблема весьма просто: «Исходя из тех реальностей, что большинство профтехшкол расположены и в самом областном центре или в крупных районах, где учебные заведения расположены компактно, то из укомплектованных наличным составом преподавательских кадров не комплект может быть покрыт по совместительству или работниками коми техникумов в городе или работниками ШКМ и ФЗС в районе» [15].

Что касается количественного состава учащихся техникумов, то на 1933 г. имеется цифра в 3 180 человек, при этом больше всего студентов обучалось в Сыктывкарском педагогическом техникуме (269 человек), Строительном техникуме (222 человека), Кооперативном техникуме (230 человек) и Совпартшколе (220 человек) [16].

В период второй пятилетки (1933–1937) в Коми области было открыто 4 новых техникума. Таким образом, в 1937 г. в регионе работало 12 техникумов, 3 рабфака, в которых, по данным М.А. Ташлыкова, обучалось более 3 000 человек [17]. Однако, несмотря на такие показатели, всё ещё остро чувствовалась нехватка рабочих кадров, которая отчасти объяснялась малым итоговым выпуском из учебных заведений (в 1936/37 учебном году средние специальные учебные заведения области выпустили лишь 226 специалистов) и увеличением количества промышленных предприятий, требовавших новой рабочей силы. Приток рабочей силы происходил, как и ранее, в основном за счёт выходцев из деревни, получивших начальное и среднее профобразование.

В подготовке квалифицированных кадров в Коми крае существовал ряд проблем. В первую очередь это недостаток средств. Не хватало мест в общежитиях, не были оборудованы кабинеты и зачастую отсутствовал инвентарь. Вторая проблема – нехватка квалифицированных преподавательских кадров. В частности, в середине 1930-х гг. недоставало уже 25 преподавателей техникумов [18]. Третьей проблемой, по О.В. Золотареву, являлась проблема набора учащихся [19]. Так, газета «За новый Север» отмечала, что летом 1935 г. необходимо было принять в техникумы области

775 человек, а заявлений подано 99 [20]. Следует учитывать, что уровень знаний выпускников школ был невысок, что было связано с рядом причин.

Тем не менее в Коми автономии в 1930-е гг. были достигнуты определённые успехи в деле подготовки профессиональных кадров. Значительно выросла сеть профессиональных учебных заведений. Действовали педагогический институт, 3 педучилища, 3 индустриальных техникума (горный, лесной, строительный), 2 сельхозтехникума, водный техникум, фельдшерско-акушерская школа и кооперативный техникум. Только за первую пятилетку (1928–1932) техникумы, ФЗУ и совпартшкола выпустили 1 100 специалистов. К концу 1930-х гг. они выпускали уже около 2 000 специалистов в год [21].

Таким образом, если говорить о довоенном периоде, бóльшая часть средних профессиональных учебных заведений Республики Коми была открыта в 1930-е гг., что связано с нарастанием социально-экономических процессов советской индустриализации и увеличением потребности открытых в регионе предприятий в квалифицированных кадрах. Несмотря на ряд проблем, связанных с низким уровнем материально-технического обеспечения, нехваткой опытных педагогов, часто неполным набором студентов, свои задачи техникумы выполняли на достойном уровне.

* * *

1. Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937: стат. сб. – Сыктывкар, 1979. – С.126.

2. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р-3. Оп.1. Д.95. Л.8 об.

3. См.: Очерки истории Коми партийной организации. – Сыктывкар, 1964. – С.156–157.

4. *Давыдов В.Н., Старцев В.В., Дегтев В.С., Александров А.Н.* Социалистическая индустриализация Коми АССР (1926–1937 гг.). – Сыктывкар, 1966 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Президиум Коми НЦ. Оп.12. Д.50. Л.191.

5. Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970 гг. – М., 1974. – С.73.

6. НА РК. Ф.Р-192. Оп.1. Д.103. Л.36.

7. НА РК. Ф.Р-1283. Оп.1. Д.2. Л.21.

8. НА РК. Ф.Р-3. Оп.1. Д.617. Л.104.

9. НА РК. Ф.Р-1547. Оп.1. Д.125. Л.27.

10. НА РК. Ф.Р-1251. Оп.1. Д.1. Л.3.

11. НА РК. Ф.Р-3. Оп.1. Д.618. Л.51.

12. НА РК. Ф.Р-1775. Оп.1. Д.297. Л.76.
13. НА РК. Ф.Р-183п. Оп.1. Д.3. Л.7.
14. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.716. Л.65.
15. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.716. Л.100.
16. НА РК. Ф.Р-148. Оп.1. Д.716. Л.66.
17. См.: Очерки истории Коми партийной организации... – С.182.
18. *Безносиков Я.Н.* Развитие народного образования в Коми АССР. – Сыктывкар, 1973. – С.76.
19. *Золотарев О.В.* История народного образования в Республике Коми: учеб. пособие. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2002. – С.90.
20. См.: За новый Север. – 1935. – 2 июля.
21. *Золотарев О.В.* Указ. соч.

УДК 930:377(470.1/.2)“1950/1980”

А.М. Мацук,
канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО БЛОКА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР (1950–1980-е годы)*

Организация советской системы образования, здравоохранения и культурно-просветительной работы предполагала наличие большого количества подготовленных кадров. Воспитатели дошкольных учебных заведений, учителя начальной школы, средний медицинский персонал (медицинские сёстры, фельдшеры, зубные врачи), клубные и библиотечные работники, другие специалисты указанных сфер народного хозяйства в основном готовились в средних специальных учебных заведениях (училищах) в регионах своего проживания. К 1950-м гг. система средних специальных учебных заведений педагогического, медицинского и культурно-просветительного профилей на Европейском Севере СССР уже сложилась. В последующие годы она функционировала, частично подвергаясь определённым модернизациям.

Историография указанной системы, как и вообще системы среднего специального образования на Европейском Севере СССР в 1950–1980-х гг., достаточно небольшая. В обобщающих трудах по истории регионов приведены отдельные факты по наличию таких средних специальных учебных заведений и иногда по числу окончивших их выпускников [1]. В Карельской и Коми АССР два исследователя (С.В. Бархатова и Я.Н. Безносиков) [2], специально занимавшихся историей среднего специального образования, уделяли внимание, наряду с другими вопросами, и истории педагогических, медицинских и культурно-просветительных училищ в своих

© Мацук А.М., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

регионах в 1950-е и 1950-е – 1960-е гг. соответственно. Имеется также значительный пласт юбилейной литературы по отдельным средним специальным учебным заведениям [3], однако она, как правило, информационно недостаточно ёмкая и не может применяться для анализа всей системы училищ указанного профиля за большой промежуток времени (1950–1980-е гг.) на всей территории Европейского Севера страны.

В настоящей работе мы, основываясь на данных как опубликованных в регионах Европейского Севера СССР статистических сборников, так и статистических отчётов, отложившихся в Национальном архиве Республики Коми, ставим своей задачей проследить динамику числа средних учебных заведений социального блока на территории Европейского Севера СССР в 1950–1980-е гг., а также выявить общие черты и особенности этой системы в отдельных регионах.

Прежде всего, покажем профессиональную принадлежность и географию средних специальных учебных заведений рассматриваемого профиля. Необходимо уточнить, что в статистических сборниках по некоторым регионам (в частности по Мурманской области) и некоторым временны́м периодам содержится информация лишь общего плана (т.е. показано лишь общее количество всех техникумов и училищ), что оставляет лакуны в детальном перечислении учебных заведений именно социального блока.

В 1950–1980-х гг. на территории Европейского Севера СССР находились следующие средние специальные учебные заведения педагогического, медицинского и культурно-просветительного профилей.

Архангельская область.

В Архангельской области на начало 1956/57 учебного года существовали: Архангельское педагогическое училище с заочным отделением; Каргопольское и Нарьян-Марское педагогическое училище; Архангельский техникум физической культуры; Архангельское медицинское училище № 1; Архангельское 2-е медицинское училище фельдшеров-лаборантов; Архангельское медицинское училище № 3; Маймаксанское медицинское училище; Архангельское фармацевтическое училище; Котласское и Вельское медицинские училища; Архангельская культпросветшкола; Архангельское музыкальное училище.

К этому времени были закрыты 4 педагогических училища, существовавших в 1950-х гг.: Вельское, Емецкое, Сольвычегодское, Шенкурское [4].

На начало 1957/58 учебного года существовали: Архангельское, Каргопольское, Нарьян-Марское педучилища; Первое Архангельское медицинское училище; Архангельское фармацевтическое училище; Маймаксанское, Котласское, Вельское медицинские училища; Архангельская культурно-просветительная школа; Архангельское музыкальное училище.

На начало 1961/62 учебного года действовали те же училища, за исключением одного – Вельское медицинское училище было закрыто [5]. Таким образом, за 50-е – начало 60-х гг. в Архангельской области были закрыты: 5 педагогических и 3 медицинских училища. Если в начале 1950-х гг. в области действовали 17 училищ по рассматриваемому в статье профилю, то в 1956/57 учебном году – 13; в 1957/58 учебном году – 10, в 1961/62 учебном году – 9; в 1965 г. – 10 [6].

Сводные данные по Архангельской области представлены в *табл. 1.*

Таблица 1

Количество средних специальных учебных заведений социального блока в Архангельской области в 1950–1960-х гг.

Годы	Кол-во учебных заведений по профилю			
	Педагогические	Медицинские	Культура и искусство	Всего
Начало 1950-х гг.	8	7	2	17
1956/57 учебный год	4	7	2	13
1957/58 учебный год	3	5	2	10
1961/62 учебный год	3	4	2	9
Середина 1960-х гг.	4	4	2	10

Составлено по: Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. – Архангельск: Архангельское книжное изд-во, 1957. – С.130; Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. – Вологда: Госстатиздат, 1962. – С.140; Котлас. Очерки истории. – Архангельск: Правда Севера, 2001. – С.136.

Вологодская область.

В Вологодской области на начало 1959/60 учебного года существовали следующие средние специальные учебные заведения: Вологодское музыкально-педагогическое училище; Вологодское и Велико-Устюгское педагогические училища; Сокольское дошкольное педагогическое училище; Череповецкое и Вологодское медицинские училища; Вологодское музыкальное училище; Областная культпросветшкола (Кириллов) [7].

В 1960-х гг. Вологодское музыкально-педагогическое училище получило название Вологодского педагогического училища № 2. Появились новые учебные заведения: Белозерское педагогическое училище, Белозерское медицинское училище, Велико-Устюгское медицинское училище, Череповецкое музыкальное училище [8].

Сводные данные по Вологодской области представлены в *табл. 2.*

Мурманская область.

В Мурманской области в 1950-х гг. существовало 3 средних специальных учебных заведения социального блока: Мурманское педучилище,

Таблица 2

Количество средних специальных учебных заведений социального блока в Вологодской области в 1950–1970-х гг.

Годы	Кол-во учебных заведений по профилю			
	Педагогические	Медицинские	Культура и искусство	Всего
Конец 1950-х гг.	4	2	2	8
1960-е – начало 1970-х гг.	5	4	3	12

Составлено по: Народное хозяйство Вологодской области. Статистический сборник. – Вологда: Государственное статистическое изд-во, 1960. – С.118–119; Народное хозяйство Вологодской областиза в годы Советской власти: стат. сб. – Вологда, 1967. – С.156; Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сб. – Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, 1971. – С.171–172.

Медицинское училище в Хибиногорске (Апатитах), Мурманское музыкальное училище. Педагогическое и медицинское училища работали уже с начала 1930-х гг., музыкальное училище – с конца 1950-х годов.

В 1960-х гг. список учебных заведений был расширен за счёт открытия в 1967 г. Мончегорского техникума физкультуры. Таким образом, в 1960–1970-х гг. в Мурманской области действовали 4 учебных заведения изучаемого профиля.

В конце 1980-х гг. здесь функционировали уже 5 средних специальных учебных заведения социального блока – за счёт открытия в 1988 г. Мурманского медицинского училища [9].

Сводные данные по Мурманской области представлены в *табл. 3.*

Таблица 3

Количество средних специальных учебных заведений социального блока в Мурманской области в 1950–1980-х гг.

Годы	Кол-во учебных заведений по профилю			
	Педагогические	Медицинские	Культура и искусство	Всего
1950-е гг.	1	1	1	3
1960-е гг.	2	1	1	4
1970-е гг.	2	1	1	4
1980-е гг.	2	2	1	5

Составлено по: Киселев А.А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). – Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1974. – С.496–501; Население, культура, здравоохранение и труд в 1977 году: стат. сб. – Мурманск, 1978. – С.42; Население, культура, здравоохранение и труд в 1980 год: стат. сб. – Мурманск, 1981. – С.60.

Карельская АССР.

В Карельской АССР на начало 1948/49 учебного года функционировали 13 техникумов и училищ, среди них: физкультурное, 2 школьных (Петрозаводское и Пудожское) и 1 дошкольное педучилища, фельдшерско-акушерская школа, музыкальное училище [10].

В 1959/60 учебном году работали следующие училища социального блока: педагогическое школьное, педагогическое дошкольное, медицинское и музыкальное училища и культпросветшкола [11], т.е. были закрыты 2 педучилища – физкультурное и Пудожское школьное педучилище.

В начале 1960-х гг. были открыты 3 медицинских училища: Кондопожское, Сегежское и Сортавальское. Таким образом, всего в 1960-е гг. действовали 8 средних специальных учебных заведений социального блока.

В начале 1970-х гг. в Карельской АССР работали: Петрозаводские педагогические училища № 1 и № 2; Петрозаводское, Сегежское и Сортавальское, Кондопожское медицинские училища; Петрозаводское музыкальное училище; Петрозаводская культпросветшкола [12].

В середине 1970-х гг. были закрыты Сортавальское и Кондопожское медицинские училища; к 1980 г. закрыто Сегежское медицинское училище [13].

Сводные данные по Карельской АССР представлены в *табл. 4.*

Таблица 4

Количество средних специальных учебных заведений социального блока в Карельской АССР в 1950–1980-х гг.

Годы	Кол-во учебных заведений по профилю			
	Педагогические	Медицинские	Культура и искусство	Всего
Начало 1950-х гг.	4	1	1	6
Конец 1950-х гг.	2	1	2	5
Начало 1960-х гг.	2	4	2	8
Середина 1970-х гг.	2	2	2	6
Начало 1980-х гг.	2	1	2	5

Составлено по: Бархатова С.В. Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960): препринт доклада на заседании Учёного совета Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. – Петрозаводск, 1988. – С.11–12; 40 лет Карельской АССР: стат. сб. – Петрозаводск: Госстатиздат, 1960. – С.97; Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР. – Петрозаводск: Карельское отделение В/О «Союзучётиздат», 1972. – С.121; Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. – Петрозаводск: Карелия, 1985. – С.80.

Коми АССР.

В Коми АССР в 1955/56 учебном году работали 13 средних специальных учебных заведений (годом позже их число сократилось до 11), в том числе социального блока: Сыктывкарское педагогическое училище, Сыктывкарское дошкольное педагогическое училище, Сыктывкарское медицинское училище, Сыктывкарское музыкальное училище [14].

В 1960-е – начале 1970-х гг. в Коми АССР действовали следующие учебные заведения изучаемого профиля: Сыктывкарское школьное педучилище (Педучилище № 1), Педагогическое училище № 2 (переименованное с 1968 г. в Сыктывкарское дошкольное педучилище), Сыктывкарское и Воркутинское медицинские училища; Сыктывкарское музыкальное училище; Коми республиканское культурно-просветительное училище [15]. Во второй половине 1970-х гг. к этому списку добавилось Воркутинское музыкальное училище (было открыто в 1969 г. как филиал Сыктывкарского музыкального училища, в дальнейшем стало отдельным учебным заведением).

В 1980-е гг. в республике функционировали 8 средних специальных учебных заведений социального блока: Сыктывкарское педагогическое училище (Педучилище № 1); Педагогическое училище № 2; Сыктывкарское, Воркутинское и Ухтинское медицинские училища (последнее открыто в 1986 г.); Республиканское училище искусств (переименованное в 1975 г. в Сыктывкарское музыкальное училище); Коми республиканское культурно-просветительное училище; Воркутинское музыкальное училище [16].

Сводные данные по Коми АССР представлены в *табл. 5.*

Таблица 5

Количество средних специальных учебных заведений социального блока в Коми АССР в 1950–1980-х гг.

Годы	Кол-во учебных заведений по профилю			
	Педагогические	Медицинские	Культура и искусство	Всего
Середина 1950-х гг.	2	1	1	4
1960-е – начало 1970-х гг.	2	2	2	6
Вторая половина 1970-х гг.	2	2	3	7
1980-е гг.	2	3	3	8

Составлено по: Народное хозяйство Коми АССР: стат. сб. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1957. – С.144; Коми АССР за 50 лет: стат. сб. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1971. – С.151; Коми АССР 60 лет: стат. сб. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1981. – С.96.

Итак, в первой половине 1950-х гг. на территории Европейского Севера действовали как минимум 14 средних специальных учебных заведений педагогического профиля (школьных, дошкольных, музыкальных и физкультурных), 10 медицинских училищ и 5 культурно-просветительных училищ. В конце 1950-х гг. училищ педагогического профиля осталось 12, медицинского профиля – 10, культурно-просветительских – 8. Как отметила С.В. Бархатова применительно к Карельской АССР, «в целях упорядочения профилей специальностей среднего образования и улучшения его учебно-материальной базы с 1956/57 учебного года была сокращена сеть сельскохозяйственных техникумов, педагогических и медицинских училищ, что далеко не всегда вызывалось необходимостью» [17]. Всего на Европейском Севере России в короткое время было закрыто как минимум 7 средних специальных учебных заведений. У нас нет данных о том, какие средние специальные учебные заведения действовали в Вологодской области в начале 1950-х годов. Возможно, приведённые нами цифры о закрытых училищах педагогического профиля придётся увеличить. При проведении оптимизации были закрыты оба имевшихся на Европейском Севере России физкультурных техникума. Таким образом, была ликвидирована система подготовки учителей физкультуры для школ и других учебных заведений регионов. Положение несколько улучшилось после открытия в 1967 г. техникума физкультуры в г. Мончегорске Мурманской области.

Не меньший удар оптимизация нанесла по системе медицинских средних специальных учебных заведений, в первую очередь в Архангельской области – центре среднего специального медицинского образования на Европейском Севере СССР. Повторимся, что мы не знаем, какие средние специальные учебные заведения действовали в Вологодской области в начале 1950-х годов. На наш взгляд, наиболее негативно на функционировании системы здравоохранения Европейского Севера сказалось закрытие самостоятельного Архангельского медицинского училища фельдшеров-лаборантов. На какое-то время клинические лаборатории медицинских учреждений остались без притока новых кадров. На фоне в целом негативном позитивно смотрится открытие в Мурманске в 1958 г. музыкального училища.

В 1960-х гг. на Европейском Севере начался процесс развития как системы среднего специального образования вообще, так и рассматриваемых в данной работе систем подготовки педагогических и медицинских кадров средней квалификации. В Архангельской области в 1965 г. открыто Котласское педучилище. В начале 1960-х гг. в Вологодской области – Велико-Устюгское медицинское училище и Белозерское педагогическое училище, в 1965 г. – Белозерское медицинское училище, во второй половине

1960-х гг. – Череповецкое музыкальное училище; в Карельской АССР – Кондопожское, Сегежское и Сортавальское медицинские училища; в Коми АССР – Воркутинское медицинское училище и Коми республиканское культурно-просветительное училище.

В дальнейшем наблюдалась разноплановая динамика. В Карельской АССР в 1970-х гг. были закрыты Кондопожское, Сегежское и Сортавальское медицинские училища. В то же время в Коми АССР было открыто Воркутинское музыкальное училище (открыто в 1969 г. как филиал Сыктывкарского музыкального училища, позже становится самостоятельным учебным заведением), в 1986 г. – Ухтинское медицинское училище; в 1988 г. в Мурманской области – Мурманское медицинское училище.

Стоит также затронуть вопрос географии изучаемых учебных заведений. Уже в 1950-х гг. во всех регионах Европейского Севера СССР были средние специальные учебные заведения педагогического, медицинского и культурно-просветительного профилей. Что касается расположения училищ по территории регионов Европейского Севера СССР, то по имеющимся в нашем распоряжении данным оно выглядело следующим образом.

Архангельская область: первая половина 1950-х гг. 17 средних специальных учебных заведений (училищ) рассматриваемого профиля в 9 населённых пунктах; в 1956/57 учебном году – 13 училищ в 6 населённых пунктах; в 1961/62 учебном году – 9 в 5 населённых пунктах; в середине 1960-х гг. – 10 в 5 населённых пунктах.

Вологодская область: в 1959/60 учебном году – 8 в 5 населённых пунктах; в 1970/71 учебном году – 12 в 6 населённых пунктах.

Мурманская область: в 1975 г. – 4 в 3 населённых пунктах; в 1988 г. – 5 в 3 населённых пунктах.

Карельская АССР: в 1948/49 учебном году – 6 в 2 населённых пунктах; в 1970/71 учебном году – 8 в 4 населённых пунктах; в 1979/80 учебном году – 5 в 1 населённом пункте.

Коми АССР: в 1955/56 учебном году – 4 в 1 населённом пункте; в 1979/80 учебном году – 7 в 2 населённых пунктах; со второй половины 1980-х гг. – 8 в 3 населённых пунктах.

Таким образом, расположение данных учебных заведений по территории регионов демонстрирует два подхода: в Архангельской, Вологодской и Мурманской областях наблюдается стремление рассредоточить средние специальные учебные заведения по территории области; в Карельской и Коми АССР наблюдается другая политика – сосредоточить как можно больше средних специальных учебных заведений в столицах республик. Однако эти процессы не были однозначными и предполагали определённую вариативность ситуации.

* * *

1. История Карелии с древнейших времён до наших дней. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – С.557, 742, 743, 816; История Коми с древнейших времён до современности. – Сыктывкар: Анбур, 2011. – Т.2. – С.346, 347, 349, 555; *Киселев А.А.* Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). – Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1974. – С.242, 264, 283, 403; Очерки истории Архангельской организации КПСС. – Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1970. – С.186, 187, 204; Очерки истории Вологодской организации КПСС. – Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1969. – С.354, 435, 466, 644.

2. *Бархатова С.В.* Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960): препринт доклада на заседании Учёного совета Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. – Петрозаводск, 1988; *Безносиков Я.Н.* Развитие народного образования в Коми АССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1973. – С.50–54, 75–76, 105–107, 147–159.

3. См., напр.: Коми республиканское культурно-просветительное училище: буклет / сост. Е.Г. Пятничка, Т.М. Петряшова, А.И. Курешова. – Сыктывкар, 1981; Коми республиканское училище культуры им. В. Чисталева: проспект / сост. В.Е. Горинова, А.С. Клейн, Б.В. Наговицын и др. – Сыктывкар, 1991; Республиканское училище искусств – 60 лет: буклет / раб. группа: С.И. Карманов, Н.Н. Маегов, И.И. Ворнецкий и др.; фот. А.Е. Филиппова. – Сыктывкар, 2003 и др.

4. Народное хозяйство архангельской области: стат. сб. – Архангельск: Архангельское книжное изд-во, 1957. – С.130.

5. Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. – Вологда: Госстатиздат, 1962. – С.140.

6. Котлас. Очерки истории. – Архангельск: Правда Севера, 2001. – С.136.

7. Народное хозяйство Вологодской области: стат. сб. – Вологда: Государственное статистическое изд-во, 1960. – С.118–119.

8. Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти: стат. сб. – Вологда, 1967. – С.156; Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сб. – Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1971. – С.171–172.

9. Население, культура, здравоохранение и труд в 1977 году: стат. сб. – Мурманск, 1978. – С.42; Население, культура, здравоохранение и труд в 1980 году: стат. сб. – Мурманск, 1981. – С.60.

10. *Бархатова С.В.* Указ. соч. – С.11–12.

11. 40 лет Карельской АССР: стат. сб. – Петрозаводск: Госстатиздат, 1960. – С.97.

12. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР. – Петрозаводск: Карельское отделение В/О «Союзучетиздат», 1972. – С.121.

13. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. – Петрозаводск: Карелия, 1985. – С.80.

14. Народное хозяйство Коми АССР: стат. сб. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1957. – С.144.

15. Коми АССР за 50 лет: стат. сб. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1971. – С.151.

16. Коми АССР 60 лет: стат. сб. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1981. – С.96.

17. *Бархатова С.В.* Указ. соч. – С.14.

УДК 930:321(470.13)“19”

М.В. Таскаев,
канд. ист. наук, зав. сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ИСТОРИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В XX в.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (на материалах Республики Коми)*

Данный вопрос рассматривается автором в рамках более широкой проблематики, а именно в плане формирования и развития политической культуры региональной элиты в разные исторические периоды XX века. Проблема национальных элит в многонациональной Российской Федерации является важнейшей в сфере межнациональных и межгосударственных отношений и включает в себя несколько составляющих, а именно: история создания и способ формирования национальной элиты, отношения как внутри элиты, так и элиты и общества.

Великая российская революция 1917 г. стала отправной точкой генезиса национальных элит в бывших губерниях Российской империи на Севере страны, прежде всего на территории Коми края (части Архангельской, Вологодской и Вятской губерний). До революции коми национальная элита практически отсутствовала, если не принимать во внимание наличие в крае малочисленной коми интеллигенции (учителей, служащих). После революции в регионе началось стремительное создание собственной национальной элиты – представителей коми народа, решавших вопросы власти, экономики и культуры в регионе. Буквально за несколько лет в Коми крае появился слой людей, который можно уже называть национальной элитой региона – в первую очередь это были представители местных отделений политических партий страны, участники революционного движения, смысл которого они понимали в установлении новой (в отличие от имперской) власти на местах – с национальным колоритом. Активное участие в создании национальной элиты приняли представители причта Русской православной церкви (далее – РПЦ), принявшие революционную идеологию.

© Таскаев М.В., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)»).

В годы гражданской войны элита Коми края, как и повсюду в стране, разделилась на красных и белых. Окончательная победа советской власти (красных) в регионе привела к консолидации пробольшевистски настроенной элиты: свою главную цель она теперь видела в создании коми национальной автономии в рамках РСФСР (СССР). Образование Коми автономной области (далее – Коми АО) в 1921 г. в составе РСФСР (за год до образования СССР) стало первой победой коми национальной элиты. Рассматривая коми национальную элиту тех лет, можно собрать все данные, характеризующие её представителей: возраст, социальное происхождение, образовательный уровень, партийный стаж, опыт управленческой работы и т.д. Подобный анализ приведёт к созданию подробной персонифицированной истории Республики Коми, чего ещё никогда не было сделано в историографии.

Функционирование коми национальной элиты в 1920–1930 гг. проходило во взаимодействии с другими элитными группировками – архангельской и федеральной (московской), каждая из которых преследовала свои цели. Архангельская властная элита, базируясь на идее создания Северного края, стремилась к включению Коми АО в его состав. В Коми АО продолжался процесс этнизации местной элиты, что не удивительно, если учитывать этническую однородность региона (согласно переписи 1926 г. до 96% населения области были коми). Коми национальная элита продолжала выступать за автономность региона на союзном республиканском уровне с правами вхождения в СССР, а не РСФСР.

В 1920–1930 гг. духовенство было полностью исключено из числа коми национальной элиты. В Российской империи представители конфессий, особенно РПЦ, всегда находились в составе элит. Однако с победой советской идеологии в стране впервые была введена политика воинствующего атеизма, итогом которой стало полностью бесправное положение представителей причта религиозных конфессий – уникальное явление в отечественной истории. Отторжение духовенства от региональной элиты наблюдалось вплоть до последнего десятилетия XX столетия, когда оно стало возвращать свои утраченные в обществе позиции.

Конфликт интересов краевой архангельской и коми областной национальной элит разрешился в 1929 г., когда федеральным центром было принято компромиссное решение о вхождении Коми АО в состав Северного края, но за счёт расширения территории Коми АО (к области был присоединён русскоязычный Печорский уезд Архангельской губернии). Развернувшаяся в стране индустриализация оказала колоссальное влияние на социально-политические и экономические процессы, имевшие место в регионах Севера. Социалистическая индустриализация как составная часть

модернизации общества являлась важнейшим фактором развития СССР в XX столетии, поскольку от её уровня зависели как место страны в мировом сообществе и обороноспособность, так и повышение жизненного уровня населения. С началом индустриализации и созданием новых отраслей промышленности (нефтяной, угольной) на Севере Коми АО стала быстро трансформироваться из этнически однородного в полиэтнический регион. Соответственно, стал меняться и национальный состав элиты. В 1933 г. при принятии второго 5-летнего плана СССР приоритеты коми областной экономики от лесодобычи и лесопереработки впервые начали смещаться к нефтяной и угольной промышленности. Создание Печорской топливно-сырьевой базы становилось «крупнейшей проблемой Северного края», как указывалось в директивах XVII съезда ВКП(б). Ускорялась индустриализация народного хозяйства Коми АО за счёт создания экономических лагерей ГУЛАГ. География ГУЛАГа с 1930-х гг. определяет территориальную структуру хозяйства Коми АО. Уже к середине 1930-х гг. ГУЛАГ превращается из поставщика различным ведомствам по договорам рабочей силы в субъект деятельности в самых разных отраслях хозяйства – от лесной промышленности и строительства до научных и опытно-конструкторских бюро, в движущую силу территориально-производственных комплексов, охватывавших целые регионы, в том числе и в Коми АО. К концу 1930-х гг. НКВД СССР становится не только карательным, но и экономическим министерством.

ГУЛАГ в 1930–1950-е гг. играл ведущую роль на «великих союзных стройках», которые было невозможно осуществить без массового применения бесправной, почти бесплатной и чаще всего малоквалифицированной рабочей силы из всех регионов СССР. Размещение объектов ГУЛАГа в Коми области было продиктовано задачей освоения необходимых природных ресурсов, прежде всего энергетического сырья, и колонизацией новых территорий Крайнего Севера. В итоге индустриализация страны, вызванная прежде всего национальной безопасностью, привела, как уже отмечалось, к полиэтнизации коми региона. Кроме того, в середине 1930-х гг. с ликвидацией Северного края было полностью исчерпано противостояние коми национальной элиты и краевой (архангельской) администрации. Создание Коми АССР в 1937 г. полностью свело на нет также местнические цели и интересы коми национальной элиты 1920-х гг. о создании национальной республики.

После войны и ликвидации ГУЛАГа главной тенденцией развития коми национальной элиты стала поддержка социально-политической, экономической и межнациональной стабильности в регионе. В Коми АССР был создан крупнейший на европейской части страны индустриальный

топливно-сырьевой комплекс с многонациональными рабочими кадрами (в том числе с привлечением иностранных специалистов и рабочих: в Удорском районе Коми республики в 1968–1994 гг. работало свыше 20 тыс. человек из Болгарии; здесь была создана уникальная в СССР социально-экономическая зона иностранного государства). К 1989 г. (по итогам переписей) Коми республика полностью превратилась в регион с преобладающим русским населением. С целью сохранения межнациональной стабильности в регионе основная пропаганда в республике и материалы СМИ Коми АССР переводились на русский язык, что было встречено с пониманием коми национальной элитой и интеллигенцией.

Постсоветский период новейшей истории страны характеризуется обострением межнациональных отношений и перманентным экономическим кризисом, поразившим как промышленность, так и сельское хозяйство. Тем не менее Республика Коми в составе Российской Федерации в конце XX в. оставалась регионом со стабильной межнациональной обстановкой и уже сформированной национальной элитой.

УДК 903(470.13)“19”

А.Н. Турубанов,
д-р ист. наук, проф.,
гл. научный сотрудник
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РАБОТНИКОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТРУДА РЕСПУБЛИКИ КОМИ В XX ВЕКЕ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

В апреле 1999 г. в Коми научном центре Уральского отделения Российской академии наук состоялась научная конференция на тему «Архивы Уральского отделения Российской академии наук». В ярком и полемичном докладе А.Ф. Сметанина «Некоторые проблемы источниковедения» утверждалось, что в Республике Коми источниковедение «как самостоятельное исследовательское направление… вовсе отсутствует». На наш взгляд, А.Ф. Сметанин имел в виду отсутствие в крае такой формы исследования документальных источников, как источниковедческие работы, т.е. отсутствие источниковедческих оценок, в первую очередь опубликованных документальных сборников. В этом он прав. Поэтому в принятом на форуме решении было записано: «Содействовать развитию источниковедения как научного направления в гуманитарных институтах отделения» [1].

Что удалось сделать учёным Республики Коми за прошедшие 27 лет? По большому счёту, не так уж много, но начало положено. Прежде всего надо сказать о том, что в республике появились первые небольшие источниковедческие работы [2], в которых определена степень документального освещения некоторых сюжетов истории края, но в основном это касалось опубликованных источников. Во-вторых, такая форма исследования документальных источников, как публикация, получила «новое дыхание». В чём это выразилось? Как замечает Т.И. Лахтионова, «с конца 80-х гг. прошлого века большая масса рассекреченных документов... стала доступной исследователям» [3]. Далее, источниковедческие разделы конкретно-исторических исследований стали базироваться в основном не на единичных документах, а на массовых комплексах. Всё это позволило провести разностороннюю проверку информации с использованием материалов, имеющих разные социальные источники происхождения.

© Турубанов А.Н., 2016

В обзоре источников по рассматриваемой теме следует анализировать как неопубликованные архивные документы, так и изданные в различных издательствах страны сборники документов, т.к. в этих книгах содержится часть материалов, посвящённых исследуемой нами теме.

Публикаторский процесс документальных материалов в Республике Коми, на наш взгляд, можно подразделить на 2 периода: первый – книги, вышедшие в основном в годы советской власти, до начала 90-х гг. XX в., и второй – постсоветский – книги, опубликованные с 1990-х гг. прошлого столетия по настоящее время. Столь необычная периодизация объясняется тем, что для первого этапа публикаций была характерна излишняя идеологизация представленных исторических материалов (советские публикаторы испытывали влияние однопартийной системы). Второй этап оказался более плодотворным для введения в научный оборот большого количества важных и неизвестных ранее историкам источников, расширился круг вопросов (сюжетов), что позволило читателю (пользователю) составить своё мнение о происходивших в тот или иной период исторических процессах. Изданные сборники документов как на первом, так и на втором этапе были подготовлены специалистами разного профиля, содержат аналитическое предисловие, историографическое и археографическое введение, другую справочную информацию (именной, географический и другие указатели).

Документальные издания в Республике Коми делятся на отраслевые и тематические сборники [4].

Наиболее ёмкими в информационном плане являются 3 сборника, посвящённые лесному комплексу Республики Коми, а также строительному производству региона.

В этих книгах большой удельный вес имеют документы, отражающие особенности развития материально-технической базы учебных и культурно-просветительских учреждений республики, а также формирования и развития общекультурного облика индустриальных кадров в условиях северного национального региона. Менее информативны сборники документов и материалов, посвящённые отдельным отраслям топливного хозяйства Республики Коми. Степень документального освещения культурно-технического уровня индустриальных кадров, занятых в угольной и нефтегазовой отраслях промышленности, прямо пропорциональна степени либерализации «социалистической системы». Это видно, в частности, на примере первого издания сборника документов и материалов «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны», а также книги «Деятельность Советов Коми АСР». Из этих изданий «неудобный» материал изымался иногда целыми кусками текста, без соответствующих оговорок. Как отмечала Т.И. Лахтионова, «спецификой подготовки сборников документов в совет-

ское время было то, что отбору и публикации подлежали документы, содержание которых отвечало имевшейся, устоявшейся точке зрения по определённым проблемам развития общества и научных знаний в том числе» [5].

В изданных документальных сборниках содержатся основополагающие материалы как центральных, так и региональных органов власти практически по всем важнейшим проблемам истории формирования и развития общекультурного облика индустриальных кадров Республики Коми по всем годам исследуемого периода. Этот же сюжет можно проанализировать и по материалам всесоюзных переписей населения, значительная часть которых опубликована в специальных статсборниках.

Как отмечалось выше, для формирования полноценной источниковой базы с целью изучения истории формирования и развития общекультурного облика индустриальных кадров Республики Коми необходимо использовать неопубликованные архивные документы. Круг источников по этой теме широк и разнообразен. В первую очередь надо указать на наличие в архивах республики делопроизводственных документов различных учреждений, предприятий и строек. В многочисленных фондах государственных и ведомственных архивов Республики Коми сосредоточены материалы официальной переписки между различными государственными структурами, подготовительные справки по вопросам, например, организации новых среднеспециальных учебных заведений в крае, циркуляры, доклады, протоколы, отчёты и т.д. и т.п. Одними из «наиболее ёмких по информативности» являются сводные годовые отчёты предприятий и организаций республики – статистические и текстовые по содержанию основной деятельности. По мнению А.А. Попова, «работа с этими источниками чрезвычайно трудоёмка», но, как говорится, игра стоит свеч. В результате можно получить наиболее достоверную картину состояния (функционирования) той или иной отрасли хозяйства и, в частности, культурно-технического уровня работников индустриального труда республики.

Несколько слов о периодике. На наш взгляд, газеты и журналы исследуемого периода, важные источники изучаемой темы, можно рассматривать как «неопубликованные» материалы, т.к. в исследуемый период на страницы периодической печати «попадали» в основном достижения из истории формирования и развития общекультурного облика работников индустриального труда Республики Коми. К «категории» неопубликованных источников можно отнести также материалы ведомственных музеев и воспоминания непосредственных участников – работников учебных и учебно-производственных структур, занимавшихся вопросами подготовки и повышения квалификации кадров индустриального труда региона.

Таким образом, по научной проблеме общекультурный облик работников индустриального труда Республики Коми имеется как значительный материал в опубликованных сборниках, так и важные сведения в неопубликованных архивных материалах, хранящихся в государственных и ведомственных архивах нашей страны.

* * *

1. См.: Вестник Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1999. – Вып. 14. – С.4, 97.

2. *Попов А.А.* Культурное строительство в северной деревне в 60–80-е годы (обзор источников) // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения: труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1993. – Вып. 54; *Турубанов А.Н.* Об информационном потенциале изданных в Республике Коми сборников документов и материалов по истории края // Архивы УрО РАН (Вторая научная конференция). – Сыктывкар, 2001; *Турубанов А.Н.* Обзор опубликованных источников по истории межнациональных отношений в Республике Коми // Архивы – обществу. К роли архивных документов в культурной и научной жизни Республики Коми: материалы науч.-практ. конф. (23 октября 2007 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2007; *Лахтионова Т.И.* Новое во втором издании сборника документов и материалов «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР): доклады и сообщения науч. конф. (27 апреля 2005 г.). – Сыктывкар, 2005 и др.

3. *Лахтионова Т.И.* Указ. соч. – С.111.

4. Комсомол Коми АССР в документах: сб. документов и материалов по истории Коми областной организации ВЛКСМ (1917–1972 гг.). – Сыктывкар, 1972; Нефть и газ Коми АССР: сб. документов и материалов. – Сыктывкар, 1979; Культурное строительство в Коми АССР. 1917–1937 гг.: сб. документов. – Сыктывкар, 1979; Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) – Сыктывкар, 1982; Угольная сокровищница Севера: сб. документов и материалов. – Сыктывкар, 1984; Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960 гг. – Сыктывкар, 1989; Деятельность Советов Коми АССР: сб. документов 1917–1985 гг. – Сыктывкар, 1989; Нефть и газ Коми края: сб. документов и материалов. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Сыктывкар, 1989; Лесная промышленность Коми АССР: сб. документов и материалов 1917–1960 гг. – Сыктывкар, 1989; Лесная промышленность Коми АССР. 1961–1990 гг.: сб. документов и материалов. – Сыктывкар, 1994. – Кн.1–2; Свод правовых актов и иных документов, при-

нятых органами законодательной власти Республики Коми. – Сыктывкар, 1996–2009. – Т.1–9; Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.) – Сыктывкар, 2006. – Т.1; Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). – Сыктывкар, 2007. – Т.II; Совет Министров Коми АССР в документах и материалах (1946–1971 гг.). – Сыктывкар, 2008. – Т.III. – Ч.1; Совет Министров Коми АССР, Коми ССР, Республики Коми в документах и материалах (1971–1994 гг.). – Сыктывкар, 2009. – Т.3. – Ч.2; Экономико-экологический фактор в развитии межнациональных отношений на Европейском Северо-Востоке России. XX век: сб. документов и материалов. – Сыктывкар, 2011; Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: сб. документов и материалов. – Сыктывкар, 2014 и др.

5. *Лахтионова Т.И.* Указ. соч. – С.110.

УДК 93:621.397.13(470.13)

Н.Ю. Линкова,
канд. ист. наук, директор
филиала ВГТРК ГТРК «Коми гор»
А.А. Попов,
д-р ист. наук, проф., учёный секретарь
по международному научному
сотрудничеству и координации
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КОМИ АССР О РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ (ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ЗА ПЕРИОД КОНЦА 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1970-х гг.)

Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. является периодом создания регионального телевидения в Советском Союзе. В середине 1950-х гг. строительство телецентров и производство телевизионных приёмников было включено в государственный народно-хозяйственный план СССР. Вещание первой в Коми АССР городской студии телевидения в г. Воркуте началось 26 декабря 1958 года.

Интерес населения к развитию и становлению нового электронного СМИ был велик. Основным информационным источником являлась периодическая печать: республиканские газеты «Красное знамя», «Югыд туй», «Молодёжь Севера», журнал «Войвыв кодзув», городская и районная периодика. Особенно часто материалы о телевидении публиковались до произошедшей в середине 1970-х гг. централизации телевещания, когда населению были доступны только передачи местного телевидения. Именно этот период включает в себя выделенные нами ранее этапы становления в республике отрасли, технического и творческого развития и совершенствования городских студий телевидения [1]. Публикации в периодической печати представляют собой важный источник по изучению истории регионального телевидения, прежде всего с точки зрения его содержательной деятельности. Печатные материалы можно условно разделить на несколько тематических групп: развитие телевизионного вещания в регионе, формирование материально-технической базы отрасли, оценка передач, фильмов, спектаклей, созданных местными телестудиями. Что касается жанров,

© Линкова Н.Ю., Попов А.А., 2016

кроме информационных сообщений, тематических репортажей, интервью, большой интерес читателей вызывали рецензии, дававшие профессиональную оценку художественного «продукта».

Первыми о появлении в Коми АССР «чуда XX века» были материалы о вводе в строй Воркутинской студии телевидения [2]. Параллельно – уже на перспективу – на территории республики возводились радиорелейные линии и передающие станции [3]. Актуальными были публикации о перспективах развития телевидения в Коми АССР, охвата её территории вещанием: «Телевидение входит в быт», «Радио да телевидение – ыджыд вын» (Радио и телевидение – большая сила), «Мачты над тайгой и тундрой», «Гортса экран – сиктса йöзлы» (Домашний экран – людям села) [4].

В 1960 г. начала работать вторая в Коми АССР студия телевидения в городе нефтяников Ухте, а постоянные передачи столичной – Сыктывкарской – телестудии начались 2 июля 1964 года. Сооружение и ввод в эксплуатацию телецентра в Сыктывкаре привлекали особое внимание республиканской прессы, они освещались очень обстоятельно [5].

Традиционной была публикация материалов о телевизионном вещании в республике в канун профессионального праздника – Дня радио [6]. С развитием телевидения они стали носить как информационный, так и оценочный характер. Так, из статьи председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Коми АССР О.М. Размановой читатели могли узнать не только о том, что «количество телевизоров в республике перевалило за сто тысяч. Население четырёх городов и шести районов смотрит сегодня передачи местных студий телевидения» [7], но и ознакомиться с мнением руководителя Комитета о работе телестудий. Автор дал высокую оценку тележурналу «Новатор» в Воркуте, цикловым программам для молодёжи и юношества «Факел» и «Старт» в Сыктывкаре, «Горизонт» в Ухте. Особое внимание было уделено телевизионному фестивалю городов и районов Коми АССР. Что касается перспектив, О. Размановa отмечала: «Творческие коллективы телевидения готовятся к тому моменту, когда появится возможность подключить к своим программам передачи Центрального телевидения и других городов страны. Дело в том, что в самое ближайшее время придёт в Сыктывкар, а в последующие годы пойдёт дальше, на север до Воркуты, магистральная радиорелейная линия. Благодаря ей будет охвачена телевидением огромная территория республики» [8]. Речь шла о важном элементе дальнейшего развития и реформирования отрасли – централизации телевизионного вещания. В Коми АССР она началась с ввода в строй системы «Орбита» в 1967 г., когда в Сыктывкаре и Воркуте появилась возможность приёма программ Центрального телевидения. Об этом также сообщалось на страницах газет [9].

Деятельность творческих коллективов городских студий телевидения Коми АССР – Воркутинской, Ухтинской, Сыктывкарской – в первые годы была периодом их активного формирования. Тематика передач была разнообразной и охватывала интересы зрителей всех возрастов. Просмотр телепрограмм приобретал всё большее значение в жизни людей. Каждый новый цикл передач, оригинальный фильм, спектакль становились событием в культурной жизни и активно освещались и оценивались в прессе. О работе коллектива Воркутинской студии телевидения информировали республиканское «Красное знамя» и городская газета «Заполярье». Это были и обзорные материалы («Трибуна голубого экрана», «Хорошо, но можно лучше» [10]), и статьи об отдельных телефильмах и циклах передач («Гимн труду» – о кинофильме «Республика молодых городов», «На экранах – “Новатор”», «Нет, этого забыть нельзя…» [11]). Например, особое внимание зрителей заполярного города привлекали передачи «КВН» – Клуба весёлых и находчивых. «Массовость является непременным условием каждого из выступлений клуба. Уже в первом выступлении его участвовало более ста человек, включая “бойцов” двух команд, любителей, судей соревнований. А если добавить сюда во много раз превосходящее количество зрителей, … станет ясным, насколько широка и многолюдна “аудитория” участников такого клуба. <…> У телевизионного “КВН” появились даже “спутники” – такие же клубы открылись в горном техникуме, городских школах № 8 и 93» [12]. Одна из позитивных особенностей клуба – организация досуга молодёжи. Именно эта сверхзадача стояла и перед молодёжной редакцией Воркутинской телестудии. Об этом рассуждал журналист М. Бриман: «… когда в городском комитете партии заходит речь о пропагандистской работе среди молодёжи, здесь раньше всего вспоминают о голубом экране. Здесь считают, что ему более, чем кому-либо другому, доступно дойти до каждого. Стать не только средством приобщения людей к искусству, не только скрашивать вечерние часы человека, но активно вторгаться в жизнь, бороться за новый быт, нести высокие идеи современности» [13].

В работе редакций, в формировании и реализации тематических планов большую роль играли общественные советы и внештатные авторы. Самый деятельный и многочисленный актив был организован в молодёжной редакции. Телестудия «Юность» начала формироваться в конце 1963 г., собрав талантливых, инициативных старшеклассников, учащихся техникумов, которые не просто стали участниками телевизионного дискуссионного клуба, но и осваивали профессии кино- и телеоператоров, дикторов, звукорежиссёров, редакторов. Со временем при Воркутинской студии «Юность» были созданы вокальная группа, молодёжный театр [14]. Впро-

чем, постановка спектаклей была важной составляющей программ местных студий телевидения. Об этом свидетельствует ряд опубликованных в печати рецензий таких специалистов, как А. Клейн, Б. Бударин, В. Гринер и других [15].

В первые годы работы городских телестудий Коми АССР явное лидерство в телевизионном кинопроизводстве принадлежало ухтинцам. Оценки, данные на страницах газет кинофильмам Ухтинской студии телевидения «Песни над пармой» и «Землепроходцы» [16], «На дне моря» [17], «Весна в Усогорске» [18], «Заря над Тиманом» [19], не только выделяли удачные находки авторов фильмов, в них подчас звучало мнение о некоторых недоработках. И всё-таки каждая созданная кинолента в те годы была событием для коллективов местных телестудий. Не случайно некоторые работы были отобраны во Всесоюзный обменный фонд и демонстрировались как по Центральному телевидению, так и региональными студиями страны. В их числе фильмы Сыктывкарской студии телевидения «Голубой олень», «Под нами земля», «Продолжение песни», «Тысячи молний» [20].

Уже отмечалась значимость телевизионных спектаклей, значительно обогащавших программы местных студий. Режиссёры Сыктывкарской студии телевидения, изначально работавшей на двух языках, стремились к тому, чтобы зрители видели постановки и на русском, и на коми языках. Особенностью 1960-х – начала 1970-х гг. было то, что каждый спектакль так же, как и другие передачи, выходил в прямом эфире: видеозаписи тогда ещё не существовало. Мнения о телепостановках нередко публиковались на страницах газет. Внимание журналистов привлекли спектакли по повести И. Изъюрова «Жизнь молодая» [21] и рассказу Э. Казакевича «Враги» [22], экранизация рассказа бельгийского писателя И. Ванделоо «Шутка» [23], спектакли по пьесам В. Савина «При восходе солнца цветок увял» [24] и Н. Попова «Бурные волны» [25]. В особом ряду – рецензии И. Изъюрова о телепостановках произведений коми писателей [26] и о телевизионных версиях спектаклей Коми республиканского драматического театра [27]. Авторы рецензий рассуждали о раскрытии постановщиками сюжета и актёрском ансамбле, отмечали удачи исполнителей, высказывали свою точку зрения о специфике телевизионной инсценировки, её отличии от театральной. Каждая такая статья – и оценка работы большой творческой группы, и важные подсказки, и добрые пожелания: «Освоение жанра телевизионного спектакля в наших условиях – дело трудное, требующее больших усилий от всего коллектива. Тем более приятно, что молодая Сыктывкарская студия упорно осваивает любимый зрителями жанр и делает это успешно» [28].

Своего рода творческим отчётом, учёбой и площадкой по обмену опытом были Республиканские фестивали телевизионных фильмов, состоявшиеся в Сыктывкаре в 1970 и 1972 годах. Своими заметками об этих мероприятиях поделился с читателями газеты «Красное знамя» журналист А. Смирнов. В первом материале автор дал высокую оценку фильмам-призёрам. Тем не менее красной нитью в статье проходила тревога о том, что «удачных лент о человеке было на фестивале меньше… Не повезло, в первую очередь, киноочеркам портретного жанра. <…> Авторам фильмов не удалось проникнуть во внутренний мир героев, за каскадом умилительных слов явственно ощущается умозрительный подход к теме. Очень интересные люди (писатель, режиссёр, врач, композитор) оказались на экране схематичными, неинтересными» [29]. Об этом говорит и название материала: «Поиск без открытий». А. Смирнов высказывал своё мнение об одной из причин неудач: «Недостатки многих фильмов кроются, как мне кажется, в самом истоке – сценарии. И здесь на помощь тележурналистам должны прийти профессиональные писатели, ведущие журналисты газет. Пока что студии недостаточно активно приглашают их к соавторству» [30].

Заметки А. Смирнова о втором фестивале, проходившем под девизом «Люди земли Коми», названы «Поиск без открытий». Автор призывал к честному, нелицеприятному разговору: «Главной и, к сожалению, менее всего успешно решённой темой фестиваля была тема труда, показ духовного богатства личности рабочего человека» [31], – и возвращался к вопросу, поднятому им 2 года назад: традиционная причина неудач – слабые сценарии. Проблема усугубляется тем, что «в скором будущем в Сыктывкаре вступит в строй телекинокомплекс, который позволит выпускать большее количество фильмов-очерков. Надо уже сегодня подумать, чтобы это не было большее количество посредственных фильмов. Создание кинокомплекса с особой остротой ставит вопросы правильной, чёткой организации этого дела» [32]. Вместе с тем А. Смирнов высоко оценивал серии кинолетописи республики «Годы великих свершений», которые были показаны на фестивале вне конкурса. Идентичная оценка фильмам «Годы великих свершений», созданным творческими группами Сыктывкарской, Воркутинской и Ухтинской студий телевидения, дана Б. Северцевым в статье «Языком кинопублицистики» [33].

Завершая обзор материалов печатных СМИ конца 1950-х – первой половины 1970-х гг., следует особо отметить публикации, посвящённые 10-летию Ухтинской и Сыктывкарской телестудий. В них [34] дана оценка развития телевидения в республике в рассматриваемый период.

* * *

1. *Попов А.А., Линкова Н.Ю.* 50 лет в телеэфире (Очерки истории телевидения в Республике Коми). – Сыктывкар, 2014.

2. *Рошал М., Ильин В.* Воркутинский телевизионный центр // Красное знамя. – 1958. – 1 апр.; Зажглись экраны телевизоров // Красное знамя. – 1959. – 14 янв.

3. Телевидение в Летке // Красное знамя. – 1958. – 28 дек.; Телевидение в Койгородке // Красное знамя. – 1959. – 18 марта.

4. *Колмаков А.* Телевидение входит в быт // Красное знамя. – 1960. – 2 окт.; *Разманова О.* Радио да телевидение – ыджыд вын (Радио и телевидение – большая сила) // Войвыв кодзув. – 1965. – № 5. – С.57–60; *Гурьев Г.* Мачты над тайгой и тундрой. Перспективы развития телевидения в Коми АССР // Красное знамя. – 1969. – 13 июля; *Петрунев А.* Гортса экран – сиктса йöзлы (Домашний экран – людям села) // Войвыв кодзув. – 1971. – № 6. – С.51–54.

5. *Родев М.* Телецентр в Сыктывкаре // Красное знамя. – 1962. – 31 янв.; Обязательства строителей. На строительстве телецентра // Красное знамя. – 1962. – 9 февр.; *Улитин Л.* Настройка закончена // Красное знамя. – 1964. – 26 мая; *Изъюров И.* Петкöдлö Сыктывкар (Показывает Сыктывкар) // Войвыв кодзув. – 1964. – № 7. – С.63–64.

6. *Северцев Б.* Говорит и показывает Сыктывкар // Красное знамя. – 1964. – 7 мая; *Колмаков А.* Онія техникалöн борд (Крылья современной техники) // Югыд туй. – 1965. – 6 мая; *Дмитриев Л.* Показывает Сыктывкар // Красное знамя. – 1965. – 7 мая; *Трубачев Ф.* Ухта. Телевидение. Год 1966 // Ухта. – 1966. – 20 мая.

7. *Разманова О.* Антенны севера и юга // Красное знамя. – 1967. – 6 мая.

8. *Разманова О.* Антенны севера и юга…

9. *Попов Ю.* Сыктывкарская «Орбита» // Красное знамя. – 1967. – 7 апр.; *Тимушев Н.* «Орбита» петкöдлö (Показывает «Орбита») // Югыд туй. – 1967. – 26 сент.

10. *Геталло Ю.* Трибуна голубого экрана // Заполярье. – 1962. – 9 февр.; Хорошо, но можно лучше // Заполярье. – 1963. – 3 нояб.

11. *Попов Ю.* Гимн труду // Красное знамя. – 1961. – 28 окт.; *Максимов Р.* На экранах – «Новатор» // Заполярье. – 1964. – 20 мая; *Рошал М.* Нет, этого забыть нельзя… // Красное знамя. – 1965. – 3 марта.

12. *Семенов М.* Клуб весёлых и находчивых // Красное знамя. – 1964. – 4 янв.

13. *Бриман М.* На прямой волне // Красное знамя. – 1964. – 12 февр.

14. *Петров В.* Юность поднимает паруса // Молодёжь Севера. – 1964. – 7 июня; *Будер Б.* Мы из «Юности» // Молодёжь Севера. – 1965. – 14 марта; *Касаткин А., Шадхан И.* Поиск продолжается // Молодёжь Севера. – 1965. – 14 марта.

15. *Клейн А.* Легенда о звёздных капитанах // Красное знамя. – 1962. – 23 нояб.; *Бударин Б.* Хочу верить // Заполярье. – 1963. – 19 марта; *Гринер В.* Голоса земных матерей // Красное знамя. – 1965. – 14 мая; *Гринер В.* Старые раны // Красное знамя. – 1966. – 10 февр.; *Охлопкова В.* В шестнадцать мальчишеских лет // Заполярье. – 1967. – 21 нояб.; *Гринер В.* Завтра будет день // Красное знамя. – 1968. – 21 марта.

16. *Круковский В.* И в труде, и в песне // Красное знамя. – 1961. – 11 окт.

17. *Гольдберг Г.* Там, где будет море // Красное знамя. – 1963. – 27 авг.; *Петров С.* Море пыдöсын // Югыд туй. – 1963. – 10 сент.

18. *Помадов Г.* Росица. Очерк // Красное знамя. – 1971. – 6 нояб.

19. *Смирнов А.* Языком документа // Красное знамя. – 1974. – 21 апр.; *Помадов Г.* Подписано Лениным // Красное знамя. – 1974. – 30 апр.

20. Под нами – земля // Молодёжь Севера. – 1965. – 7 мая; *Стругач Я.* Продолжение следует // Красное знамя. – 1966. – 24 февр.; *Дмитриев А.* Тысячи молний // Красное знамя. – 1966. – 29 июля.

21. См.: *Бриман М.* Наши знакомые // Красное знамя. – 1965. – 4 дек.

22. См.: *Михайлов Б.* Первая страница. Рассказ Казакевича «Враги» в постановке Сыктывкарской студии телевидения // Красное знамя. – 1967. – 4 мая.

23. См.: *Бриман М.* Словно голое дерево // Красное знамя. – 1967. – 15 нояб.

24. См.: *Ширяев В.* Выльысь ловзьöм геройяс // Югыд туй. – 1968. – 3 дек.

25. См.: *Ширяев В.* Ещö öти воськов // Югыд туй. – 1972. – 20 июня.

26. *Изъюров И.* Крупным планом. Герои книг коми писателей на голубом экране // Красное знамя. – 1973. – 22 нояб.

27. *Изъюров И.* Рытья аддзысьлöмъяс (Вечерние встречи) // Югыд туй. – 1974. – 28 февр.

28. *Бриман М.* Наши знакомые // Красное знамя. – 1965. – 4 дек.

29. *Смирнов А.* Недорисованный портрет. Заметки с республиканского фестиваля телевизионных фильмов // Красное знамя. – 1970. – 7 февр.

30. *Смирнов А.* Недорисованный портрет. Заметки с республиканского фестиваля телевизионных фильмов…

31. *Смирнов А.* Поиск без открытий. Заметки о втором республиканском фестивале телефильмов // Красное знамя. – 1972. – 20 февр.

32. *Смирнов А.* Поиск без открытий. Заметки о втором республиканском фестивале телефильмов…

33. *Северцев Б.* Языком кинопублицистики // Красное знамя. – 1971. – 12 сент.

34. *Семейкин Ю.* Зрелость творческого коллектива. Ухтинскому телевидению – 10 лет // Красное знамя. – 1970. – 30 июля; *Смирнов А.* Время поиска, пора становления. Сыктывкарской студии телевидения – 10 лет // Молодёжь Севера. – 1974. – 12 июля; *Смирнов А.* Наш друг – телевизор. Сыктывкарской студии телевидения – 10 лет // Красное знамя. – 1974. – 12 июля; *Ларев А.* Сыктывкарса телестудиялы дас во (Сыктывкарской телестудии 10 лет) // Югыд туй. – 1974. – 13 июля.

УДК 930:37(470+571)“19”

А.К. Гагиева,
*д-р ист. наук, доцент, проф.
кафедры управления информационно-
документационными и социально-
политическими процессами
ГОУ ВО КРАГСиУ*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XX в. (на примере отраслевого кооперативного образования)

Необходимость изучения, обобщения и использования на практике исторического опыта формирования системы непрерывного профессионального образования диктуется современными потребностями системы образования, когда самое пристальное внимание обращается на подъём уровня жизни населения страны и на совершенствование механизмов включения территорий Российской Федерации в общегосударственную структуру управления.

Потребительская кооперация и её образовательные учреждения на различных исторических этапах показали свою жизнеспособность, полезность и востребованность. Особенно это касается малозаселённых и труднодоступных территорий Севера и Арктики, где невозможно и нецелесообразно формировать крупные образовательные кластеры. Выходом из создавшейся ситуации может служить формирование системы непрерывного профессионального образования, которая включает в себя все уровни профессиональной подготовки. Успешным примером здесь может служить кооперативное отраслевое профессиональное образование.

Известно, что потребительская кооперация широко востребована населением, т.к. позволяет удовлетворить спрос на товары и услуги. На протяжении изучаемого времени этот вид кооперации активно развивался. Окрепла материальная база потребкооперации, возникла система подготовки профессиональных кадров, которые решали задачи по организации торговли в сельской местности и труднодоступных для крупных торговых сетей районах. В новейшей истории России у потребительской кооперации появились конкуренты, усложнившие её работу, однако её полезность

© Гагиева А.К., 2016

для общества бесспорна, особенно для северных территорий и Арктики, где она выполняет важную социально-экономическую миссию, что побуждает государственные органы власти оказывать ей необходимую нормативно-правовую и экономическую поддержку. В связи с этим у системы потребительской кооперации есть будущее, в основе которого лежит система непрерывного профессионального образования. Накопленный в сфере профессионального кооперативного образования исторический опыт может быть применён на практике сегодня, что позволит не только избежать ошибок, но и наметить перспективы развития экономики труднодоступных северных территорий и Арктики.

К концу XX в. система непрерывного кооперативного профессионального образования была представлена 3 университетами, 6 институтами, 64 техникумами и 4 колледжами. В 2002 г. контингент студентов составил 94,5 тыс. человек, из них в системе среднего кооперативного образования обучалось 86,4 тыс. человек, или 91,4%. Обучение проходило по 31 специальности, и шла подготовка по 150 рабочим профессиям. Активно работали аспирантура, докторантура, структуры повышения квалификации и переподготовки кадров. В 42 учебных заведениях системы осуществлялась подготовка специалистов технического профиля [1]. Каждый университет активно открывал филиалы по всей стране. Так, у Московского университета потребительской кооперации их насчитывалось 15, Белгородского – 3, Сибирского (бывший Новосибирский кооперативный институт) – 9 [2].

По программам начального профессионального образования на различных курсах к концу 90-х гг. обучалось 12,5 тыс. человек и 14 тыс. человек повысили свою квалификацию. Расширилась сфера влияния учреждений кооперативного образования. Более чем в 800 общеобразовательных школах страны осуществлялось обучение на основе профессиональных образовательных программ и факультативных курсах «Основы потребительской кооперации». Педагогическими коллективами образовательных учреждений постоянно оказывалась помощь потребительским обществам. При этом 23 учебных заведения системы имели действующие учебно-производственные предприятия [3].

Деятельность образовательных учреждений потребкооперации была направлена на более активное участие научно-педагогических коллективов в реализации Концепции развития потребительской кооперации Российской Федерации, выполнение заданий Программы стабилизации развития потребительской кооперации по подготовке и повышению квалификации кадров и рекомендаций российских и региональных научно-прак-

тических конференций по внедрению научных исследований в практику. Их тесное взаимодействие с потребительскими обществами и союзами по повышению профессионального уровня работников, подготовке специалистов и квалифицированных рабочих для развивающихся отраслей потребительской кооперации и сферы услуг, а также кооперативное воспитание являлись главной задачей системы кооперативного образования.

К началу XXI в. система кооперативного образования состоялась не только в силу объективной потребности, естественной тяги членов кооперативов и работников системы к образованию, но и за счёт огромного социально-экономического и кадрового потенциала учебных заведений, имеющих сложившийся имидж в системе образования России.

В Республике Коми система кооперативного образования была представлена Сыктывкарским кооперативным техникумом с отделением дополнительного образования, которое пришло на место торгового училища в 1994 г., а также Сыктывкарским филиалом Московского университета потребительской (СФ МУПК), открытым в 1995 году. Здесь же в 2000 г. был открыт Центр дополнительного образования, призванный обеспечить подготовку кадров «рабочих профессий». К 2001 г. потребительская кооперация республики была полностью обеспечена специалистами, подготовленными в системе кооперативного образования. За 10 лет (1993–2003) Сыктывкарский кооперативный техникум, СФ МУПК окончили почти 1,5 тыс. человек, рабочие профессии получил 321 человек и повысили квалификацию (переподготовка) – 1 775 [4]. В 2000 г. техникум объявил приём по очной и заочной формам обучения по 6 специальностям, а отделение дополнительного образования и Центр дополнительного образования СФ МУПК – по 9, Сыктывкарский филиал – по 4 специальностям. Большое внимание уделялось открытию представительств кооперативных учебных заведений на селе. В Республике Коми были открыты Ижемское и Усть-Куломское представительства. Общая тенденция развития системы показывала её перспективность. Всё обучение шло по утверждённым учебным планам, по окончании учебных заведений выпускники и слушатели получали дипломы государственного образца. Таким образом, система кооперативного образования Республики Коми удачно вошла в образовательное пространство региона и страны.

Однако к началу 2001 г. материально-техническая база кооперации значительно ослабла, что привело к сокращению численности работников. Так, в Республике Коми оно составило 78%. Несмотря на уменьшение общей численности работников системы, доля лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование, по сравнению с предыдущими периодами

увеличилась. По данным Коми респотребсоюза, к концу XX в. 42,9% руководителей имели высшее кооперативное образование, 52,9% – среднее специальное. Из общего числа руководителей 163 человека имели высшее и среднее специальное образование (95,9%), специалистов было 294 человека, в том числе с высшим образованием – 63 (21,4%), а со средним специальным образованием – 210 (71,4%) [5]. У всех руководителей был большой стаж работы. В руководстве отрасли практически не осталось кооператоров, занимающих должности специалиста или руководителя, с начальным кооперативным образованием. Эта же тенденция наблюдается и в других районах страны.

Работая не только для системы кооперации, но и для других отраслей народного хозяйства Республики Коми, кооперативные образовательные учреждения в непростых экономических условиях осуществляли подготовку специалистов. Так, кооперативный техникум подготовил по очной форме обучения: в 2000 г. – 169 человек, в 2001 г. – 108, в 2002 г. – 223, в 2003 г. – 211, в 2004 г. – 174, в 2005 г. – 184. По заочной форме обучения специальность здесь получили в 2002 г. – 25, в 2003 г. – 38, в 2004 г. – 30, в 2005 г. – 39 человек. В 2000 г. в СФ МУПК состоялся первый выпуск студентов по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учёт и аудит» (всего окончило 57 человек).

Однако с 2006 г. наблюдалось неуклонное снижение поступающих в кооперативные образовательные учреждения. Одной из причин падения престижности обучения в образовательных учреждениях системы были не только ухудшающиеся экономические показатели, постоянное реформирование профессионального образования, переход на новые образовательные стандарты и др., но и то, что в практике работы кооперативных образовательных учреждений не всегда использовался исторический опыт, накопленный в системе кооперативного образования.

Исторический опыт кооперативного образования в России в XX в. со всей наглядностью убеждает, что эффективность образовательной деятельности потребительской кооперации непосредственно зависит от материального обеспечения образовательных учреждений. Для этого необходимо не только расширять перечень предлагаемых специальностей, но и более гибко подходить к системе подготовки бакалавров, сообразуясь со спецификой территории, этническими и конфессиональными установками.

* * *

1. *Гагиева А.К.* Кооперативное образование в России во второй половине XX века. – Саратов: Научная книга, 2005.

2. *Гагиева А.К.* Исторический опыт и проблемы образовательной деятельности потребительской кооперации России в 20–90-е годы XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Саратов, 2006.

3. *Гагиева А.К.* Исторический опыт и проблемы образовательной деятельности потребительской кооперации России в 20–90-е годы XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук…

4. Потребительская кооперация Республики Коми. Очерки истории / под общ. ред. А.Н. Турубанова. – Сыктывкар, 2000. – С.148.

5. Потребительская кооперация Республики Коми. Очерки истории / под общ. ред. А.Н. Турубанова… – С.192.

УДК 930:314.02(470.13)“1959”

Н.П. Безносова,
научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1959 г. ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ АССР

Изучению первой послевоенной переписи населения 1959 г. и анализу её документов по Коми АССР в научной литературе уделялось достаточно много внимания [1]. Вместе с тем такой важный социально-демографический параметр, как образовательный уровень населения, не нашёл в этих работах достойного освещения и специально не рассматривался. Уровень образования является одним из показателей уровня жизни населения. Он выступает одновременно и как социальный, и как экономический показатель, характеризующий уровень развития общества и общественных отношений. В данной статье сделана попытка на основании как уже опубликованных статистических данных, так и большого количества впервые вводимых в научный оборот архивных документов переписи 1959 г. проанализировать образовательный уровень населения Коми АССР в целом, выявить различия в уровне образования городского и сельского населения, мужчин и женщин, представителей различных этносов. Не менее важным было показать динамику образовательного уровня со времени проведения предыдущей переписи населения в 1939 году.

Согласно данным переписи по состоянию на 15 января 1959 г. численность населения Коми АССР составила 806,2 тыс. человек. Изменения в административно-территориальном устройстве, произошедшие в течение 1959 г., внесли видимые коррективы в численность и расселение жителей, что было учтено при обработке материалов переписи. По окончательным официально утверждённым цифрам население Коми АССР по переписи 1959 г. составило 815,8 тыс. человек, из них городское – 484,0 и сельское – 331,8 тыс. Итоги переписи отдельно по республике не публиковались. В Национальном архиве Республики Коми (далее – НА РК) в фонде Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми (Ф.Р-140) хранится в общей сложности

© Безносова Н.П., 2016

39 томов переписи (планы, отчёты, докладные записки и справки, списки, разработочные таблицы, предварительные и основные итоги, агитационный материал и т.д.). Программа переписи 1959 г. была фактически повторением программы 1939 г. и содержала вопрос об образовании респондента, достижении максимального уровня образования на момент проведения переписи.

Право всех граждан СССР на бесплатное образование было гарантировано ст.121 Конституции 1936 года. Бесплатность высшего и среднего профессионального образования дополнялась системой государственных стипендий чуть ли не всем студентам, а размер стипендии был достаточным для обеспечения прожиточного минимума. Иначе говоря, создавались все или почти все условия для того, чтобы студенты могли получать образование. Вместе с тем надо отметить, что вплоть до 1950-х гг. действовало совместное Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1923 г., которое вводило плату за обучение в старших классах школы и вузах. Но одновременно с этим предусматривалось освобождение от платы большой категории граждан – военных, работников образования, крестьян, инвалидов, сирот и др. Плата за обучение не взималась также в коммунистических высших учебных заведениях, на рабочих факультетах и в педагогических техникумах. Кардинальные перемены в образовательной сфере, получившие название «образовательной революции», начались в СССР на рубеже 1950–1960-х годов. В результате реализации принятых законов и правительственных постановлений, главными их которых были Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24.12.1958, Постановления Совета Министров РСФСР: «Об утверждении Инструкции по учёту детей и подростков школьного возраста, подлежащих всеобщеобразовательному восьмилетнему обучению» от 30.06.1959; «О порядке и сроках перехода на новую систему школьного образования» от 07.08.1959; «Об утверждении положений о восьмилетней школе, средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением и вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе» от 29.12.1959 в стране был осуществлён переход на всеобщее 8-летнее обучение. Реформа проходила путём трансформации 7-летних школ в 8-летние. На повышение образовательного уровня населения работала всё более расширяющаяся сеть образовательных учреждений всех уровней и звеньев. В 1959/60 учебном году в Коми АССР действовало 869 общеобразовательных школ всех видов, включая школы рабочей и сельской молодёжи, в которых обучалось 112,0 тыс. учащихся. Специалистов с высшим образованием в то время готовил только Коми педагогический институт в Сыктывкаре, со средним специальным образова-

нием – 11 техникумов и училищ (горно-нефтяной и лесотехнический техникумы в Ухте, горный техникум в Воркуте, техникум железнодорожного транспорта и речной техникум в Печоре, сельскохозяйственный и кооперативный техникумы, педагогическое, медицинское, музыкальное, культурно-просветительское училища в Сыктывкаре). За 1959/60 учебный год системой высшего и среднего профессионального образования республики выпущено 336 специалистов с высшим и 1 137 специалистов со средним специальным образованием [2].

Сравнительный анализ документов переписей 1939 и 1959 гг. свидетельствует о значительной трансформации в образовательном уровне населения за истекшее 20-летие. Число лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием в Коми АССР умножилось многократно – с 23,2 тыс. в 1939 г. до 260,6 тыс. человек в 1959 г., или в 11,2 раза. Столь масштабные перемены объясняются как непосредственно увеличением числа «образованных людей», так и рекордными темпами прироста населения республики в эти годы, в том числе за счёт миграционного притока из других регионов страны. Если рассматривать этот показатель в расчёте на 1 000 жителей, то цифры будут скромнее: за 1939–1959 гг. он вырос с 96 до 417 человек (в 4,3 раза), а на 1 000 работающих – с 99 до 467 человек (в 4,7 раза) (см. *табл. 1*). Кроме того, у 361 человека из 1 000 населения в возрасте 10 лет и старше было начальное образование. У молодёжи уровень образования был выше, чем у старшего поколения. Так, в возрастной группе 20–29 лет высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование получили 11,6%, 30–39 лет – 12,5%, 50–59 лет – 7,8% [3].

Повышение уровня образования происходило как среди городского, так и среди сельского населения, при этом на селе он оставался заметно ниже, чем в городе (см. *табл. 2*). В городских поселениях число лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием в расчёте на 1 000 жителей в возрасте 10 лет и старше в 1959 г. достигало 479 человек, в сельской местности – 319. В составе занятого в народном хозяйстве населения эти значения были выше и составляли соответственно 525 и 378 человек [4]. Среди городского населения лидером по образовательному уровню являлся Сыктывкар, где 17,2% населения в возрасте 10 лет и старше имели высшее и среднее (полное и неполное образование), аутсайдером – Инта (13,1%). Среди административных районов далеко впереди по этому показателю был Княжпогостский (13,9%), замыкали список Удорский и Усть-Цилемский районы (по 6,3%). Самый большой процент не имевших даже начального образования зафиксирован в Сысольском и Удорском районах – 29,8 и 29,0% населения. В Сысольском районе был также самый высокий удельный вес неграмотных – 9,3%.

Таблица 1

Уровень образования населения Коми АССР в 1939 и 1959 гг.

	На 1 000 человек приходится лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием			законченным высшим			средним (полным и неполным)		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
Всё население в возрасте 10 лет и старше									
1939 г.	96	127	67	7	12	3	89	115	64
1959 г.	417	426	405	20	21	18	397	405	387
Население, занятое в народном хозяйстве									
1939 г.	99	128	65	10	15	5	89	113	60
1959 г.	467	455	486	25	24	27	442	431	459

Источник: Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР: стат. сб. – Сыктывкар, 1990. – С.39.

Таблица 2

Уровень образования населения Коми АССР в 1959 г. по административным районам, %

Административные районы	Имеют образование			Не имеют образования	
	высшее и среднее (полное и неполное)	неполное среднее	начальное	грамотные	неграмотные
Всё население	11,5	27,4	20,6	14,6	4,4
Сыктывкарский горсовет	17,2	27,0	18,4	13,7	4,1
Воркутинский горсовет	14,6	34,9	21,7	9,8	1,7
Интинский горсовет	13,1	30,6	21,9	11.6	2,5
Ухтинский горсовет	13,2	29,4	19,2	13,6	3,1
г. Печора	13,5	28,5	19,0	14,3	3,4
Районы					
Ижемский	7,0	19,8	16,5	20,6	7,9

Продолжение табл. 2

Корткеросский	6,5	20,7	20,3	18,4	7,9
Койгородский	8,3	10,6	22,9	15,7	5,0
Княжпогостский	13,9	27,9	20,8	15,2	4,2
Печорский	8,3	24,6	21,1	16,2	5,4
Прилузский	6,8	22,0	18,9	19,4	7,6
Сыктывдинский	7,8	21,8	21,6	19,0	7,2
Сысольский	7,5	21,3	19,1	20,5	9,3
Троицко-Печорский	9,8	12,4	21,7	13,4	4,2
Удорский	6,3	20,1	22,0	21,0	8,0
Усть-Вымский	9,0	27,4	22,9	16,8	4,1
Усть-Куломский	6,6	17,9	21,4	18,6	8,6
Усть-Цилемский	6,3	19,2	16,8	20,5	8,1

Рассчитано по: НА РК. Ф.Р-140. Оп.2. Т.9. Д.10082. Л.45.

Провозглашённое в СССР, а затем полностью реализованное равноправие мужчин и женщин во всех сферах политической и общественной жизни предоставило женщинам в том числе равные с мужчинами возможности получения всех видов образования. Перепись 1959 г. показала, что женщины воспользовались своим правом сполна и выступили лидерами образовательного процесса. Так, в 1939 г. в Коми АССР имели высшее образование 373 женщины и 1 359 мужчин. К 1959 г. число женщин, имевших высшее образование, в абсолютном выражении возросло в 14 раз (5 233 человека), мужчин – в 5 раз (7 020 человек). Если у мужчин за 1939–1959 гг. число лиц с высшим и средним образованием на 1 000 человек повысилось со 127 до 426 (в 3,4 раза), то у женщин – с 67 до 405 (в 6 раз). Такая же тенденция просматривалась и в группе занятого населения, где, как правило, фиксируемый уровень образования оказывался выше, чем по населению в целом. По переписи 1959 г. на 1 000 занятых в народном хозяйстве мужчин приходилось 455 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, на 1 000 занятых женщин – 486, что выше, чем в среднем по СССР (мужчин – 434, женщин – 431) и кратно выше уровня образования, отмеченного переписью 1939 г. (соответственно 128 мужчин и 65 женщин) [5]. Таким образом, темпы роста образовательного уровня женщин были выше, чем у мужчин, особенно в сфере высшего образования. Отчасти это объясняется тем, что высшее образование в республике в то время можно было получить в единственном на тот момент вузе – Коми педагогическом институте, где обучались преимущественно девушки.

Одновременно с этим нельзя не отметить, что общий уровень образования женщин был существенно ниже, чем у мужчин. В 1959 г. числен-

ность женщин, не имевших даже начального образования, оставалась очень значительной – 100,6 тыс. человек, что составляло 25,7% всего женского населения республики. У мужчин этот показатель хоть и был ниже, но также сохранялся высоким – 53,9 тыс. человек, или 12,7% мужского населения (см. *табл. 3–4*).

Данные переписи 1959 г. указывают на значительный разрыв в образовательном уровне у представителей разных этносов. Как следует из материалов *табл. 5*, самый высокий уровень образования был у евреев – 72,7% из них имели высшее и среднее (полное и неполное) образование. Далее со значительным отставанием шли украинцы – 39,4%, белорусы – 37,8%, русские – 35,8%, татары – 32,9%, коми – 22,7%. Самый низкий уровень образования по этому показателю в группе наиболее многочисленных

Таблица 3

Уровень образования мужского населения Коми АССР по возрастным группам в 1959 г., человек

Возраст	Высшее	Н/высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Неполное среднее	Начальное	Не имеют образования	Из них	
								грамотные	неграмотные
Всё население	7 020	2 663	19 187	18 027	93 308	142 239	53 937	49 521	4 416
В том числе:									
9–12	–	–	–	–	1	5 482	18 972	18 905	67
13–15	–	–	–	–	1 582	5 302	549	518	31
16–19	–	8	598	2 915	14 955	10 390	795	714	81
20–24	559	286	4 604	4 622	27 467	31 849	2 752	2 542	210
25–29	1 546	269	3 229	1 678	14 878	32 924	4 762	4 454	308
30–34	1 003	497	3 136	2 440	16 510	23 127	3 308	3 077	231
35–39	745	512	2 347	2 536	8 284	9 450	2 154	1 992	162
40–44	824	397	2 262	1 407	4 840	7 665	2 798	2 550	248
45–49	911	311	1 612	891	2 719	6 926	5 070	4 614	456
50–54	724	209	799	733	1 245	4 220	3 934	3 503	431
55–59	463	118	347	475	541	2 376	2 796	2 400	396
60 и старше	245	56	253	330	277	2 497	6 043	4 248	1 795

Источник: НА РК. Ф.Р-140. Оп.2. Т.9. Д.10082. Л.39.

Таблица 4

Уровень образования женского населения Коми АССР по возрастным группам в 1959 г., человек

Возраст	Высшее	Н/высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Неполное среднее	Начальное	Не имеют образования	Из них	
								грамотные	неграмотные
Всё население	5 233	2 807	22 054	16 894	73 614	83 946	100 636	69 198	31 438
В том числе:									
9–12	–	–	–	–	–	5 719	18 547	18 487	60
13–15	–	–	–	–	2 129	4 897	371	344	27
16–19	–	8	805	4 068	13 382	4 292	500	419	81
20–24	714	628	6 342	4 586	17 355	9 874	1 880	1672	208
25–29	1 685	558	4 358	1 508	12 120	16 339	4 115	3 803	312
30–34	1 182	599	4 240	2 518	15 840	17 280	4 202	3 796	406
35–39	683	539	3 254	2 026	7 851	9 937	4 603	4 107	496
40–44	360	202	1 572	723	2 892	5 830	8 750	7 309	1 441
45–49	256	102	668	471	1 009	3 577	13 943	10 833	3 110
50–54	154	74	370	395	575	2 689	10 546	7 035	3 511
55–59	116	47	213	292	239	1 630	10 050	5 092	4 958
60 и старше	83	20	232	307	222	18 822	23 129	6 301	16 828

Источник: НА РК. Ф.Р-140. Оп.2. Т.9. Д.10082. Л.40.

национальностей зафиксирован у немцев – 20,8%. Вместе с тем наибольший процент людей, не имевших даже начального образования, был у коми – 28,8%, у немцев он составлял 22,4%, татар – 15,1%, украинцев – 14,9%, русских – 14,5%, белорусов – 13,2%, евреев – 6,7%. Среди представителей титульного этноса было также самое большое число неграмотных – 8,9% коми не умели читать и писать, в то время как у представителей других национальностей этот показатель не превышал 2–3%, у евреев – 0,2%.

Показатели уровня образования тесно связаны с показателями грамотности. Ликвидация неграмотности в СССР как массовое явление относится к 1920–1930-м годам. К концу 1930-х гг. главные задачи кампании были решены успешно, и неграмотность в стране утратила характер острой социальной проблемы. Однако, несмотря на то, что во время переписи

Таблица 5

Уровень образования отдельных национальностей Коми АССР в 1959 г., % к числу лиц соответствующей национальности

Национальность	Всё население, человек	В том числе						Не имеющие образования	
		высшее	н/высшее	среднее специальное	среднее общее	7-летнее и незаконченное среднее	начальное и незаконченное 7-летнее	грамотные	неграмотные
Коми	245 074	0,8	0,7	4,1	2,4	14,7	23,8	19,9	8,9
Русские	389 995	1,8	0,7	5,9	4,6	22,8	28,5	12,1	2,4
Украинцы	80 132	1,4	0,6	4,7	6,0	26,7	30,1	12,2	2,7
Белорусы	22 339	1,1	0,5	4,4	6,1	25,7	34,8	10,7	2,5
Немцы	19 805	0,7	0,4	2,4	2,8	14,5	33,7	19,7	2,7
Татары	8 457	1,0	0,3	2,8	3,6	25,2	36,7	11,9	3,2
Евреи	2 773	23,2	4,6	13,1	15,6	16,2	13,3	6,5	0,2

Рассчитано по: НА РК. Ф.Р-140. Оп.2. Т.8. Д.8684. Л.1–11.

1939 г. грамотными посчитали всех, кто едва мог расписываться, объявить о наступлении в СССР стопроцентной грамотности руководство страны не решилось, т.к. доля неграмотных сохранялась очень высокой, особенно среди старшего поколения. В Коми в 1939 г. неграмотными были 31,4% женщин и 9,2% мужчин в возрасте 9 лет и старше [6]. Вторая мировая и Великая Отечественная войны скорректировали и отодвинули сроки полной ликвидации неграмотности, поэтому окончательной победы на этом направлении не удалось достичь и спустя 20 лет. Перепись 1959 г. показала, что неграмотными в Коми АССР оставались 4,4% населения (35,8 тыс. человек, из них мужчин – 4,4 тыс., женщин – 31,4 тыс., что составляло 8% женского населения республики). При этом более половины из числа неграмотных (52%) были пожилыми людьми нетрудоспособного возраста от 60 лет.

Сравнительный анализ образовательного уровня в Коми АССР и аналогичных показателей по СССР в целом выявил следующую картину. Если в 1939 г. Коми АССР по всем образовательным параметрам заметно отставала от медианных по стране показателей, то в 1959 г. уже заметно опережала, особенно в сфере высшего женского образования. В 1939 г. в СССР на 1 000 человек в возрасте 10 лет и старше высшее и среднее

(полное и неполное) образование имели 109 человек, в Коми АССР – 96, в 1959 г. – соответственно 365 и 417 человек [7].

Итак, перепись 1959 г. показала значительный рост образовательного уровня населения Коми АССР со времени проведения предыдущей Всесоюзной переписи населения 1939 года. Её результаты также свидетельствуют о сближении уровня общеобразовательной подготовки горожан и сельских жителей, мужчин и женщин, а в сфере высшего образования перепись даже выявила первенство женщин. Однако различия, в частности между городом и селом, между представителями различных этносов и гендерных групп населения, были ещё значительны. Следует учитывать и влияние возрастной структуры населения: во многих сельских поселениях доля людей старшего поколения была выше, чем в городах; доля пожилых женщин больше по сравнению с мужчинами, а как раз люди старших возрастов составляли основную часть лиц, которые не смогли в своё время получить образование.

* * *

1. *Безносова Н.П.* Всесоюзная перепись населения 1959 г. об этническом составе населения Республики Коми // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. – Сыктывкар, 2000. – С.285–288; *Безносова Н.П.* Особенности демографического развития Коми АССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). – Сыктывкар, 2005. – С.38–44; *Безносова Н.П.* Естественное движение населения Коми АССР в 1945–1959 годах // Этнодемографические процессы на севере Евразии: сб. науч. трудов. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 2. – С.71–97; *Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н., Шабаев Ю.П.* Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. – Сыктывкар, 2006; *Безносова Н.П.* Особенности половозрастной структуры населения Коми АССР в послевоенные годы (1945–1959 гг.) // Территория и население стран и континентов: история и современность. – Ульяновск, 2015. – С.203–212.

2. Коми АССР за 40 лет: стат. сб. – Сыктывкар, 1961. – С.174–177.

3. Рассчитано по: ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р-140. Оп.2. Т.9. Д.10082. Л.39–40; Сколько нас? Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Республике Коми: стат. сб. – Сыктывкар, 2005. – С.47.

4. НА РК. Ф.Р-140. Оп.4. Д.2949. Л.136–137.

5. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. РСФСР. – СПб., 1999. – С.88, 110; Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР: стат. сб. – Сыктывкар, 1990. – С.39.

6. Рассчитано по: НА РК. Ф.Р-140. Оп.2. Д.987. Л.1–65.

7. Всесоюзная перепись населения 1939 г. РСФСР... – С.88, 110; Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР... – С.39.

УДК 502.131.1(470.13)

А.А. Лыюров,
ведущий специалист
Коми НЦ УрО РАН

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Указом Президента РФ от 05.01.2016 № 7 2017-й г. объявлен в России Годом экологии с целью привлечения внимания общества к вопросам экологического развития страны, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности [1]. В решении экологических проблем наряду с государством значительную роль играют общественные организации, которые занимают важные позиции в современном гражданском обществе.

В Республике Коми формирование экологической структуры как элемента гражданского общества в основном происходило в последнее десятилетие XX века. Интерес общественности к вопросам экологии в указанный период был обусловлен в первую очередь появляющимися в средствах массовой информации публикациями об экологических происшествиях и катастрофах.

Как известно, в информационном плане СССР был крайне закрытым обществом. Одним из аспектов этой закрытости было замалчивание сведений о всякого рода катастрофах и авариях, происходивших в стране. От населения, конечно, скрыть их было сложно, и из-за отсутствия точной информации они обрастали многочисленными слухами и домыслами.

Положение стало меняться с середины 80-х гг. прошлого столетия. Так, крупнейшая техногенная авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г. заставила власти СССР открыть экологическую информацию, в результате чего жители страны узнали о том, что происходит с местом их проживания. Экологизация сознания вызвала массовые коллективные действия. Несмотря на факты игнорирования выступлений общественности в защиту окружающей среды, общественные организации были весьма внушительной силой, способной поставить властные структуры перед необходимостью принятия определённых решений по той или иной проблеме. Открывшиеся возможности стали благоприятной почвой для самоорганиза-

© Лыюров А.А., 2016

ции населения страны: её руководство призывало своих граждан к активным самостоятельным действиям – ему крайне необходима была массовая поддержка осуществлявшегося тогда процесса демократизации общества.

На фоне всплеска демократизма республиканская общественность стала поднимать вопросы о состоянии окружающей среды и необходимости активнее внедрять в жизнь меры, способствующие её защите.

Повышенное внимание к проблемам экологии было неслучайным: охрана окружающей среды становилась одной из важнейших общегосударственных задач, которая заключалась в том, чтобы минимизировать техногенное воздействие на состояние природной среды и показать обществу на примере конкретные опасности, угрожающие человеку в окружающем мире. Формирование правильного, осознанного отношения человека к природе способно предотвратить нарастание в окружающей среде вредных факторов и помочь нейтрализовать их.

Эта задача была отражена в одном из первых законодательных актов современной России – Законе РСФСР «Об охране окружающей природной среды». В соответствии с принципом гласности в работе и тесной связью с общественными организациями и населением в решении природоохранительных задач ст.73 указанного Закона предусматривала реализацию мероприятий, направленных на «повышение экологической культуры общества и профессиональной подготовки специалистов» и установление «системы всеобщего, комплексного и непрерывного экологического воспитания и образования», охватывающей дошкольное, школьное образование, профессиональную подготовку специалистов в средних и высших учебных заведениях [2].

Приоритетными направлениями указанного Закона являлись экологическое воспитание и информационно-просветительская деятельность со стороны государственных и неправительственных организаций, направленные на повышение уровня общественного экологического сознания, преодоление потребительской политики природопользования.

В данной статье автор предпринимает попытку анализа деятельности общественных организаций в области экологического просвещения населения Республики Коми. Исследования обобщающего характера по этой проблеме в республике отсутствуют. В числе рассматриваемых организаций основной акцент сделан на двух структурах – Республиканском центре экологического образования (далее – РЦЭО), более известном под названием «Станция юннатов», г. Сыктывкар, и Комитете спасения Печоры. Выбор этих организаций обусловлен тем обстоятельством, что они являются лидерами в реализации концептуальной основы развития экологического образования и просвещения населения Республики Коми.

В то же время следует отметить, что на территории Республики Коми успешно действуют и другие структуры, осуществляющие экологическую просветительскую деятельность, к ним можно отнести Малую академию при Коми НЦ УрО РАН, «Научно-методический Центр образования для устойчивого развития» Педагогического института Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (канд. биол. наук Л.В. Чалышева), реализующий важнейшие проекты в области экологического образования, воспитания и просвещения – «Зелёный пакет» для Коми, «Экологическое и культурное просвещение как инструмент для международного сотрудничества».

РЦЭО, насчитывающий 75-летнюю историю, создан в г. Сыктывкаре решением Наркомзема Коми АССР 13 марта 1941 г. (Приказ НКП от 14.03.1941 № 85). Первоначально он назывался Республиканская станция юных натуралистов и опытников сельского хозяйства.

Это была первая в своём роде попытка экологизации населения Республики Коми, где основной упор был сделан на внешкольное образование. Дополнительные учебные занятия со школьниками проводились как на открытом грунте, так и в теплице. Кружковцы знакомились с семенами овощных культур, занимались их расфасовкой для школ республики. Они получали навыки по уходу за овощами: их посадке, поливу, прополке, пасынкованию томатов, сбору плодов, уборке растений. Представители РЦЭО и их воспитанники регулярно принимали активное участие в различных конкурсах и соревнованиях, связанных с природоохранной тематикой. В советский период лучшие юннаты ежегодно награждались бесплатными туристическими путёвками в различные города Советского Союза и в г. Москву на ВДНХ СССР.

Новым шагом на пути правового совершенствования экологического воспитания в России стали Федеральный закон «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 и Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (1994), закрепившие важную функцию экологического воспитания и образования в качестве приоритетных направлений государственной политики и создавшие предпосылки правовой базы для формирования системы экологического образования населения [3]. Закон РФ «Об образовании» законодательно закрепил необходимость создания в регионах страны системы непрерывного экологического образования [4]. Одной из таких программ стала экологическая программа для дошкольников «Наш дом – природа», разработанная доктором педагогических наук, кандидатом биологических наук Н.А. Рыжовой. Эта программа активно используется дошкольными учреждениями страны как дополнительная, до-

пущенная Министерством образования РФ. Она обеспечивает преемственность в экологическом образовании дошкольников с начальной школой по предметам «Окружающий мир», «Природоведение». Особое внимание в ней уделяется формированию целостного взгляда на природу и место человека в ней. У детей формируются первые представления о существующих в природе взаимосвязях и на этой основе – начала экологического мировоззрения и культуры, ответственного отношения к окружающей среде, к своему здоровью [5].

В целях реализации поставленных задач Госкомприроды Республики Коми 2 июня 1994 г. провёл республиканское совещание по организации системы всеобщего экологического образования, на котором было принято решение о том, что центром внешкольного экологического образования и воспитания в республике является РЦЭО.

Выполняя новый социальный заказ на экологическое образование, РЦЭО сконцентрировался на создании познавательно-воспитательного процесса, который способствовал бы формированию у обучающихся способности проектировать свою жизнедеятельность на основе идей устойчивого развития с учётом её экономических, социальных и экологических последствий для состояния окружающей среды, здоровья, безопасной жизни населения Республики Коми. При этом необходимо отметить, что важнейшая цель экологического образования – развитие экологической культуры личности. В этой связи процесс экологического образования реализовывается в определённой системе экологических знаний, умений и компетенций, составляющих инструментальную основу учебно-познавательной деятельности обучающихся.

Формирование современной системы внешкольного экологического образования и воспитания руководство РЦЭО видит в создании:

- инфраструктуры для обеспечения системы непрерывного экологического воспитания и образования;

- системы практической деятельности учащихся по улучшению окружающей среды;

а также в:

- координации школьной и внешкольной систем образования, начального и среднего профессионального образования и эколого-просветительской деятельности неправительственных организаций;

- подготовке и повышении квалификации педагогических кадров по вопросам экологического образования [6].

Одно из важнейших мест в системе экологического образования и воспитания занимают природоохранные акции, в которых принимают участие не только школьники, студенты, но и взрослое население республики.

В числе популярных и регулярных акций, осуществляемых в регионе, следует выделить следующие: «Спасём рыбу от замора», «Живое серебро», «Верни лесу чистоту», «Подснежник» и др.

Ежегодно РЦЭО проводит большое количество различных познавательных и интеллектуальных республиканских конкурсов, праздников, выставок, экскурсий, экологических игр и т.д. Назовём только некоторые из них:

- конкурсы: «Моя малая Родина: природа, культура, этнос», лесной конкурс «Подрост», «Зеркало Природы», научная эколого-биологическая олимпиада УДОД и др.;

- экологические праздники и игры: «Сновидения в зоопарке», «Планета детства», «День птиц», «Друзей не бросают» и др.;

- обучающие семинары: для руководителей школьных лесничеств, для руководителей, методистов и педагогов образовательных учреждений.

В целях обмена опытом представители РЦЭО принимают участие в международных мероприятиях, в их числе Международная финно-угорская экологическая школа-лагерь. Наряду с этим в республике реализуется ряд международных проектов в рамках Совета Баренцева/Евроарктического региона в сфере экологического просвещения. Одним из таких проектов, в котором участвует РЦЭО, является проект по обмену опытом в области экологического образования «Обмен методиками преподавания по теме “Окружающая среда”» между г. Лулео (графство Норботтен, Швеция) и г. Сыктывкаром (Республика Коми).

В 2015 г. по заказу Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми РЦЭО разработал программу «Заповедная школа». Это уникальный для России проект, представляющий собой специализированный курс дополнительного, углублённого образования, который направлен на становление у учащихся старшего звена экологической культуры, экологического стиля мышления, а также на принятие ценности любых форм жизни как необходимого условия сохранения биоразнообразия на Земле и выживания самого человека. Реализация этой программы способствует смене антропоцентрического сознания подростков на экоцентрическое, формированию уважительного отношения к любым формам жизни, вне зависимости от степени «полезности» или «бесполезности» отдельных видов организмов для человека [7].

К реализации проекта «Заповедная школа» привлечены и академический опыт сотрудников Института биологии Коми НЦ УрО РАН, и образовательный сегмент ведущего вуза столицы – Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, учителей биологии средних общеобразовательных школ республики. Проект реализуется

в тесном сотрудничестве со школьными лесничествами. Весь образовательный процесс ориентирован на самореализацию личности учащегося, развитие его интеллектуальных качеств, творческих способностей и социальной адаптации в обществе через исследовательскую, природоохранную и социальную деятельность [8].

Немаловажным звеном в экологическом просвещении населения является распространение экологических знаний, информации о состоянии окружающей среды, охране, рациональном использовании и восстановлении природных ресурсов в целях формирования у общественности Республики Коми основ экологической культуры.

Локомотивом в информировании населения как Республики Коми, так и России о происходящих экологических событиях, авариях катаклизмах в регионе по праву считается Комитет спасения Печоры (далее – КСП). КСП – это первая в республике экологическая неправительственная организация, работающая в бассейне р. Печоры, была создана в сентябре 1989 г. решением конференции жителей Печорского бассейна. КСП является членом Международного социально-экологического союза, Лесного клуба российских НПО, ассоциации НПО «Российская сеть рек», сотрудничает с Гринпис России и многими другими неправительственными экологическими организациями [9].

Выбрав путь экологического просвещения, КСП сконцентрировался на двух направлениях: первое – предание огласке ситуации, складывающейся на нефтепромыслах; второе – давление со стороны общественности на ведомственные и властные структуры с требованием наладить нормальную технологию нефтедобычи, транспортировки нефти [10].

За время своей деятельности КСП организовал множество локальных экологических акций, в которых участвовали сотни людей, живущих в бассейне р. Печоры. Результативные действия общественной организации нашли положительный отклик и способствовали сплочению людей, борющихся за право жить в безопасной экологической обстановке. Это, в свою очередь, привело к созданию сетевой структуры КСП путём создания новых секций и отделений в городах и районах Печорского бассейна и увеличило вовлечённость общественности в решение экологических проблем.

Наглядным примером успешной деятельности экологической структуры могут служить следующие. В 1992 г., собрав более 20 тыс. подписей жителей Припечорья, КСП содействовал: созданию Национального парка «Югыд ва» на западном склоне Приполярного и Северного Урала; объявлению моратория на строительство АЭС на территории Республики Коми; снятию так называемого рыбоучётного заграждения в устье р. Печоры, служившего прикрытием для браконьерского лова сёмги в промышленных

масштабах; официальному несогласованию на республиканском уровне попыток российского руководства возобновить ядерные испытания на Новой Земле.

Осенью 1994 г. КСП организовал информирование международной и российской общественности о реальной ситуации на усинских нефтепромыслах, в то время как официальными властями информация о трагедии в Усинске тщательно скрывалась.

В 1995 г. совместно с Гринпис России в список всемирного наследия ЮНЕСКО были включены девственные леса Коми.

Следует отметить, что КСП – одна из первых в республике организаций, обратившаяся к разработке целевых социально-экологических проектов и участию в грантовых конкурсах. Грамотное сочетание разных форм и методов работы, активность и наступательность действий, полная гласность деятельности, доступность – всё это уже в первые годы деятельности КСП обеспечило доверие абсолютного большинства местного населения к этой общественной организации. Люди увидели в ней шанс исправить ситуацию, заставить власти изменить отношение к природопользованию, считаться с мнением местных жителей.

За время своей деятельности КСП зарекомендовал себя как общественная структура, способная: отстаивать интересы местного населения в конфликтных ситуациях, возникающих в связи с экологическими проблемами; организовывать результативные экологические акции; выполнять конструктивные экологические проекты; вести информационную и консультационную работу с населением.

Несмотря на то, что в деятельности КСП значительное место было уделено информационной работе и проведению различных протестных акции, в числе положительного опыта организации можно отметить и немало примеров конструктивного сотрудничества с государственными структурами, муниципальными службами, природоохранными организациями, научными учреждениями, общественными организациями.

* * *

1. О проведении в Российской Федерации Года экологии: указ Президента РФ от 05.01.2016 № 7. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40400

2. Об охране окружающей природной среды: закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1. – URL: http://dokipedia.ru/document/5160243

3. О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития: указ Президента РФ от 04.02.1994 № 236. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/5422; Об образовании: федеральный закон от 10.07.1992 № 3266-1. – URL: https://rg.ru/1992/07/31/obrazovanie-dok.html

4. Об образовании: федеральный закон от 10.07.1992 № 3266-1...

5. *Рыжова Н.А.* Программа «Наш дом – природа»: Блок занятий «Я и Природа». – М., 2005.

6. Государственный доклад «О состоянии окружающей среды Республики Коми в 1995 году». – Сыктывкар, 1995. – С.132.

7. Заповедная школа (06.11.2015) // Республиканский центр экологического образования. – URL: http://www.krebc.prirodakomi.ru/index.php/novosti/item/437-zapovednaya-shkola (дата обращения: 28.09.2016).

8. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми, ГБУ РК «ТФИ РК». – Сыктывкар, 2016. – С.149.

9. О Комитете спасения Печоры. – URL: http://savepechora.ru/page.php?p=4 (дата обращения: 28.09.2016).

10. Всероссийскому обществу охраны природы – 75 лет. – Сыктывкар, 1999. – С.53.

УДК 792.03(470.13)

Д.Т. Козлова,
научный сотрудник отдела
отечественной истории
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

ТЕАТРАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КОМИ: ПОТЕРИ И ОБРЕТЕНИЯ (1948–2010 гг.)

Среди факторов, влияющих на формирование социокультурной сферы, особое место занимают художественные сообщества, в частности Союз театральных деятелей Республики Коми, который является отделением общественной организации «Союз театральных деятелей Российской Федерации (Всероссийское театральное общество)». Союз театральных деятелей Республики Коми (далее – СТД РК) – это общественная организация, объединяющая представителей театральных профессий, задачей которой является развитие театрального искусства в республике, оказание помощи и поддержки деятелям сцены.

Союз театральных деятелей является преемником Всероссийского театрального общества (далее – ВТО), которое в свою очередь стало преемником Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса под руководством А.В. Луначарского, созданного в 1918 году. С этого времени начался процесс постепенного огосударствления театрального сообщества. В 1932 г. в связи с постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» Российский театральный отдел (далее – РТО) был переименован во Всероссийское театральное общество, которое возглавила народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии I степени А.А. Яблочкина. Устав ВТО неоднократно менялся, но его задачи оставались прежними: оказание творческой и методологической помощи театрам и театральным деятелям, социально-бытовая деятельность. В 30-е гг. XX в. в республиках стали создаваться самостоятельные театральные общества. Следует заметить, что первое театральное сообщество под названием «Общество взаимного вспоможения русских артистов» было основано в 1877 г. в целях «доставления русским артистам большего удобства для распространения их произведений в публике и усовершенствований их дарований». Среди учредителей Общества были И.С. Тургенев, В.В. Вере-

© Козлова Д.Т., 2016

щагин, Д.В. Григорович, а его Первым председателем являлся актёр, режиссёр и драматург А.Ф. Федотов [1].

В истории культуры Республики Коми Союз театральных деятелей (ВТО) на данный момент является неизученной проблемой, хотя некоторые аспекты ВТО косвенно освещаются в научно-популярной книге «История театральной и музыкальной культуры Республики Коми. XX век» [2]. С целью раскрытия темы привлечён обширный комплекс архивных и опубликованных документов, составивших источниковую базу работы: материалы ГУ РК «Национальный архив Республики Коми», архива Министерства культуры Республики Коми, Союза театральных деятелей Республики Коми, материалы республиканской прессы и электронный ресурс.

В Коми АССР до 1948 г. не было самостоятельного отделения ВТО, хотя театральная сфера послевоенного времени республики выглядела вполне благополучно. В ведении Управления по делам искусств СНК Коми АССР находились Коми республиканский драматический театр, полупрофессиональные колхозно-совхозные театры, действовавшие в сёлах Объячево и Усть-Кулом. Наряду с ними на территории ГУЛАГа действовали музыкально-драматические театры в Воркуте, Ухте, Абези, Инте. Театры республики играли значительную роль в духовном развитии её населения.

В послевоенное время в театрах республики работали 7 членов ВТО, приехавшие из других городов и областей. В январе 1948 г. в Сыктывкаре состоялось организационное собрание членов ВТО и работников искусств, на котором было решено создать Оргбюро по созданию ВТО в Коми АССР, для чего было избрано Оргбюро в составе С.И. Ермолина, Н.Н. Шамраева, В.С. Григорьева, Н.А. Сурковой, Г.П. Сидоровой. 29 марта 1948 г. Президиум ВТО постановил утвердить решение собрания и создать отделение ВТО в Коми АССР; был утверждён состав Правления Коми отделения ВТО: С.И. Ермолин – председатель, Н.Н. Шамраев – секретарь, В.С. Григорьев, Н.А. Суркова и Г.П. Сидорова. В 1948 г. Коми отделение ВТО объединяло 54 человека [3].

Однако в том же году Совет Министров Коми АССР в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР «О сокращении государственных дотаций театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности» переводит на самоокупаемость все театры, за исключением Коми республиканского драматического театра. В результате бездотационной работы, испытывая трудности материального и финансового характера, в 1948 г. прекратили свою деятельность Объячевский, Усть-Куломский колхозно-совхозные театры и Сыктывкарский кукольный театр, что значительно обеднило культурную жизнь населения республики.

В конце 40-х гг. XX в. в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26.08.1946 [4] почти все театры страны находились в репертуарном кризисе. Не был исключением и Коми республиканский драматический театр, в репертуаре которого в указанное время значительное место занимала русская и зарубежная классика. В этот период руководством республики перед писателями и драматургами была поставлена задача создания современных национальных произведений. Усилиями Коми отделений Союза писателей и ВТО проводились конкурсы на лучшее современное художественное произведение. В 1948 г. в республиканском конкурсе приняли участие 33 автора [5].

Вскоре на сцене Коми драматического театра были поставлены лучшие пьесы коми драматургов, которые получили всесоюзную известность: «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова (1949), удостоенная Сталинской премии, «В предгорьях Тимана» Г. Фёдорова (1948), «Сельские вечера» В.Д. Леканова (1954), «Ключи богатства» В. Юхнина (1946). Вместе с тем совещание работников культуры Коми АССР, состоявшееся в октябре 1953 г., отмечало, что «в репертуаре национального театра отсутствуют пьесы на коми языке». В 1955 г. из Москвы по линии ВТО был приглашён режиссёр театра Советской Армии А.З. Окунчиков, который в течение полугода работал над постановкой новой коми национальной пьесы Г. Ермакова «Северное сияние», оказывая практическую помощь режиссёру-постановщику П.А. Мысову. В 1948 г. Объячевский колхозно-совхозный театр посетил московский театральный критик Д. Медведенко, который, просмотрев спектакли «Константин Заслонов» и «Пути-дороги» местного автора Г. Фёдорова, на страницах журнала «Войвыв кодзув» (Северная звезда) писал, что «театр достиг своей зрелости, что многолетняя практическая работа не пропала даром» [6].

С 1953 по 1961 г. Коми отделение ВТО возглавлял П.А. Мысов – заслуженный артист РСФСР и народный артист Коми АССР. В годы Великой Отечественной войны он являлся директором и художественным руководителем Ухтинского филиала Коми республиканского драматического театра. В 1950-е гг. Коми отделение ВТО вновь возродило такую форму работы, как зрительские конференции, что свидетельствовало о преемственности театральных традиций. В 1954 г. состоялись творческие отчёты артистов коми театра И.И. Аврамова, Г.П. Сидоровой, П.А. Мысова, А.С. Русиной перед рабочими Лесозавода и судоверфи г. Сыктывкара. После просмотра спектакля «Порт-Артур» в горкоме комсомола, в Коми государственном педагогическом институте, в школе № 1 г. Сыктывкара в дебатах приняли участие 600 человек.

Коми отделение ВТО работало в тесном взаимодействии с Управлением по делам искусств СНК Коми АССР. В ноябре 1954 г. секретариат Коми Обкома КПСС как контролирующий орган подверг резкой критике деятельность Воркутинского драматического театра, репертуар которого не соответствовал идеологическим установкам того времени. В частности, указывалось, что «в репертуаре преобладают пьесы незначительные в идейном отношении, не затрагивающие больших и главных проблем жизни советского общества», вследствие чего в 1955 г. театр был ликвидирован как структурное подразделение комбината “Воркутауголь». В апреле 1956 г. вновь созданный Воркутинский городской драматический театр был переведён в ведение Министерства культуры Коми АССР. Годом раньше по инициативе репрессированных артистов возник Воркутинский театр кукол. Решением горисполкома Воркуты на каждой шахте был установлен «День театра», что позволяло проводить культурно-просветительную работу на предприятиях как плановые мероприятия. Для любителей театрального искусства при театре работал клуб «Друзья театра», организованный членами ВТО [7].

В 1961 г. председателем Коми отделения ВТО был избран лауреат Государственной премии Коми АССР, первый народный артист СССР И.И. Аврамов, который внёс существенный вклад в развитие театрального дела в Коми АССР. Приоритетным направлением в его деятельности на посту председателя ВТО являлось повышение квалификации коми артистов и режиссёров посредством приглашения театральных деятелей из столичных театров страны с целью проведения семинаров и мастер-классов, участия в творческих лабораториях, а также за счёт творческих командировок местных артистов в столичные театры.

В эти годы вошла в систему практика приглашения по линии ВТО известных театральных деятелей из столичных театров на разовые постановки. В Коми республиканском драматическом театре работали: лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный деятель искусств УССР Б. Бортко; режиссёры В. Иокар, Е.Д. Калинский, Ю.Г. Лаппа-Старженецкий. Однако основную постановочную работу вели местные режиссёры, вышедшие из актёрской среды: Н.М. Дьяконов, М.А. Красильников, В.Д. Леканов, И.Н. Кривошеин. Наиболее значительные постановки («Поднятая целина» по роману М. Шолохова, «Между ливнями» А. Штейна, «Совесть» Д. Павлова, «Ухабы жизни» В. Леканова, «Это было в Сыктывкаре» И. Потолицына и др.) были осуществлены И.И. Аврамовым.

В 1957 г. по инициативе воркутинских театров – драматического и театра кукол – Президиумом Совета ВТО РСФСР последние были выведены из состава Коми отделения ВТО и переданы в ведение уполномо-

ченного ВТО по Воркуте. В 1960-е гг. в Воркутинском театре по линии ВТО работал кандидат искусствоведения А. Якубовский. Однако летом 1963 г. Воркутинское отделение ВТО было ликвидировано, а театры Воркуты вновь переданы в ведение Коми отделения ВТО, число членов которого постоянно росло и в 1965 г. составило 148 человек [8].

В период так называемого «застоя» наблюдалось усиление идеологического прессинга в области культуры и искусства, о чём свидетельствуют Постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972), «О работе с творческой молодёжью» (1976), «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества» (1978), «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979). В этот период Коми отделение ВТО сосредоточило театральную деятельность на проведении массовых мероприятий, таких как Дни коми литературы и искусства, Недели показа премьер, акции «Театр и дети», «Театр – селу», в ходе которых театральные коллективы не только бесплатно ставили спектакли, но и организовывали творческие встречи. Если в 1977 г. в ходе проведения Недели «Театр и дети» Коми республиканским драматическим театром было организовано 30 творческих встреч с учащейся и студенческой молодёжью, то в 1978 г. – 45 [9].

Коми отделение ВТО проводило большую работу по укреплению связи театров с производством. В 1970-е гг. появилась такая форма сотрудничества театров республики с трудовыми коллективами, как социалистическое содружество. Особенно прочные связи у Коми республиканского драматического театра установились с коллективами предприятий Лесопромышленного комплекса, Лесодеревообрабатывающего комбината, Сыктывкарского механического завода. В пос. Княж-Погост на базе районного Дома культуры успешно функционировал филиал музыкального театра. В 1972 г. было подписано 12 договоров о социалистическом содружестве между Воркутинским драматическим театром и предприятиями Воркуты, в том же году труппой театра было организовано 25 творческих встреч, обсуждений спектаклей. Особо тесные связи у Воркутинского театра были установлены с шахтёрскими коллективами и воинской частью. В ноябре 1973 г. за большую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся республики и в связи с 30-летием со дня основания Воркутинский драматический театр был награждён Почётной грамотой Совета Министров Коми АССР.

В 1974 г. по итогам Всероссийского смотра работы с творческой молодёжью коллегия Министерства культуры РСФСР присудила Воркутинскому театру Диплом III степени за постановку спектаклей на тему

о Великой Отечественной войне («А зори здесь тихие», «В списках не значился» Б. Васильева, «Июнь – начало лета» Ю. Эдлиса).

В связи с выходом в 1977 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» Коми отделение ВТО активизировало шефскую работу театральных коллективов на селе. В 1977 г. Коми республиканским драматическим театром были взяты конкретные обязательства по шефству над коллективами народных театров сёл Объячево, Корткерос и Айкино. Большую помощь посредством чтения лекций по истории театра, организации творческих встреч и бесед народным театрам оказывали профессиональные мастера сцены. В 1977 г. при участии членов ВТО в с. Лозым совхоза «Пажгинский» был создан филиал республиканского драматического театра, репертуарная афиша которого включала пьесы как коми авторов – В. Савина, И. Изъюрова, П. Шахова, так и русских – В. Распутина и В. Белова, которые поднимали актуальные для того времени вопросы жизни на селе.

В 70-х – начале 80-х гг. XX в. Коми отделение ВТО проводило большую работу по укреплению советско-болгарской дружбы. Коми республиканский драматический театр являлся постоянным коллективным членом Общества советско-болгарской дружбы. Во время ставших традиционными фестивалей, Недель советско-болгарской дружбы практиковались гастроли болгарских артистов в Коми АССР, творческие встречи с деятелями искусства. На сцене театров республики ставились пьесы болгарских драматургов. На фестивале болгарской драматургии в СССР Э.А. Попов был удостоен звания лауреата Государственной премии Коми АССР за постановку спектакля «Красное и коричневое».

В 1970–1985-е гг. была продолжена традиция приглашения ведущих театральных деятелей Москвы и Ленинграда по линии ВТО в целях повышения профессиональной квалификации местных артистов. В эти годы в Коми республиканском драматическом театре ставили спектакли лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный деятель искусств РСФСР Ш. Муртазина («Ночь лунного затмения» М. Карима), лауреат Государственной премии СССР, народный артист СССР Ф.Е. Шишигин («На дне» М. Горького), заслуженный деятель искусств УССР В. Бортко («Забыть Герострата» Г. Горина), творческим опытом делились искусствоведы В.В. Базанов, Е.Л. Калинский, в прошлом режиссёр Коми республиканского драматического театра, В.Ф. Калезин, Д.Р. Афанасьев. В свою очередь местные артисты проходили стажировку в столичных театрах, причём количество творческих командировок по сравнению с предыдущими годами заметно возросло. В первой половине 1980-х гг. в театрах Москвы

повышали своё мастерство главный режиссёр Коми республиканского драматического театра И.И. Аврамов, режиссёр театра Э.А. Попов, заведующий постановочной частью А.В. Никитин, заведующий литературной частью В.В. Кушманов, художник-постановщик Ф.К. Панюков.

С усилением административного контроля в области духовной жизни в 1970-е и начале 1980-х гг. деятельность учреждений культуры и искусства рассматривалась как одна из главных составляющих идеологической работы, в связи с чем областной комитет партии в эти годы принял ряд постановлений: «О развитии театрального искусства в республике и повышении роли театров в коммунистическом воспитании трудящихся», «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения», «О мерах по улучшению идейно-политического, трудового и нравственного воспитания молодёжи в свете требований XXV съезда КПСС», – которые определяли направление деятельности творческой интеллигенции. В 1970-е гг. в целях усиления идеологической работы при театрах была организована теоретическая учёба по марксистско-ленинской эстетике. В 1979 г. Обком партии в своём Постановлении от 25 мая 1979 г. отмечал, что «репертуар театров ещё не полностью соответствует современным требованиям. Иногда на сцене появляются неполноценные в идейно-художественном отношении спектакли, в которых преобладает бытовая тематика» [10]. В том же году при участии ВТО с целью постановки идейно выдержанных спектаклей при Сыктывкарском и Воркутинском горкомах партии работали творческие семинары.

1985 г. положил начало новому этапу в общественно-политической жизни общества, который повлёк за собой коренное переустройство всех сфер жизни, в том числе в области культуры и искусства. Художественная интеллигенция с воодушевлением приняла так называемую перестройку. 16 мая 1985 г. Союз композиторов России одним из первых на своём пленуме Правления отметил, что решения апрельского Пленума ЦК КПСС (1985) «найдут достойный отклик у всех работников советской культуры» [11]. Их поддержали писатели, художники, деятели театра. Событием этапного значения в театральной жизни страны стал XV съезд Всесоюзного театрального общества, состоявшийся в октябре 1986 г., на котором было принято решение прекратить деятельность ВТО и создать на его основе творческий Союз работников театра – Союз театральных деятелей РСФСР.

В 1986 г. было создано Коми отделение Союза театральных деятелей РСФСР, председателем которого была избрана народная артистка СССР, лауреат государственных премий Г.П. Сидорова. Устав Союза театральных деятелей РСФСР утверждался в 1991 г., 1996 г., 2001 г., последняя его редакция была принята 26 февраля 2002 года. Соответственно Уставу СТД

России деятельность Союза основывается на принципах добровольности, равноправия членов, самоуправления, законности, гласности, демократии, уважения личности художника, его права на свободу творчества независимо от его политических убеждений; высшим руководящим органом Отделения является Конференция, созываемая раз в 5 лет. Решение о созыве отчётно-выборной конференции принимается Правлением Отделения, выбор Правления определяет конференция [12]. В состав Правления СТД РК вошли: И.П. Бобракова, Ю.Л. Главацкий, А.А. Цивилёва, О.Т. Дыкина. Годы руководства Коми отделением СТД Г.П. Сидоровой (1986–2000) были самыми трудными в истории СТД РК (ВТО), они совпали с созданием нового демократического государства, проведением социально-экономических реформ, ломкой стереотипов. С 1987 г. творческим коллективам театров было предоставлено право самостоятельно принимать решения относительно вопросов формирования репертуара, состава труппы, оплаты труда и планирования.

В период реформирования общества, в условиях перехода к свободной рыночной экономике театры, освободившись от идеологического прессинга и жёсткого администрирования творческого процесса, попали в зависимость от коммерции, в связи с чем значительно возросла их развлекательная функция. Сократилось и число новых постановок. Если в 1980 г. театрами республики было поставлено 1 627 спектаклей и обслужено 540 тыс. зрителей, то в 1990 г. – 1 379 спектаклей, которые посмотрели 438 тыс. человек [13]. Значительно сократилось количество гастролей, вследствие чего были утрачены многие культурные связи театров республики с другими регионами.

Деятельность СТД РК в этот период осуществлялась по 2 направлениям: организация творческой деятельности и социально-бытовая адресность, которой придавалось особое значение в это трудное время. Перестройка в духовной сфере, обстановка гласности и демократии вызвали постановку острых публицистических пьес, в которых предпринималась попытка осмыслить сложные общественно-политические проблемы и конфликты прошлого и настоящего страны. Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. большой общественный резонанс вызвали спектакли Коми республиканского драмтеатра «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Я, конечно, человек маленький» М. Гараева, «Дорогая Елена Сергеевна» Л. Разумовской. Национальное самоутверждение дало импульс значительному увеличению доли коми репертуара. В 1989 г. творческим коллективом Коми драматического театра было поставлено 65 национальных спектаклей, тогда как в 1980 г. только 19 [14]. Изменилась и направленность национальной драматургии. Критическое отношение к сложившейся обстановке в обще-

стве нашло отражение в пьесах «Зачем живём?», «Доброе утро» П.Ф. Шахова. Ставились пьесы Н. Белых, А. Ларева, Е. Рочева. Государственной премии Республики Коми был удостоен спектакль «Югыд кодзув» (Звезда неугасимая), посвящённый 100-летию со дня рождения В.А. Савина. Свидетельством признания значительного вклада в развитие театрального искусства Республики Коми явилось присвоение в 1995 г. высокого звания «академический» Коми драматическому театру им. В. Савина, что свидетельствует о наличии в репертуаре значительной доли русской и зарубежной классики, в том числе «Власть тьмы» Л. Толстого, «Бесприданница» А. Островского, «Дядя Ваня» А. Чехова, «Мамаша Кураж» Б. Брехта, «Ричард III» У. Шекспира.

1990-е гг. характеризуются репертуарными поисками. Обстановка гласности и демократии позволила обнажать негативные социальные явления современности (пьянство, наркомания, проституция), говорить о которых ранее было запрещено. Показательна в контексте этого деятельность Воркутинского драматического театра, который коллегией Министерства культуры характеризовался как один из интересных профессиональных коллективов республики того времени. Отличительной чертой репертуарной политики театра являлась постановка современных остросоциальных пьес: «Россия, кровью умытая» по роману А. Вислова, «Звёзды на утреннем небе» А. Галича, «Модели сезона» Г. Рябкина, «Бег трусцой» М. Радзинского и др.

С реализацией этнокультурной политики в регионе связано открытие в 1992 г. по распоряжению Правительства Республики Коми Государственного театра фольклора (с 2005 г. – Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми), перед которым стояла задача возрождения национальной культуры, освоения фольклорных пластов коми и родственных финно-угорских народов. В 1999 г. состоялась премьера одной из наиболее ярких музыкальных постановок театра «Эзысь шабди» (Серебро льна), удостоенной Государственной премии Республики Коми.

В 1990-е гг. широкий размах получило фестивальное движение, основанное по принципу языковой общности, что способствовало осмыслению национальных корней, родства и своеобразия каждого из них. Начиная с 1993 г. Театр фольклора неоднократно являлся участником Международных театральных фестивалей «Бомба – 93, 94, 95», проходивших в Финляндии в г. Нурмес. В 1999 г. коллектив завоевал симпатии зрителей на фольклорном фестивале в г. Тарту (Эстония), в 2000 г. принимал участие в фестивале «Медвежий праздник» в г. Хельсинки. С целью ознакомления детей и юношества с театральным искусством коми и других родственных финно-угорских стран и регионов на базе театра фольклора

с 1999 г. проводится детский Международный фестиваль театрального творчества «Ен дзирд» (Божественная искорка).

В указанный период в театрах республики особенно остро ощущалась нехватка национальных кадров, владевших коми языком. С целью разрешения этой проблемы в 1999 г. при Сыктывкарском училище искусств было открыто актёрское отделение под руководством народной артистки СССР Г.П. Сидоровой.

В 1990-е гг. в условиях рыночных отношений театры республики вынуждены были находить новые формы работы. Результатом поисков стало фестивальное движение, подменившее в какой-то мере гастрольную деятельность, которая в постсоветский период из-за финансовых проблем почти совсем прекратилась. В 1997 г. в Республике Коми была заложена традиция проведения фестивалей драматического искусства в г. Сыктывкаре «Арся коми рытъяс» (Осенние вечера в Коми), в которых наряду с местными профессиональными театральными коллективами принимали участие столичные театры. В 1988 г. гостями фестиваля «Арся коми рытъяс» были Кировский областной драматический театр, с которым был подписан договор о творческом содружестве, а также Санкт-Петербургский академический театр комедии им. Н. Акимова. Почётным гостем фестиваля был председатель Союза театральных деятелей РФ А. Калягин. Открытие фестиваля состоялось в с. Небдино спектаклем «Коми бал» Г. Юшкова, а на стационарной сцене в Сыктывкаре – премьерой драмы «Двое в отсутствии третьего», творческим отчётом стипендиата Президента России сыктывкарского драматурга Л. Терентьевой. Завершился фестиваль юбилейным вечером, посвящённым 60-летию творческой деятельности народной артистки СССР Г.П. Сидоровой.

Участие в фестивале явилось событием большого значения для Воркутинского кукольного театра, который, имея статус республиканского театра, в течение 7 лет из-за отсутствия средств не смог осуществлять гастроли даже по республике и посылать своих актёров на творческие семинары и курсы повышения квалификации. Если в советский период «десятки человек выезжали в творческие командировки и семинары и другие мероприятия СТД РФ, то с середины 1990-х гг. – только 1–2 человека в год повышали своё мастерство». В 1996 г. Воркутинским драматическим театром было осуществлено «рекордное число» спектаклей – 6 новых постановок, что объяснялось отсутствием возможности приглашать режиссёров со стороны по финансовым соображениям. Средств на гастроли даже по республике у театра не было. Однако СТД РК недостаточно внимания уделял проблемам «героического» Воркутинского театра в плане кадрового вопроса,

наград и присуждений почётных званий артистам, что подтверждают материалы I конференции СТД РК [15].

В 1990-е гг., несмотря на ухудшение материально-финансового положения учреждений искусства, музыкальная жизнь республики стала более разнообразной по форме, что также было связано с проблемой выживания в условиях коммерциализации. Новым явлением в музыкальной жизни республики 1990-х гг. стали фестивали оперного и балетного искусства. В 1991 г. был организован 1-й Всероссийский фестиваль оперного и балетного искусства «Сыктывкарса тулыс» (Сыктывкарская весна), заложивший основы традиционных ежегодных международных весенних оперно-балетных фестивалей. По линии СТД на фестиваль приглашались звёзды первой величины не только столичных городов страны, но и мастера сцены Венгрии, Эстонии, Латвии, Великобритании, Финляндии, Германии, благодаря чему лауреат Государственной премии Республики Коми «Сыктывкарса тулыс» получил международный статус.

С увеличением в репертуаре Коми государственного музыкального театра доли классических опер и балетов в 1992 г. он получил новый, более высокий статус – Государственный театр оперы и балета под руководством Лауреата Государственных премий Республики Коми, заслуженного деятеля искусств России и Республики Коми, народной артистки России И.П. Бобраковой. Будучи художественным руководителем и главным режиссёром театра оперы и балета, И.П. Бобракова в период с 1991 по 1999 г. поставила ряд опер русской и зарубежной классики, среди которых: «Иоланта», «Пиковая дама», «Евгений Онегин» П. Чайковского, «Русалка» А. Даргомыжского, «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, «Кармен» Бизе, «Чио-Чио-Сан» Пуччини, «Травиата», «Риголетто», «Отелло» Дж. Верди.

В августе 1997 г. в Сыктывкаре был проведён 1-й международный фестиваль профессионального балетного искусства финно-угорских регионов и государств «Зарни джыджъяс» (Золотые ласточки), в котором наряду с молодыми артистами из Коми, Карелии, Марий Эл приняли участие звёзды мировой величины – прима-балерина Театра оперы и балета «Эстония», лауреат международных конкурсов К. Кырб и премьер Национальной оперы Латвии В. Янсонс, солисты Большого театра Н. Сперанская и К. Иванов, солист Имперского балета Г. Таранда, золотой призёр международного конкурса «Майя» О. Павлова, солистка Мариинского театра из Санкт-Петербурга Е. Шерстнёва, а также солисты Будапештского оперного театра Э. Казински и Р. Чонка, солистки шведского национального балета И. Карлсон и К. Борджкронс. Художественным руководителем по линии СТД была приглашена московский искусствовед, известный балетный критик Н. Садовская.

Кроме фестивалей «Сыктывкарса тулыс» и «Зарни джыджъяс» в середине 1990-х гг. в Театре оперы и балета зародилась традиция проведения зимнего фестиваля «Рождественские вечера». Такие дорогостоящие мероприятия в трудное для культуры и искусства время проводились не без государственной поддержки и спонсоров. К примеру, 2-ой фестиваль балетного искусства «Золотые ласточки» состоялся благодаря спонсорской поддержке Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, компании Коми ТЭК, Ухта-банка и Торгово-промышленной палаты [16].

Выйти на самоокупаемость не сумел практически ни один из театров республики. В 1995 г. государством была финансирована постановка двух спектаклей, одним из них – по пьесе В. Савина «Усть-Куломса бунт» (Бунт в Усть-Куломе). Вместе с тем из-за скудного финансирования крупные музыкально-сценические произведения местных драматургов не заказывались, в связи с чем в конце 1990-х гг. уменьшилось число коми национальных спектаклей, поставленных на коми языке [17].

В 90-е гг. XX в. на основе принятого в 1994 г. закона «О культуре» Государственным Советом Республики Коми были разработаны специальные программы по сохранению и развитию культуры и искусства Республики Коми. В целях поддержки ведущих деятелей культуры и искусства, а также талантливой творческой молодёжи были издан Указ Главы Республики Коми «О государственных стипендиях в области культуры и искусства». Для стимулирования труда творческой интеллигенции – Указ Главы Республики Коми «О государственных премиях в области литературы, культуры и искусства». В 1995 г. была учреждена государственная стипендия имени народной артистки СССР Г.П. Сидоровой. В 1998 г. стипендию Главы Республики Коми получали 11 человек [18].

В 1996 г. СТД РК объединял 156 членов. Жизнь самого Общества в эти годы была творчески содержательной. В середине 1990-х гг. члены СТД инициировали показ своих работ, таких как моноспектакль «Матерь человеческая» А. Закруткина в исполнении Г. Мамонтовой, моно-опера «Голос человеческий» Ф. Пулемпа в исполнении солистки Театра оперы и балета М. Быстровой; моноспектакль «Муки ада» Р. Акутагавы в исполнении О.А. Носковой. В 1999 г. СТД провёл конкурс, посвящённый 200-летию А.С. Пушкина, в котором участвовали артисты Академического театра драмы, Театра оперы и балета и Театра фольклора, в дальнейшем эти номера вошли в программы юбилейных мероприятий республики.

В 2000 г. на отчётно-выборной конференции СТД РК (с 2002 г. – Отделение общественной организации «Союз театральных деятелей Российской Федерации (Всероссийское театральное общество) – Союз театральных деятелей Республики Коми») были подведены итоги деятельности

Правления и намечены планы по организации театрального дела в республике. Конференция признала работу Правления СТД удовлетворительной и постановила подготовить обращение в Правительство республики и Госсовет Республики Коми по улучшению социального положения, в частности, о назначении дополнительных 30% к заработной плате за разрывной рабочий день и улучшении жилищных условий театральных деятелей, за исключением Воркуты. Конференция высоко оценила деятельность Председателя СТД Г.П. Сидоровой, в сфере внимания которой находилась не только творческая деятельность, но и социальная и материальная база Союза. Г.П. Сидорова в этот тяжёлый для театров период проводила большую работу по привлечению спонсоров, в 1996–2000 гг. было получено 113,5 тыс. руб. спонсорских средств [19]. По её инициативе на средства СТД РФ для работников театров республики выделялись квартиры, путёвки в здравницы и Дома отдыха СТД РФ. В 1996 г. 29 человек отдыхали в Домах творчества в Ялте, Комарово, Рузе и поправляли своё здоровье в здравницах СТД РФ; в 1997 г. 40 членам Союза была выделена материальная помощь на сумму 445 тыс. рублей. В отчётном докладе Г.П. Сидорова отметила особое отношение Главы Республики Коми Ю.А. Спиридонова к проблемам театров и людям искусства: в трудные для республики 1990-е гг. было выделено отдельное помещение и транспорт для СТД РК. «Немногие могут похвастаться тем, что Глава посещает премьерные спектакли, концерты, юбилейные вечера, вручая награды», – сказала Г.П. Сидорова [20]. В 2010 г. за большой вклад в развитие театрального искусства республики Г.П. Сидорова получила Благодарность Президента РФ.

В 2000 г. СТД РК объединял 122 человека. Новым председателем СТД была избрана народная артистка Республики Коми, лауреат Государственной премии Республики Коми Г.А. Микова.

В 2003 г. в Законе Республики Коми «О республиканском бюджете» была исключена строка «Государственная поддержка творческих союзов» [21]. Основными проблемами творческих союзов в Республике Коми в 2000-е г. являлись: закуп произведений музыки, изобразительного искусства, грантовая поддержка, низкий уровень оснащённости, однако отсутствие «Закона о творческих союзах» являлась приоритетной. Наболевшие вопросы выносились на конференции творческих союзов Республики Коми (2008, 2009, 2010, 2012 гг.), куда приглашались представители власти.

Вместе с тем в новых социально-экономических реалиях поддержка театрального искусства была приоритетным направлением государственной целевой программы «Культура». В начале 2000-х гг. бюджетное финансирование театров увеличилось почти вдвое: с 20 млн 672 тыс. руб. в 2001 г. до 42 млн 492 тыс. руб. в 2002 году. Увеличилась и доля предпри-

нимательской деятельности. В 2005 г. от благотворителей и спонсоров театры республики получили на 824 тыс. руб. больше, чем в 2004 г. [22], благодаря чему в театральном искусстве республики обозначился поступательный процесс: увеличилось количество спектаклей, возродилось гастрольное движение, организовывались театральные фестивали, продолжилась подготовка актёрских кадров, улучшилась материальная база отдельных театров. Возросло и количество спектаклей: если в 2001 г. театральными коллективами республики было сыграно 760 спектаклей, то в 2008 г. – 894 [23]. Яркими театральными премьерами начала XXI в. были: «Вишнёвый сад» А. Чехова и «Декамерон» Дж. Боккаччо в постановке Воркутинского драматического театра, «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова, «Очень простая история» М. Ладо, «Привидения» Г. Ибсена, «Юбилей и прочее, и прочее, и прочее…» А. Чехова в постановке Академического театра драмы им. В. Савина. В 2010 г. впервые за последние десятилетия были осуществлены масштабные гастроли по северным городам и районам не только в Республике Коми, но и в Нарьян-Маре.

В 2003 г. впервые за долгие годы СТД России и Республики Коми была возрождена такая форма, как семинар театральных критиков, в целях повышения профессионального уровня артистов. Творческую работу Академического театра драмы им. Савина и Государственного театра фольклора в «нулевые» годы отсмотрели и проанализировали известные московские театральные критики Н. Сорокина и Н. Демин. В работе театрального фестиваля «Арся коми рытъяс – 2000» принял участие известный театровед и критик Ю. Райтман. В 2000–2005 гг. в целях повышения квалификации драматургов СТД РК совместно с Союзом писателей Республики Коми организовывали конкурсы и семинары драматургов под руководством московских писателей В. Калиша, В. Сухова, В. Власовой. В июне 2005 г. был проведён семинар драматургов финно-угорских республик под руководством представителя Москвы. С целью просмотра и обсуждения спектаклей Академического театра также по линии СТД приглашались критики и специалисты столичных театров [24]. В целом в 2000-е гг. проведение творческих семинаров приобрело систематический характер.

С оживлением экономики укреплялась материальная база учреждений искусства. В 2007–2009 гг. в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» было реконструировано здание Академического театра драмы им. В. Савина, что позволило возобновить творческую деятельность театра. В ноябре 2009 г. на базе Национального музыкально-драматического театра прошёл Международный театральный фестиваль им. А.П. Чехова. В 2005 г. свои условия улучшил Национальный музыкально-драматический театр, переехав в более приспособленное помещение.

Внутренний облик театра обновил и Республиканский Воркутинский театр кукол. В стадии ремонта находился Воркутинский драматический театр.

Ситуация, сложившаяся в начале XXI в. в театрах республики, была типична для всех российских театров. Это недостаток творческих кадров, обусловленный недостаточной профессиональной социальной защищённостью творческих работников театра, что привело к деформации трупп по возрасту и полу и, как следствие, неравномерности загрузки исполнителей, вынужденному художественному компромиссу при выборе репертуара и распределении ролей. В 2000-х гг. возобновилась подготовка актёрских кадров в столичных городах. В 2005 г. при поддержке правительства была открыта коми студия при Санкт-Петербургской Академии театрального искусства, по окончании которой выпускники в количестве 6 человек пополнили труппу драматического театра. В 2013 г. группа комиязычной молодёжи (10 человек) бесплатно была зачислена в Театральный институт им. Б. Щукина на актёрский факультет. В интересах кадрового потенциала члены Союза принимали активное участие в проведении приёмных экзаменов в Ярославском театральном институте им. Волкова [25]. В 2003 г. при содействии СТД была учреждена премия им. И.И. Аврамова, лауреатами которой стали Г.П. Лыткина, М.А. Красильников, А.А. Трибельгорн.

По инициативе СТД РК была заложена традиция проведения круглых столов с сотрудниками средств массовой информации, в результате появилось больше публикаций о театре и актёрах. В 2002 г. был проведён круглый стол на тему «Опыт, задачи, перспективы СТД РК», по итогам которого заметно возрос интерес к СТД РК [26].

Творческая деятельность СТД включает в себя и такие формы работы, как бенефисы и юбилейные вечера, когда СТД организует чествование юбиляров, принимает активное участие в поиске спонсоров. В 2000-е гг. были проведены бенефисы Г.П. Сидоровой (в связи 80-летием), И.П. Бобраковой (в связи с 75-летием), М.Е. Данилова, О. Сосновской, М. Быстровой, А. Коротаевой и др. Для СТД стало традицией проводить тематические программы, например, вечера «Памяти друга», посвящённые ушедшим артистам: народному артисту РСФСР Н.Н. Шамраеву, заслуженному артисту Республики Коми И.Ю. Витовичу, народному артисту Коми АССР В.Н. Рассыхаеву. В рамках коми-славянской письменности вечер «Памяти друга» был посвящён народному поэту Республики Коми А.Е. Ванееву. По инициативе СТД проводится конкурс актёрской песни памяти народного артиста РФ А.А. Трибельгорна. В 2015 г. на конкурс поступило более 30 заявок как от профессиональных артистов, так и любителей.

В 2000-е гг. СТД РК была заложена традиция проведения республиканского театрального конкурса им С.И. Ермолина, инициатором которого

является сын артиста и режиссёра, меценат и поклонник театра, генеральный директор компании «КонсультантПлюсКоми» В.С. Ермолин. С 2007 г. по итогам конкурса вручается премия имени заслуженного артиста РСФСР и народного артиста Коми АССР С.И. Ермолина в области театрального искусства «Зарни Кодзув» вместе со статуэткой Мельпомены. В отличие от других наград театральных деятелей, её обладателя определяет общественность. Художественный руководитель Национального музыкально-драматического театра С.Г. Горчакова на республиканских театральных конкурсах им. С.И. Ермолина была трижды признана лучшим режиссёром года (2004–2005, 2006–2007, 2008–2009). Театральной премии им. С.И. Ермолина «Зарни Кодзув» были удостоены: В.И. Дорофеева (2010), В.А. Градов (2011), А.С. Коротаева (2013), В.М. Кузьмин (2014). В 2013 г. в номинации «Лучший спектакль» её был удостоен спектакль «Дядя Ваня» по пьесе А. Чехова в постановке Воркутинского драматического театра [27].

В 2003 г. в финансовых интересах силами СТД к Международному дню театра был проведён капустник «Звёзды улыбаются», заложивший основу для ежегодного профессионального праздника для артистов, организованного силами самих артистов на публике.

В начале третьего тысячелетия СТД РК принимал активное участие в организации и проведении просветительских мероприятий. В 2002 г. его члены участвовали в организации и проведении театрализованного приветствия Национальной библиотеки Республики Коми в честь 100-летия со дня её открытия; участвовали в литературном вечере, посвящённом учёному, исследователю Печорского края А.В. Журавскому в связи со 100-летием со дня рождения; принимали участие в литературном вечере, посвящённом детской писательнице Е. Габовой, инсценируя её рассказы. В целях пропаганды драматического и театрального искусства для СТД РК стало традицией устраивать «Театральную гостиную» с привлечением актёров и учащихся Училища искусств и Гимназии искусств при Главе Республики Коми. Также ежегодно проводится Межвузовский смотр театральных коллективов Сыктывкарского государственного университета, Коми государственного педагогического института, Лесного института, объединённых Центром художественного творчества Сыктывкарского государственного университета. Отличие IV фестиваля «Весеннее вдохновение» от предыдущих не только в новых спектаклях, но и расширении его географии: впервые в смотре участвовал студенческий коллектив «Фрески» из Ухты.

Одно из основных направлений деятельности СТД РК – социальная помощь театральным работникам за счёт членских взносов и прочих доходов. В 2000–2005 гг. общая сумма материальной помощи составила 105 310 руб., сократилось и количество путёвок в здравницы СТД РФ до 14,

в то время как в 1996–2000 г. 29 человек отдыхали в них и поправляли своё здоровье [28].

В 2000-е гг. театральные коллективы республики принимали участие в международных форумах современного искусства. Артисты балетной труппы Театра оперы и балета успешно выступили на VI Международном конкурсе артистов балета «Арабеск – 2000» и финском г. Вааса; Государственный театр оперы и балета Республики Коми участвовал в реализации международных проектов в Турции, Швейцарии, Испании, Финляндии, Португалии; Национально-драматический театр Республики Коми – в Норвегии, Коми Республиканский театр кукол – в Финляндии. В 2007 г. деятели искусства Республики Коми приняли участие в Первых Молодёжных дельфийских играх, где получили серебряные и бронзовые медали.

В указанные годы театры республики принимали участие в международном театральном фестивальном движении. В 2006 г. Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми был отмечен дипломами на Международном фольклорном фестивале «Ридду-ридду» в Норвегии и на Всероссийском конкурсе спектаклей в Москве. Участвуя в Международном фестивале «Майатул – 2006», Воркутинский театр кукол показал спектакль по мотивам коми-пермяцкого эпоса «Тайна Хэсте» А. Клейна.

В 2000-е гг. продолжала формироваться традиция республиканских фестивалей театрального искусства: в сентябре 2011 г. на базе Академического театра драмы им. В. Савина был проведён I Межрегиональный фестиваль театров кукол «В гостях у Мойдыся», в котором приняли участие кукольные театры из Воркуты, Кирова, Набережных Челнов, Ижевска, Чебоксар. Следует заметить, что в 2000-х гг. Республиканский Воркутинский театр кукол находился в затруднительном положении по ряду причин (проблема кадров, отсутствие цеховых помещений), вследствие чего его проблемы являлись приоритетными в деятельности СТД РК. С целью восполнения кадрового потенциала в 2004 г. в Колледже культуры Республики Коми была набрана студия, по окончании которой студийцы пополнили труппу кукольного театра. К 2010 г. основные трудности театра кукол были преодолены. Сегодня в репертуаре театра более 30 наименований спектаклей, которые хорошо принимаются как детьми, так и взрослыми, что свидетельствует о востребованности театра. В 2016 г. театр кукол из Воркуты, участвуя второй раз в Международном фестивале театров кукол «Рабочая лошадка» в г. Набережные Челны, получил 2 награды: Диплом победителя V Международного фестиваля театров «Рабочая лошадка» в номинации «Лучший актёрский ансамбль» и Приз зрительских симпатий.

В этом году Воркутинский театр кукол впервые был приглашён на Гала-концерт мастеров искусств театров кукол России, проводимый Российской ассоциацией «Театр кукол – XXI век», где успешно показал номер «Продавец кукол» [29].

Юбилейным для Государственного театра оперы и балета стал 2003 г.: 4 октября состоялся праздничный гала-концерт, посвящённый 45-летию со дня основания театра, в котором участвовали ведущие артисты и гости театра: лауреат международных конкурсов, заслуженный артист РФ И. Денисов и лауреат международных конкурсов М. Макаров (Санкт-Петербург). Заметным событием в музыкальной жизни республики в 2009 г. стала премьера первой национальной оперы на коми языке «Куратов» (музыка С. Носкова, Ванеева), главную партию исполнил заслуженный артист РФ А. Измалков. В 2000–2010 гг. годы репертуар музыкального театра пополнился операми «Мадам Баттерфляй», «Паяцы», «Моцарт и Сальери», «Дон Паскуале», балетами «Жар-Птица», «Ромео и Джульетта», «Метаморфозы любви», «Земля моя». Большим успехом у зрителей пользовалась оперетта «Мышеловка» А. Журбина. Современный балетный спектакль в стиле модерн «Танцы Pro» в исполнении балетной труппы театра был включён в программу сочинской олимпиады (2014). В том же году театр гастролировал в Великобритании, где показал оперу «Риголетто» Верди. В рамках проекта «Опера за Полярным кругом» театр впервые за последние 10 лет поставил в Воркуте и Усинске произведения мировой классики – «Евгений Онегин» П. Чайковского и «Жозефина и Наполеон» Ж. Оффенбаха, в Ухте – оперетту «Моя жена – лгунья».

В XXI в. Национальный музыкально-драматический театр, который является национальным достоянием республики, символом уникальной и самобытной культуры народа коми, расширяет жанровый диапазон. В 2010 г. творческим коллективом театра была осуществлена постановка первой детской оперы на коми языке «Ручильӧй да Кӧчильӧй» (Лисонька и Заинька) А. Горчакова, отмеченная Государственной премией Республики Коми.

В 2000–2010 гг. СТД РК возглавляла Л.В. Иванова, художественный руководитель театра «Фантастическая реальность». Новый состав Правления СТД РК строил свою работу в соответствии с Уставом, в тесном контакте с театрами, Министерством культуры и руководством Республики Коми.

В июне 2011 г. Президентом РФ была утверждена Концепция долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации до 2020 г., на основании которой Правительством Республики Коми в 2012 г. была принята аналогичная Концепция, но с учётом региональных особенностей

развития театрального искусства. Постановлением Правительства Республики Коми «О грантах Главы Республики Коми в области театрального искусства и концертной деятельности» 29 ноября 2011 г. был утверждён порядок проведения конкурса на соискание грантов [30]. В 2011 г. Академическим театром драмы им. В. Савина были получены гранты на проведение гастролей по р. Печоре и на постановку спектакля по пьесе Ф.Г. Лорки «Кровавая свадьба» (Вирпаса колысь) на коми языке. В следующем году драматическим театром в рамках гранта Главы Республики Коми в области театральной и концертной деятельности были осуществлены постановки спектаклей «Романтики» и «Всего ничего». Начиная с 2011 г. в рамках празднования Дня государственности Республики Коми на сцене Академического театра драмы им. В. Савина проходят гастроли ведущих театров Санкт-Петербурга – Драматического театра на Литейном, Театра комедии им. Акимова. Благодаря гранту Министерства культуры РФ в сентябре 2013 г. на базе Академического театра драмы им. В. Савина прошёл Северный фестиваль, посвящённый 150-летию К.С. Станиславского. Наряду с Малым театром РФ, который представил сыктывкарской публике спектакли «Волки и овцы» А. Островского и «Свадьба, свадьба» по произведениям А. Чехова, в фестивале принимали участие Кировский областной театр и Вологодский драматический театр драмы. Академический театр драмы им. В. Савина показал премьерный спектакль «Когда мы свободны» по пьесе А. Миллера «Смерть коммивояжёра». С помощью грантов в республике были реализованы ещё несколько проектов, в частности постановка Академическим театром драмы им. В. Савина спектакля «Песня, летящая в бессмертие», посвящённого 125-летию со дня рождения В. Савина. В 2013 г. состоялось подписание договора с группой компаний «Нобель Ойл» о ежегодном выделении гранта на обучение творческих и технических работников с целью повышения их квалификации [31].

В ноябре 2011 г. состоялась отчётно-выборная конференция Коми регионального отделения СТД России, её участники избрали Правление во главе с режиссёром Е. Пекарь, а также отметили, что за последние 5 лет удалось поднять авторитет СТД РК, принять в её ряды 37 новых членов, привлечь спонсорские средства (ООО «КонсультантПлюсКоми», ООО «ЮТэйр-Экспресс», ООО «Текстиль Коми») и средства из республиканского бюджета на реализацию программных мероприятий, творческие командировки, занятия по мастерству актёров. В 2011 г. в рамках договора о социальном партнёрстве между Академическим театром драмы им. В. Савина и ОАО «Монди СЛПК» была осуществлена постановка спектакля «Гамлет» по пьесе У. Шекспира. Ещё одна заслуга Правления СТД РК –

юридическое закрепление за организацией нескольких помещений в Республиканском Доме творчества.

Деятельность СТД РК, объединявшего в своих рядах в 2015 г. 115 человек, по-прежнему имела творческую и социальную направленность. Творческая составляющая включает в себя различные обучающие программы: семинары, мастер-классы, творческие командировки. Если в 2011 г. на творческий семинар был направлен 1 человек, то в 2015 г. 8 членов СТД РК повышали свою квалификацию, среди них главный режиссёр Академического театра драмы Ю.Г. Попов и главный художник этого же театра Э. Вильсон. В 2011–2015 гг. 6 человек находились в творческих командировках в Москве на фестивале «Золотая маска» (артист-кукловод Воркутинского театра кукол, артистка Воркутинского драматического театра Е.А. Большакова, артистка Академического театра драмы им. В. Савина О.Ю. Родович, солистка-вокалистка Театра оперы и балета Республики Коми Е.В. Лодыгина и др.) [32].

В 2010-е гг. проведение творческих семинаров приобрело систематический характер. В театральных сезонах 2012–2014 гг. в Академическом театре драмы работал профессор Российской академии театрального искусства (РАТИ ГИТИС), член СТД РФ А.А. Никольский. В 2014 г. на Международном фестивале балетного искусства «Зарни джидъяс» анализом просмотренных балетных спектаклей занимался А.И. Максов – критик, член Российской хореографической ассоциации, член Международного Совета танца, член СТД РФ. В 2015 г. во время Международного фестиваля оперного и балетного искусства «Сыктывкарса тулыс» работал оперный критик, член СТД РФ А.П. Матусевич. Для артистов Государственного академического театра драмы им. В. Савина мастер-классы по сценическому движению проводил педагог РАТИ ГИТИС, член СТД РФ Р.А. Елкибаев. По приглашению СТД РК спектакли ставили известные в России режиссёры: С.А. Мещангин, О.Л. Нагорничных, С.Н. Гришанин, Ю.П. Нестеров. Приглашение режиссёров, которые представляют разные театральные школы, – это репертуарная политика Воркутинского театра. К примеру, спектакль «Безымянная звезда» поставил режиссёр из Белоруссии.

Среди проектов, реализованных СТД РК в 2010–2015 гг., – республиканский конкурс им. С. Ермолина, проект «Театральные деликатесы» – капустник, посвящённый Международному дню театра, издание книги «Коми театр: время и люди» (сост. М.А. Удоратина), празднование 65-летия регионального отделения СТД. 18 октября 2015 г. на сцене Национального музыкально-драматического театра Республики Коми состоялся бенефис Л.Б. Терентьевой – драматурга, заслуженного работника искусств Респуб-

лики Коми, члена СТД РФ, посвящённый её 55-летнему юбилею. Закончилось праздничное мероприятие показом спектакля «Вселенная в тапочках» по пьесе драматурга.

В целях поддержки личных проектов театральных деятелей по ходатайству правления СТД РК Министерством культуры РФ выделяются государственные стипендии Российской Федерации. В 2010–2015 гг. стипендии СТД РФ получили 11 членов СТД РК, среди которых Н.Н. Шишигин (написание сценария и постановка музыкально-драматической композиции «Дети войны» к 70-летию Великой победы), А.С. Коротаева (запись и выпуск аудиодиска «Потан дорын» – детский фольклор, народные песни Ижмы и Печоры), М.В. Попов (серия видеороликов о театральных деятелях республики «Тихо, идёт спектакль!»), Ю.В. Экрот (постановка кукольного спектакля «Разрешите с вами посумерничать») и др. Всего в 2010–2015 гг. было выплачено 11 стипендий на общую сумму 676 800 руб. [33].

СТД РК принимает участие в организации ставшего традиционным Международного фестиваля оперного и балетного искусства им. И. Бобраковой «Сыктывкарса тулыс», который является своего рода брендом Республики Коми. Спектакли собирают полные залы, причём каждый 10-ый зритель, согласно соцопросу, проводимому Театром оперы и балета, приезжий, в том числе из Сосногорска, Микуни, Айкино, Санкт-Петербурга и других населённых пунктов. В 2016 г. впервые в рамках XXVI фестиваля «Сыктывкарса тулыс» работала Школа оперных и балетных критиков [34].

Спустя 13 лет в 2014 г. в Сыктывкаре возродился фестиваль балетного искусства «Зарни джыджъяс». В фестивале, который в последний раз проходил в 90-е гг. прошлого века и вызывал большой интерес зрителей и критиков, принимали участие коллективы из Финляндии, Литвы, солисты из Москвы и Башкортостана, а также артисты из финно-угорских республик: Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии. В работе фестиваля принимал участие приглашённый балетный критик А. Максов.

В 2010-е гг. 4 театра республики из 5 отметили юбилейные даты. 85-летие со дня основания отметил старейший театр – Государственный академический театр драмы им. В. Савина (1930), в репертуаре последних лет которого «Квадратура круга» В. Катаева, «Верую…» В. Шукшина, «Вид в Гельдерланде» Ю. Волкова, «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова, «Два клёна» Е. Шварца и др. В мае 2013 г. с большим успехом прошли гастроли театра в Санкт-Петербурге, в Театре на Литейном. Спектакли «Гамлет» У. Шекспира и «Всего ничего» финского драматурга С. Пелтолы имели аншлаги и хорошую прессу. В 2014 г. театр им. В. Савина успешно выступил в Москве на XI театральном фестивале «Островский в Доме

Островского», показав премьерный спектакль «Правда – хорошо, а счастье лучше» А. Островского.

70-летний юбилей отметил Государственный Воркутинский драматический театр – представитель Арктического региона России, преемник лагерного театра системы ГУЛАГа (1943). Ныне это один из лучших театров республики, имеющий в репертуаре русскую и зарубежную классику наряду с пьесами современных драматургов. В 2015 г. на фестивале драматических театров России и зарубежных стран «Мост Дружбы», в котором приняли участие 15 театральных коллективов России и зарубежья, Воркутинский драматический театр был награждён тремя Дипломами за спектакль «Валентинов день» И. Вырыпаева в постановке художественного руководителя, заслуженного артиста РФ В. Ножкина.

60-летие отметил единственный в республике театр для детей – Республиканский Воркутинский театр кукол, созданный репрессированными артистами (1955). Театр играет важную роль в нравственном и эстетическом воспитании подрастающего поколения.

20 лет исполнилось Национальному музыкально-драматическому театру Республики Коми, который вносит существенный вклад в формирование этнокультурной политики в регионе, возрождает и популяризирует драматическое и музыкальное искусство народа коми.

Не менее важным направлением работы СТД РК является социальная деятельность, которая достаточно эффективно актуализируется федеральным центром. СТД РФ имеет кассу взаимопомощи, формирующуюся из взносов членов отделения. В структуру СТД РФ входят 2 Дома ветеранов сцены – в Подмосковье и Санкт-Петербурге. Кроме того, СТД получает финансовую поддержку от Правительства РФ в сумме 20–50 тыс. руб., которые распределяются между ветеранами сцены. В 2012–2014 гг. материальная помощь членам СТР РК составила 33 900 руб.; единовременная помощь на лечение и приобретение лекарств, оказанная членам СТД из средств Правительства РФ за последние 5 лет, составила 585 тыс. рублей. Членам СТД РК в 2010–2015 гг. было выделено 42 путёвки на сумму 1 млн 650 тыс. рублей [35].

Таким образом, в советский период Коми отделение ВТО, с одной стороны, содействовало развитию творческого процесса в Коми АССР, повышению актёрского мастерства посредством проведения творческих семинаров и мастер-классов с участием ведущих артистов столичных театров. С другой стороны, являясь огосударствленной структурой, ВТО принимало активное участие во всех идеологических кампаниях, откликаясь на так называемый социальный заказ, одновременно осуществляя контроль над художественным творчеством. Главной задачей, поставленной руководством ВТО перед театральными деятелями, было нравственное и

эстетическое воспитание населения наряду с пропагандой коммунистической идеологии, которая занимала значительное место в деятельности театральных коллективов.

В постсоветский период, в условиях перехода к свободной рыночной экономике СТД РК, освободившись от идеологического прессинга и жёсткого администрирования творческого процесса, находился в условиях снижения дотации со стороны государства. Однако негативные социально-экономические условия вынуждали заниматься поиском новых форм в театральной сфере с целью выхода из кризисной ситуации. Театральная жизнь республики в 90-е гг. стала более разнообразной благодаря театральным конкурсам, фестивалям, как региональным, так и международным. С 2000 г. с улучшением финансирования и привлечением спонсорских средств в театральной сфере наметился поступательный процесс: творческие семинары, мастер-классы, творческие лаборатории, содействующие профессиональному росту, приобрели систематический характер; возродилось гастрольное движение, продолжилась подготовка актёрских кадров, улучшилась материальная база отдельных театров. Грантовская поддержка, государственные стипендии Министерства РФ в целях реализации личных проектов, стипендии Главы Республики Коми являются стимулирующими факторами для деятелей театра. Одним из главных направлений работы СТД РК является социальная деятельность, характеризующаяся всесторонней помощью его членам. Вместе с тем в нормативно-правовом плане деятельность СТД РФ не отрегулирована.

* * *

1. *Хайченко Г.А.* Советский театр. Пути развития. – 2-е изд. – М.: Знание, 1982. – С.74. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/7634

2. *Козлова Д.Т.* История театральной и музыкальной культуры. XX век. – Сыктывкар: Эском, 2007. – С.109.

3. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р-1328. Оп.1. Д.10. С.95.

4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов КЦ. 1898–1954: 1930–1954 гг. – 7-е изд. – М: Госполитиздат, 1954. – Ч.3. – С.492.

5. *Козлова Д.Т.* Указ. соч. – С.85.

6. *Козлова Д.Т.* Указ. соч. – С.108.

7. НА РК. Ф.Р-1328. Оп.1. Д.6. Л.22.

8. *Козлова Д.Т.* Указ. соч. – С.109.

9. *Козлова Д.Т.* Указ. соч. – С.122.

10. *Козлова Д.Т.* Указ. соч. – С.122.

11. *Брежнева Л.А.* Художественная интеллигенция в общественно-политической жизни советского общества. 1985–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1996. – С.18.

12. НА РК. Ф.Р-1328. Оп.1. Д.242. Л.12. – URL: http://www.detirossii.ru/7199.php

13. См.: Народное хозяйство Коми АССР в 1936–1990 годы: стат. сб. – Сыктывкар, 1991. – С.21.

14. *Козлова Д.Т.* Указ соч. – С.130.

15. *Козлова Д.Т.* Указ. соч. – С.133–137; НА РК. Ф.Р-1328. Оп.1. Д.242. Л.14.

16. *Вязовкина В.* Огонь и лёд Сыктывкара // Балет. – 1999. – Март–февраль. – С.32–33.

17. *Попов А.А., Нестерова Н.А.* Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). – Сыктывкар, 2000. – С.127; НА РК. Ф.Р-1328. Оп.1. Д.242. Л.16.

18. Анализ деятельности учреждений культуры и искусства Республики Коми за 1997 год. – Сыктывкар, 1998. – С.6; Сыктывкар, 2003. – С.13.

19. НА РК. Ф.Р-1328. Оп.1. Д.242. Л.14.

20. НА РК. Ф.Р-1328. Оп.1. Д.242. Л.34.

21. См.: Анализ деятельности учреждений культуры и искусства Республики Коми за 2006 год. – Сыктывкар, 2007. – С.6.

22. Анализ деятельности учреждений культуры и искусства Республики Коми за 2006 год... – С.52.

23. Анализ деятельности учреждений культуры и искусства Республики Коми за 2002 год. – Сыктывкар, 2003. – С.13.

24. Анализ деятельности учреждений культуры и искусства Республики Коми за 2007 год. – Сыктывкар, 2008. – С.16.

25. Анализ деятельности учреждений культуры и искусства Республики Коми за 2005 год. – Сыктывкар, 2006. – С.19; Республика. – 2013. – 20 июля.

26. НА РК. Ф.Р-1328. Оп.1. Д.268. Л.19.

27. Молодёжь Севера. – 2013. – 12 нояб.

28. НА РК. Ф.Р-1328. Оп.1. Д.268. Л.22.

29. Молодёжь Севера. – 2011. – 16 сент.; Республика. – 2013. – 20 сент.

30. Архив Союза театральных деятелей Республики Коми.

31. Архив Союза театральных деятелей Республики Коми.

32. Архив Союза театральных деятелей Республики Коми.

33. Архив Союза театральных деятелей Республики Коми.

34. Анализ деятельности учреждений культуры и искусства Республики Коми за 2005 год... – С.18.

35. Архив Союза театральных деятелей Республики Коми.

УДК 93:[39+314]

И.Л. Жеребцов,
д-р ист. наук, директор
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КОМИ НЦ УрО РАН*

Институт языка, литературы и истории (далее – ИЯЛИ) Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук организован в 1970 г., но гуманитарная академическая наука в Коми имеет более глубокие корни. Ещё в 1920-е гг. коми краеведы предлагали организовать в Сыктывкаре научное академическое учреждение. В 1944 г. была создана Коми база АН СССР, а в её составе – отдел (затем – сектор) языка, письменности и истории народа коми. В 1949 г. при преобразовании Коми базы АН СССР в Коми филиал АН СССР ставился вопрос о реорганизации сектора языка, письменности и истории в Институт истории и культуры, но тогда это намерение не осуществилось (для института кадров было маловато). В августе–сентябре 1953 г. сектор преобразовали в отдел языка, литературы и истории. В 1955 г. прибывшая из Москвы комиссия проверила его работу и констатировала, что «отдел... себя перерос» и его «надо разъединить» «в ближайшем будущем». В 1956 г. обсуждалась возможность преобразования отдела языка, литературы и истории в Институт в следующем 1957 г., но решение не было принято. В январе 1958 г. отдел ЯЛИ разделили на отдел языка и литературы и отдел истории, этнографии и археологии. Создание этих отделов позволило увеличить численность научных работников, расширить тематику исследований, определить самостоятельные творческие группы [1]. Тем самым был сделан важный шаг к созданию института.

В 1959 г. Президиум Коми филиала АН СССР (далее – КФАН СССР) обратился к руководству АН СССР с предложением образовать в 1960 г.

© Жеребцов И.Л., 2016

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-13-6-19 «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)»).

в составе КФАН СССР Институт языка, литературы и истории, для чего, по мнению Президиума, «создались все условия». Однако это предложение не приняли. В апреле 1960 г. за создание ИЯЛИ высказались Совет Министров Коми АССР и Коми обком КПСС. В 1961 г. Президиум КФАН СССР обратился в Госкомитет РСФСР по координации научных исследований с предложением поддержать просьбу о создании ИЯЛИ в 1962 г., но дело с места не двигалось.

В декабре 1961 г. отдел истории, этнографии и археологии был разделён на отдел истории и отдел этнографии и археологии. Для координации деятельности 3 гуманитарных отделов в 1962 г. был организован Учёный Совет по общественным (гуманитарным) наукам. В 1968 г. Президиум КФАН СССР направил Президенту АН СССР академику М.В. Келдышу докладную записку, в которой вновь подчёркивалось, что «в Коми филиале созрели необходимые условия для организации Института языка, литературы и истории». Успехи научно-исследовательской деятельности историко-филологических отделов показали её «исключительную актуальность и перспективность», а создание ИЯЛИ способствовало бы развитию гуманитарной науки. Президиум КФАН СССР просил уже в 1968 г. предпринять шаги по созданию Института. Однако только 25 сентября 1969 г. было принято соответствующее решение Госкомитета Совета Министров СССР и 13 ноября 1969 г. – постановление президиума АН СССР «Об организации Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР». В соответствии с этим 26 марта 1970 г. на заседании Президиума КФАН СССР было решено создать ИЯЛИ 1 апреля 1970 г. [2].

Уже в период становления академических историко-филологических подразделений в Коми этнодемографические, этнолингвистические, межэтнические, миграционные процессы на Европейском Северо-Востоке в той или иной мере стали предметом исследования учёных [3]. Можно сказать, что с рубежа 1940–1950-х гг. начался этап профессионального исследования этой проблематики [4] (различных аспектов которой, отдадим им должное, касались ещё коми краеведы 1920-х гг., однако их работа была насильственно прервана в 1930-х гг.) [5].

Основным научным направлением в деятельности гуманитариев в первые годы являлась лингвистика. Пятеро из шести сотрудников в начале 1945 г. были языковедами. Молодое поколение с энтузиазмом приступило к сбору языкового материала. Первоочередной задачей стала работа по системному изучению диалектов. Старейшие сотрудники отдела М.А. Сахарова и Н.А. Колегова часто вспоминали, как, будучи юными девчушками, в первые военные годы отправлялись вдвоём в экспедиции за диалектным материалом из Сыктывкара на Мезень и Вашку... пешком,

взяв с собой сани, нагруженные книгами, бумагой, хлебным запасом. Так, где пешком, где на попутных подводах, иногда нанимаясь ямщиками, где на лодках добирались они до самых дальних населённых пунктов, чтобы прикоснуться к ещё не тронутому источнику народной речи, зафиксировать и сохранить всё её многообразие и специфику. На этом богатейшем материале выросло не одно поколение учёных-лингвистов.

Работать в те годы учёным было непросто не только из-за материальных трудностей. Порой языковедам приходилось выслушивать обвинения, с позиций сегодняшнего дня кажущиеся полнейшей нелепицей; но тогда было совсем другое время... Например, в отчёте о научной деятельности сектора за 1947 г. были особо отмечены «факты проявления низкопоклонства перед буржуазными и иностранными лингвистами»: А.И. Подорова в одном из своих докладов «без надлежащей критики перечислила достоинства работ... немецких и финских языковедов». Ей были сделаны «серьёзное предупреждение и указания». А.С. Сидоров и Н.А. Колегова, оказывается, «не поняли указаний и решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам: о журналах “Звезда” и “Ленинград”, о репертуаре драмтеатров, кинофильме “Большая жизнь” и др.». Они в своих диссертациях «откровенно восхваляли работы Видемана, Вихмана и др., ... не подходя к работам буржуазных и иностранных учёных с позицией преимущества советской науки и культуры перед разлагающейся капиталистической наукой и культурой». Пришлось учёным признать свои «ошибки» [6]. Поистине, и грустно, и смешно...

Планы гуманитариев первоначально не предусматривали проведения этнических, этнографических, этнодемографических исследований. Л.Н. Жеребцов, поступивший в аспирантуру в 1948 г., намеревался стать историком, но, прислушавшись к совету А.С. Сидорова, выбрал этнографию. Диссертация Л.Н. Жеребцова на тему «Современное жилище народа коми» стала первым этнографическим исследованием, осуществлённым в секторе языка, письменности, литературы и истории [7].

В 1953 г. Л.Н. Жеребцов защитил кандидатскую диссертацию по этнографии, а через год кандидатом наук стал работавший в КФАН СССР выпускник МГУ Л.П. Лашук. Двое молодых исследователей энергично продолжили изучение широкого круга проблем традиционной и современной этнографии. Любопытно, что, по воспоминаниям очевидцев, в 1953 г. на заседании отдела Л.Н. Жеребцову был задан вопрос: *«Сколько лет необходимо для того, чтобы изучить все проблемы этнографии коми?»* Ответ молодого учёного, гласивший «много лет», привёл тогда коллег в замешательство. Сегодня правота Жеребцова ни у кого сомнений не вызывает сомнений... [8].

В 1954 г. Л.П. Лашук защитил кандидатскую диссертацию на тему «Этническая история Печорского края». Видный учёный А.П. Окладников отметил, что «свежая и яркая по мыслям» диссертация Л.П. Лашука «ставит ряд важных общих проблем этнической истории» и заслуживает высокой оценки. Крупный этнограф С.А. Токарев подчеркнул, что Лашук справился с поставленной им в диссертации «очень сложной и трудной», но чрезвычайно актуальной научной задачей, «с необычайным трудолюбием... собрал обширный и разносторонний фактический материал: и археологический, и языковый, и документальный, и данные из разных описаний путешествий» и т.д., не говоря уже о собственных полевых материалах. На основе диссертации Л.П. Лашук подготовил монографию «Очерк этнической истории Печорского края», опубликованную в 1958 г. [9].

Охватив в монографии период от мезолита до 50-х гг. XX в., Л.П. Лашук наметил в ней основные этапы освоения человеком бассейна Печоры, сопровождавшегося разнообразными этническими, языковыми, конфессиональными и экономическими взаимодействиями. Этот труд сохраняет большое научное значение и сегодня. Л.П. Лашук первым обратился к изучению этнографического районирования Коми. Он выделил 7 этнографических ареалов: прилузский, сысольский, вымский, удорский, ижемский, верхнепечорский и вычегодский. Л.Н. Жеребцов провёл масштабные экспедиционные исследования, охватившие все районы Коми АССР, а также те районы Алтая, Кольского полуострова, Омской и Тюменской областей, где проживают переселившиеся туда группы коми-зырян. Он особенно тщательно собирал полевой материал в зонах этнических контактов.

В 1955 г. Л.П. Лашук и Л.Н. Жеребцов подготовили большую (18 авторских листов) монографию «Вымские и удорские коми (историко-этнографические очерки)». Учёный Совет КФАН СССР одобрил текст монографии, но по каким-то причинам книга так и не была издана. В последующие годы исследователи осуществили ряд экспедиций в различные районы республики. Они не ограничились полевыми материалами, а дополнили их архивными данными. Это сделало научные отчёты этнографических экспедиций ещё более ценным и интересным. К сожалению, они остались неизданными. Во время экспедиций случались разные происшествия. Однажды Лашук и Жеребцов, постоянно о чём-то расспрашивавшие и что-то записывавшие, вызвали большое подозрение у местного населения, до того не имевшего никаких контактов с этнографами. Наиболее прозорливые жители «сообразили»: да это же американские шпионы! Исследователей немедля схватили и решили сдать «компетентным органам». Не без труда удалось Л.Н. Жеребцову и Л.П. Лашуку «реабилитировать» себя... [10]

В публикациях других авторов 1950–1960-х гг. приведены отдельные сведения о численности дореволюционного населения Европейского Северо-Востока, о начальных этапах заселения ряда районов, о миграциях местных жителей в другие регионы, о воздействии на демографическое развитие XVI–XVII вв. налогового гнёта, социального расслоения и неурожаев (в силу общественно-политических реалий того времени исследователи несколько преувеличивали влияние первых двух факторов). Появились работы демографов, характеризовавших современное им народонаселение Коми АССР. Специальных публикаций по этнодемографическим и историко-демографическим процессам в тот период не было, поскольку по сложившейся за годы Советской власти традиции данная тематика не относилась к числу приоритетных; историки вплоть до 1980-х гг. уделяли первоочередное внимание изучению социально-экономического развития и классовой борьбы [11].

После образования ИЯЛИ количество публикаций, посвящённых этническим и этнодемографическим процессам, существенно возросло. Первые историко-демографические работы были опубликованы в 70-х гг., а в 80-х гг. их количество увеличилось. Важнейшее значение для появления этих публикаций имела разработка методических и источниковедческих аспектов изучения историко-демографических проблем и публикация ряда документальных источников [12].

Ведущим специалистом в этой области в первые 2 десятилетия существования ИЯЛИ был, несомненно, Л.Н. Жеребцов. В сферу его основных научных интересов входила этническая история народа коми. Завершением цикла исследований на эту тему стала обобщающая монография «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» [13]. Л.Н. Жеребцов отметил активное участие коми в освоении Сибири и Дальнего Востока, осветил процесс возникновения коми поселений на Оби в XIX в. и переселений коми на Кольский полуостров, рассмотрел историко-культурные контакты коми с русскими, ненцами и обскими уграми (хантами и манси) и выявил многочисленные взаимные заимствования в хозяйственной, языковой и религиозной сферах. Особенно подробно в книге прослеживаются взаимоотношения коми и русских. Им рассмотрена проблема внутренних миграций [14] и численности населения [15], освоения территории Коми края [16] (указано время возникновения ряда населённых пунктов, приведены сведения о том, откуда приходили люди в колонизировавшиеся районы). Л.Н. Жеребцов назвал факторы, способствовавшие усилению миграций населения Коми края в XVI в.: установление мирных взаимоотношений с обскими уграми, истощение запасов пушного зверя

и др. Учёный широко использовал в своих исследованиях данные антропонимики [17].

В работах середины и второй половины 1980-х гг. рассмотрена проблема притока на Европейский Северо-Восток иноэтничных переселенцев в XII – начале XX в. [18]. Специально изучались миграции местного населения в конце XVI – середине XIX в. в регионе [19] и за пределы Европейского Северо-Востока (в Сибирь, на Каму, Вятку и в другие регионы) и их интенсивность [20]. Рассмотрение миграционных процессов, протекавших в советский период истории, ограничивалось анализом добровольных миграций в работах, посвящённых истории промышленности и рабочего класса. Учёные не имели возможности исследовать переселения в регион заключённых, спецпоселенцев и др.

Этнографы М.Б. Рогачёв, Ю.П. Шабаев, О.В. Котов и В.Н. Денисенко первыми приступили к изучению современных этнических процессов на Европейском Северо-Востоке. На основании широкого и разнообразного анкетирования, построенного на современных методиках, исследователи выявили основные тенденции этносоциальных, этнодемографических и этнолингвистических процессов. Идеи и выводы, сформулированные ими, имели важное практическое значение. Они учитывались при планировании и осуществлении различных социальных программ. Историки А.Д. Напалков, А.Ф. Сметанин, А.А. Попов и др. занялись специальным изучением истории национально-государственного строительства в регионе, выпустив ряд публикаций по этой проблеме. Лингвисты ИЯЛИ в 1989 г. провели научно-практическую конференцию на тему «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях», получившую большой общественный резонанс [21].

К началу 1990-х гг. в исследовании этнополитических, этнодемографических, межэтнических процессов на Европейском Северо-Востоке были достигнуты значительные успехи: определены ключевые проблемы развития, начата разработка некоторых из них, выработана методика анализа источников, введён в научный оборот большой фактический материал. Разумеется, многие вопросы требовали углублённой разработки. Но названные исследования стали базой, благодаря которой стала возможна активизация изучения этих процессов в следующие десятилетия.

В 1990-е гг. изучение этнодемографических, этнолингвистических, этнокультурных процессов в Республике Коми заметно активизировалось. Расширился как круг исследуемых вопросов, так и число учёных, занимающихся этими проблемами [22]. В новых условиях развития национальных языков явственно обозначилась новая тенденция в развитии академической лингвистики – разработка прикладных проблем для развития соци-

альных функций коми языка, удовлетворения потребностей в его изучении. Были изданы самоучитель коми языка Е.А. Цыпанова, ряд словарей – Л.М. Безносиковой, Е.А. Айбабиной, А.Н. Ракина. Лингвисты ИЯЛИ участвовали в разработке проектов закона «О государственных языках Республики Коми» (1991), Государственной программы «Сохранение и развитие коми языка в качестве государственного» (1994 г.) [23].

Значительно активизировалось в 1990-е гг. использование картографического метода в этнодемографических исследованиях. Составлен ряд карт, позволяющих проследить этнодемографическое развитие региона в XV – середине XIX в. и в 1970-х – начале 1990-х гг. [24]. Разработана периодизация тысячелетнего этнодемографического развития народа коми со времени его формирования (в XI в.) до современности, выделены 4 основных этапа этого развития [25]. Впервые был поставлен вопрос о роли климатического фактора в этнодемографических процессах [26].

Наряду с отдельными статьями [27] и небольшими брошюрами [28] появился ряд специальных крупных исследований, в их числе монографии О.В. Котова, М.Б. Рогачёва, Ю.П. Шабаева «Современные коми» [29], Н.Д. Конакова и О.В. Котова «Этноареальные группы коми» [30], монографии [31] и докторская диссертация автора данной статьи [32]. Следует отметить исследование Д.А. Несанелиса, который, опираясь на разнообразные литературные, архивные и полевые этнографические данные, подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Традиционные формы досуга сельского населения Коми края», ставшую основой для книги «Раскачаем мы ходкую качель» [33] (ряд её положений вошёл также в изданную позднее монографию «Символические формы поведения в традиционной культуре народов Севера» [34]). Специалисты высоко оценили эту работу, обратив особое внимание на один из основных выводов исследования, заключающийся в том, что многие игры, восходящие к архаичным представлениям, и содержательно сопоставимые с ними ритуалы следует рассматривать в качестве синхронных этнографических явлений, обеспечивающих устойчивую трансляцию традиционной культуры; эта идея развивает и конкретизирует некоторые общие положения современной теории информации [35].

Начало XXI в. ознаменовалось выходом серии новых работ различных авторов, посвящённых этнодемографическим процессам в регионе. В первую очередь надо отметить, что продолжалась публикация источников, содержащих богатую информацию о населении Коми края. Значительное количество трудов, написанных на археологических материалах, посвящено истории древнейшего заселения и последующего освоения Европейского Северо-Востока. Границы освоенной территории, переселения,

система расселения, существовавшие населённые пункты, подходы к определению численности жителей средневекового крайнего Северо-Востока Европы – эти вопросы получили освещение в работах Э.А. Савельевой, К.С. Королева, М.В. Кленова и др. [36].

В эти годы плодотворно изучались процессы заселения территории и формирования населения в ходе миграций различных этнических групп, а также переселения коми в другие регионы [37]. Освещены, в частности, роль миграций русского крестьянства в формировании населения Коми края в конце XV–XVI вв., влияние развития заводской промышленности на миграционные процессы в регионе (XVII – начало XX в.) [38]. Введены в научный оборот новые материалы о численности населения. Показана связь изменения административно-территориального деления региона с этнодемографическими процессами и др. [39]. Одновременно надо указать на активизацию изучения половозрастной структуры и семейно-брачных отношений местного населения [40], численности и структуры духовенства [41]; как известно, ранее эти сюжеты редко попадали в поле зрения исследователей [42].

Особое внимание учёные уделяли анализу факторов демографического развития, в первую очередь переменам климата в разные исторические эпохи [43]. Весьма важным является то, что наряду с материалами, касающимися только Европейского Северо-Востока, в публикациях приведены и сравнительные данные и по остальным финно-угорским народам – венграм, эстонцам, финнам, карелам и др., выявлены связанные с климатическими изменениями сходные черты и различия в этнодемографическом развитии финно-угров в I–II тыс. н.э. [44].

В изучении демографического развития в XX в. особое внимание уделялось нескольким сюжетам, среди которых принудительные миграции в регион (спецпереселенцы, высланные, заключённые и др.), численность переселенцев этих категорий; особенно продуктивно Н.М. Игнатовой исследовались вопросы, связанные с миграциями и численностью спецпереселенцев [45]. Ещё одним сюжетом являлись демографические процессы в годы Великой Отечественной войны. В публикациях Н.П. Безносовой [46] и других авторов освещены факторы демографического развития, естественное движение и возрастнополовая структура населения, миграционные процессы и их влияние на динамику численности населения, изменение его этнической структуры, на расселение жителей, а также источники изучения данных вопросов [47].

Большое внимание в опубликованных работах уделялось проблемам демографии сельского населения Коми. В них дана демографическая характеристика коми крестьянства в 1920-е гг., изучены численность и со-

циальная структура крестьянства Коми области в 1930-е гг., трудовые ресурсы сельхозартелей Коми АССР в годы Великой Отечественной войны и трудовые ресурсы колхозов Коми АССР во второй половине 1940-х–1950-е гг., рассмотрена политика «неперспективных деревень», проводившаяся на Европейском Севере России в 1960–1970-х гг., и её освещение в историко-аграрной литературе [48].

Активно исследовались миграционные процессы в различные исторические периоды [49]. Несколько публикаций содержат информацию об этнодемографических процессах в отдельных районах или населённых пунктах Коми. Историко-демографическое развитие каждого населённого пункта Коми в отдельности прослежено в книге автора данной статьи «Населённые пункты Республики Коми» [50] и выпущенной в 2006 г. электронной энциклопедии «Где ты живёшь» (авторы раздела по истории населённых пунктов − И.Л. Жеребцов и А.Г. Мусанов).

В нескольких изданиях содержатся сжатые очерки истории заселения региона [51], развития этнодемографических и этнических процессов, теоретические основы формирования населения и трудовых ресурсов Севера, история демографического развития финно-угорских народов [52], исследовано образование городов как фактора колонизации Севера в дореволюционный период [53]. Достаточно обстоятельно освещена история заселения современной Республики Коми в фундаментальной двухтомной работе «История Коми с древнейших времён», вышедшей двумя изданиями [54].

Своеобразным обобщающим итогом многолетних исследований демографического развития региона стали монография И.Л. Жеребцова, Е.Н. Рожкина «Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века)» [55], где на основе большого количества разнообразных архивных и опубликованных источников освещены зависимость этнодемографических процессов от естественно-географических, социально-экономических и политических факторов, численность населения Коми края в целом, каждой волости, динамика её изменения, процессы заселения всех районов края, время возникновения или первого упоминания населённого пункта (эта монография отмечена в числе важнейших результатов работы Отделения историко-филологических наук РАН за 2005 г.). В коллективном труде В.Я. Сквозникова, И.Л. Жеребцова, В.В. Фаузера, Н.П. Безносовой «Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чём рассказывают переписи)» [56] прослежена история проведения всех описаний и переписей населения в Коми – начиная с самого первого описания 1481 г. и до подготовки к переписи 2002 г., изложены основные итоги переписей, охарактеризованы этнодемографические процессы. В после-

дующие годы были изданы ещё 3 коллективных монографических исследования, в которых изучались расселение, состав и численность сельского населения Коми в середине XIX–XX в. [57], анализировался этнический фактор в демографическом развитии региона середины XIX – начала XXI в. [58], обобщались данные об истории заселения территории республики [59].

Изложенное выше свидетельствует о том, что Республика Коми стала одним из ведущих центров историко-демографических исследований в России. Признанием высокого уровня развития исторической демографии в республике стало проведение в Сыктывкаре в 2005 г. первой в России с 1992 г. Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», в 2011 г. – 1-й международной конференции по исторической демографии и исторической географии, а также серии всероссийских историко-демографических симпозиумов. Общее научное руководство этими мероприятиями осуществлял Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии. С 2004 г. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН выпускает серию сборников по этнодемографическим процессам, исторической демографии, на их основе с 2008 г. издаётся журнал «Историческая демография», важное место в котором уделяется этническим и этнодемографическим процессам. Это – ещё одно свидетельство того, что ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН является одним из общероссийских центров по изучению этнодемографических и историко-демографических процессов.

* * *

1. Научный поиск продолжается. – Сыктывкар, 1995.

2. Учёные Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2000.

3. *Жеребцов И.Л.* Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. – Сыктывкар, 1987. – С.67–72.

4. *Жеребцов И.Л.* Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии // Крестьянство Коми края (досоветский период). – Сыктывкар, 1986. – С.119–135.

5. Они любили край родной. – Сыктывкар, 1993.

6. *Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А.* Алексей Семёнович Сидоров. – Сыктывкар, 1995.

7. *Жеребцов И.Л., Шабаев Ю.П.* Любомир Николаевич Жеребцов. – Сыктывкар, 1996.

8. *Жеребцов Л.Н.* Дороги этнографа. – Сыктывкар, 2005.

9. *Лашук Л.П.* Очерк этнической истории Печорского края. – Сыктывкар, 1958.

10. *Жеребцов И.Л.* Дороги этнографа Л.Н. Жеребцова // Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. – Сыктывкар, 2005. – С.3–65.

11. *Жеребцов И.Л.* Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография Коми. – Сыктывкар, 1999. – С.4–13.

12. *Жеребцов И.Л.* Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми // Историческая демография. – М.; Сыктывкар, 2007. – С.193−201.

13. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М., 1982.

14. *Жеребцов Л.Н.* Расселение коми в XV–XIX вв. – Сыктывкар, 1972.

15. *Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н.* Численность населения Коми края в XVI–XVII вв. // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984. – С.64–76.

16. *Жеребцов Л.Н.* Формирование этнической территории коми. – Сыктывкар, 1977.

17. *Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н.* Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края (XVI−XVII века). – Сыктывкар, 1990.

18. *Жеребцов И.Л.* Иноязычный этнический компонент в составе населения Коми края в XVI–XVII вв. // Вопросы этнографии народа коми. – Сыктывкар, 1985. – С.22–33.

19. *Жеребцов И.Л.* Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI – начале XVII вв. // Проблемы этногенеза народа коми. – Сыктывкар, 1985. – С.133–147; *Жеребцов И.Л., Колегов Б.Р.* Эволюция сельских поселений Коми края с начала XVII до середины XIX вв. // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. – Сыктывкар, 1986. – С.3–17; *Жеребцов И.Л.* Миграции и внутреннее освоение земель Коми края в XVII в. // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. – Сыктывкар, 1989. – С.16–20.

20. *Жеребцов И.Л.* Динамика населения Коми края в эпоху феодализма (II половина XVI – середина XIX века). – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987; *Жеребцов И.Л.* Миграции населения Коми края в эпоху период феодализма. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989; *Жеребцов И.Л.* Коми компонент в составе населения нижней Вычегды и

Немьюги во II половине XVI – начале XVIII века // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. – Сыктывкар, 1989. – С.8–15.

21. *Жеребцов И.Л., Васкул И.О., Цыпанов Е.А., Шабаев Ю.П.* Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: основные итоги и перспективы исследований за четверть века (1988–2013 годы). – Сыктывкар, 2014.

22. *Жеребцов И.Л.* Основные итоги этнодемографических исследований в Республике Коми в 1990-е годы // Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. – Сыктывкар, 2000. – С.60–66.

23. *Zherebtsov I.L.* Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS: the major results and research problems. – Syktyvkar, 2015.

24. Исторический атлас Республики Коми. – М., 1997; Историко-культурный атлас Республики Коми. – М., 1997.

25. *Жеребцов И.Л.* Основные этапы этнодемографического развития народа коми. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995.

26. *Жеребцов И.Л.* Изменения климата и демографические процессы в Коми крае // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье: тезисы докладов Международной науч. конф. – Сыктывкар, 1994. – С.33–35; *Жеребцов И.Л.* Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII вв. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. – С.153–159; *Жеребцов И.Л., Королев К.С.* Климатический фактор в истории коми. – Сыктывкар, 2000; *Жеребцов И.Л.* Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. – 2000. – № 7. – С.71–75.

27. *Жеребцов И.Л.* Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. – Сыктывкар, 1993. – С.54–62; *Жеребцов И.Л.* Численность населения Коми края в XVIII в. // Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. – С.26–44.

28. *Жеребцов И.Л., Рогачёв М.Б.* Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). – Сыктывкар, 1993; *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.* Демографические процессы в Коми в XX веке. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000; *Жеребцов И.Л.* Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000.

29. *Котов О.В., Рогачёв М.Б., Шабаев Ю.П.* Современные коми. – Екатеринбург, 1996.

30. *Конаков Н.Д., Котов О.В.* Этноареальные группы коми. – М., 1991.

31. *Жеребцов И.Л.* Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. – Екатеринбург, 1996; *Жеребцов И.Л.* Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. – Сыктывкар, 1998.

32. *Жеребцов И.Л.* Демографические процессы в Коми крае в конце XV – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. – Сыктывкар, 1998.

33. *Несанелис Д.А.* Раскачаем мы ходкую качель. – Сыктывкар, 1994.

34. *Несанелис Д.А.* Символические формы поведения в традиционной культуре народов Севера. – Архангельск, 2010.

35. *Жеребцов И.Л.* Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН // Поиски и открытия: роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания. – Казань, 2015. – С.125–135.

36. *Жеребцов И.Л., Васкул И.О.* Этнографические и археологические исследования Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в конце XX – начале XXI века // Поиски и открытия: роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – С.136–141.

37. *Жеребцов И.Л.* История заселения современной Республики Коми в новейших исследованиях (2001–2006) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации. – Сыктывкар, 2006. – С.124–135.

38. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). – Сыктывкар, 2001.

39. *Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. – Сыктывкар, 2001; *Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы и административные границы на Европейском Севере России. – Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005.

40. *Вишнякова Д.В.* Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX века. – Сыктывкар, 2012.

41. *Хайдуров М.В.* Духовное сословие в Коми крае (1801–1869 гг.). – Сыктывкар, 2010.

42. *Сметанин А.Ф.* Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и исторические исследования в Республике Коми. – Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005; *Сметанин А.Ф.* Институт

языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук: основные вехи развития. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005.

43. *Жеребцов И.Л.* Влияние изменений климата на процессы заселения Европейского Севера России. − Сыктывкар, 2007; *Жеребцов И.Л., Королев К.С.* Влияние климатического фактора на историко-демографическое развитие коми // Историческая демография. – М.; Сыктывкар, 2007. – С.10–17; *Жеребцов И.Л.* Изменения климата и демографическая история Европейского Севера // Идентичность и изменяющийся мир материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов (г. Ханты-Мансийск, Россия, 2008 г.). – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. – С.31–47.

44. *Жеребцов И.Л.* К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1. – С.5–43; *Жеребцов И.Л.* Климат в древней истории финно-угорских народов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2010. – № 1. – С.87–92; *Жеребцов И.Л.* Изменения климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования. – 2010. – Вып. V. – С.64–72; *Жеребцов И.Л.* Влияние климатических изменений на этнокультурную ситуацию на Европейском Северо-Востоке в I – начале II тыс. н.э. // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 2. – С.25–31.

45. *Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. – Сыктывкар, 2009.

46. *Безносова Н.П.* Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 2003.

47. *Жеребцов И.Л.* Основные итоги исторических исследований Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в конце XX – начале XXI вв. // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. – С.47–55.

48. Историческая демография. – М.; Сыктывкар, 2007; Историческая демография. – М.; Сыктывкар, 2007. – Вып. 2; Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. – Сыктывкар, 2005; Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1; Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 2; Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. – Вып. 3. – Ч.1; Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. – Вып. 3. – Ч.2; Этнодемогра-

фические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. – Вып. 3. – Ч.3; Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2006. – Вып. 3. – Ч.4; Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.; Сыктывкар, 2006. – Вып. 4. – Ч.1; Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.; Сыктывкар, 2007. – Вып. 4. – Ч.2.

49. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Central-Asian minorities in Russia in 21 century: Dynamics, structure and new areas for migration // Acta Historica Neosoliensia. Vedecký časopis pre historické vedy. 16/2013. – Vol. 1–2. – P.200–204; *Жеребцов И.Л., Исупов В.А.* Миграции жителей Европейского Северо-Востока в Сибирь (конец XVI – конец XVIII в.) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2013. – Вып. 3. – С.4–29; *Жеребцов И.Л., Безносова Н.П.* Миграционные процессы в Коми АССР во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы II Всероссийской науч. конф. – Новосибирск, 2014; *Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л. и др.* Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (ч.I) // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2015. – № 1 (21). – С.88–94; *Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л. и др.* Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (ч.II) // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2015. – № 2 (22). – С.71–79.

50. *Жеребцов И.Л.* Населённые пункты Республики Коми: историко-демографический справочник. – М.: Наука, 2001.

51. *Жеребцов И.Л.* Краткий очерк истории формирования народа коми. – Сыктывкар, 2004.

52. *Шабаев Ю.П.* Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. – Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005; *Фаузер В.В.* Финно-угорские народы: история демографического развития. – Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005.

53. *Обедков А.П.* Образование городов как фактор русской колонизации евразийского Севера в дореволюционный период. – Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005; *Обедков А.П.* История географического изучения городов России. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007.

54. История Коми с древнейших времён до конца XX в. – Сыктывкар, 2004. – Т.1–2; История Коми с древнейших времён до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т.1–2.

55. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). – Сыктывкар, 2005.

56. *Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П.* Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чём рассказывают переписи). – Сыктывкар, 2001.

57. *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В.* Сельское население Коми в середине XIX–XX века: расселение, состав, численность. – Сыктывкар, 2005.

58. *Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Жеребцов И.Л. и др.* Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. – Сыктывкар, 2006.

59. *Жеребцов И.Л., Безносова Н.П., Вишнякова Д.В. и др.* От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времён до конца XX века. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014.

УДК 39(=511.1)

Н.А. Нестерова,
канд. ист. наук, председатель
Комитета по законодательству
и местному самоуправлению
Государственного Совета
Республики Коми

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Одним из определяющих факторов этнической устойчивости является владение этнических сообществ родным языком и его использование ими. Краткий обзор этноязыковой ситуации у финно-угорских народов Европейского Севера, рассматриваемых в данной статье, говорит об общих тенденциях, сложившихся у народов России в целом.

Последняя перепись, дающая на сегодняшний день представление об этноязыковой ситуации в регионах – территориях формирования этносов и народов, проживающих в России, проходила в 2010 году. Рассматривая Мурманскую область с проживающим там народом саами, Республику Коми и народ коми, Республику Карелия, где проживают вепсы, карелы, финны, в том числе финны-ингерманландцы, видим следующую ситуацию. Всего в России на сегодня зафиксирована следующая численность этих народов во всех регионах России в целом: вепсы – 5 936, карелы – 60 815, коми – 228 235, коми-ижемцы – 6 420, саамы – 1 771, финны – 20 267, финны-ингерманландцы – 441 [1].

При этом если говорить о вышеназванных регионах, каждый из которых является территорией этногенеза обозначенных народов, с учётом знания родного языка, на 2010 г. результаты переписи показывают следующее. В Мурманской области проживает 1 599 саамов, из них родным считают саамский язык 279 человек, или 17,45%. В Республике Коми проживают коми – 202 348 человек (в том числе 5 725 коми-ижемцев), из них коми язык родным считают – 127 026, или 62,78% (в том числе 5 424 коми-ижемца, или 94,74%). В Республике Карелия проживает 45 510 карелов, из них считают родным карельский язык 12 369, или 27,18%, вепсов – 3 423 человека, считающих вепский родным языком – 493, или 14,4%, финнов – 8 577, считающих финский язык родным – 921, или 10,7%. По итогам переписи

© Нестерова Н.А., 2016

2002 г., когда знание родного языка определялось не для всех народов, а только для наиболее многочисленных, данные следующие: коми – 293 406 (в том числе коми-ижемцев – 15 607), из них в Республике Коми проживало – 256 464 (в том числе коми-ижемцев – 12 689); карелы – 93 344, из них Республике Карелия проживало – 65 651; вепсы – 8 240, из них в Республике Карелия – 4 870; финнов – 34 050, финнов-ингерманландцев – 314, из них в Республике Карелия проживало: финнов – 14 156, финнов-ингерманландцев – 154; саамы – 1 991, из них в Мурманской области проживало 1 769 человек [2].

В целом сокращение численности коми после переписи 1989 г. произошло на 108 074 человека (на 32%), финнов – на 26 835 человек (на 57%), минимально у саамов – на 64 человека, карелов – на 64 106 человек (на 51%), вепсов на 6 206 (на 51%). Как видно, только численность саамов практически не изменилась [3].

Данные Всесоюзных переписей населения в XX в. и Всероссийских переписей в начале XXI в. свидетельствуют также об устойчивом росте численности и удельного веса представителей финно-угорских народов, у которых родной язык и национальная принадлежность не совпадают. Так, например, у коми в 1970 г. русскими по языку считали себя 13,4% коми, в 1979 г. – около 20%, в 1989 г. – 25,7%, как правило, это люди молодого возраста. Ещё более тревожное положение у карел, финнов, вепсов в Карелии: если в 1939 г. национальность и родной язык совпадали у 96% карел, а в 1959 г. – у 81%, то в 1989 г. – лишь у 51,5%. По данным переписи 1989 г., среди финнов считали себя русскими по языку – 58,5%, несколько ниже этот показатель у вепсов. Как видно, в Карелии утрата родного языка приобрела массовый характер. С развитием процессов языковой ассимиляции национально-русское двуязычие, являвшееся характерной чертой коренных народов как в Коми, так и в Карелии, последовательно замещалось одноязычием, доминированием русского языка. Этот переход сопровождался снижением функциональной нагрузки на национальные языки, сужением общественных сфер их функционирования, их смещением в семейно-бытовую сферу [4].

Известно, что фактически именно с 1989 г. начался всплеск национального самосознания у народов СССР в условиях демократизации советского общества и перестройки. В период между переписями 1989 и 2002 г. произошли события, имевшие судьбоносное значение для народов СССР, а именно: развал СССР и возникновение независимых государств на месте бывших национальных республик СССР и создание федеративного государства – Российской Федерации с государственным устройством «матрёшечного» типа по национальному принципу. Всплеск национального

самосознания определил начало активного формирования как федеральной, так и региональных моделей государственной национальной политики, в основе которых был заложен пакет законов, направленных, прежде всего, на сохранение и развитие родных языков. В субъектах РФ, которые приобрели статус национальных республик, языки так называемых «титульных» народов в основном получили статус вторых государственных языков наряду с русским. Сложнее этот процесс шёл в Карелии, поскольку в качестве коренных народов здесь определены и карелы, и вепсы, и финны. Придания статуса государственного карельскому языку не произошло, вместо этого в 2004 г. был принят республиканский Закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» от 19.03.2004 № 759-ЗРК [5]. В Мурманской области саамы получают поддержку лишь в рамках действия Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ [6].

При создании условий для развития родных языков в рамках системы национального образования и культуры в период 1990-х гг. произошёл кратковременный рост доли коренных народов в регионах, что стало результатом повышения этнического самосознания и самоидентификации. Однако при этом в 1990-е гг. резко ухудшилась социально-экономическая ситуация в России, что негативно сказалось на демографической ситуации – произошло значительное сокращение численности населения страны в целом и каждого из народов России в частности.

Отдельно можно отметить тот факт, что практически не изменилась численность саамов, проживающих в Мурманской области. Это можно отнести к тому, что на них распространяется действие федерального закона о коренных малочисленных народах Российской Федерации – это даёт народам определённые экономические преференции на пользование природными ресурсами на территориях их проживания. Также интересным является то, что в Мурманской области численность коми, мигрировавших туда 200 лет назад, осталась практически на том же уровне и соотносится с численностью саамов. Данный факт служит подтверждением того, что в условиях локального проживания диаспоры вне своей этнической родины может сложиться феномен самовоспроизводства языка и культуры и сохранения идентичности народа. Однако процесс утраты родного языка у мурманских саамов сегодня носит практически необратимый характер с учётом того, что в системе образования Мурманской области отсутствует национальный языковой компонент, не создана соответствующая нормативно-правовая база. Язык изучается лишь факультативно в одном классе сельского поселения Ловозеро.

Для сравнения приведём также данные по следующему показателю: как изменялось в течение 20-летнего периода (с 1989 по 2010 г.) количество представителей этносов, считавших родным язык своей национальности, от общей численности народа. Если в 1989 г.: вепсы – 50%, карелы – 47,7%, коми – 74%, финны – 34,6%, саамы – 42,2%, то в 2010 г.: вепсы – 14,4%, карелы – 27,18%, коми – 62,78%, финны – 10,7%, саамы – 17,45% [7]. Данные говорят об уменьшении доли носителей языка, причём по карелам, вепсам, финнам и саамам – кратное уменьшение. При этом следует, безусловно, учитывать определённую погрешность, которая имеет место при осуществлении опроса населения, однако в целом тенденции таковы.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать определённые выводы. Если до 1989 г. шло увеличение численности народов (при уменьшении их доли в регионах), но сокращалось количество носителей языка, то в период с 1989 г. в силу социально-экономического спада в стране произошло резкое сокращение численности населения и народов при продолжающихся в целом ассимиляционных процессах. Демографическая ситуация к настоящему времени имеет тенденции к улучшению. Прогнозируемая же этнодемографическая ситуация к 2020 г. не слишком оптимистична – скорее следует ожидать в бóльшей или мéньшей степени уменьшения как численности этносов, так и количества представителей этносов, считающих родным язык своего народа. Очевидно, что сдерживание нарастающих ассимиляционных процессов возможно лишь при значительных усилиях со стороны государства в части реализации системного подхода к государственной национальной политике как в России в целом, так и в регионах, в частности в тех, где особое место занимает национальная школа как система межпоколенного воспроизводства и трансляции родных языков.

* * *

1. Национальный состав населения России // MEGABOOK. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. – URL: http://megabook.ru/article/национальный%20состав%20населения%20России

2. Национальный состав населения России…

3. Национальный состав населения России…

4. Перепись населения СССР (1989) // ВикипедиЯ. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/перепись_населения_СССР_(1989)#.D0.98.D1.82.D0.BE.D0.B3.D0.B8_.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B5.D0.BF.D0.B8.D1.81.D0.B8; *Болдырев В.А.* Итоги переписи населения СССР. Статистика и финансы. – М., 1990. – С.37–40.

5. О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия: закон Республики Карелия от 19.03.2004 № 759-ЗРК (с изм. на 28 июля 2016 г.). – URL: http://docs.cntd.ru/document/919316706

6. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Рос. газета. – 1909. – № 90.

7. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-09.pdf; Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку по отдельным субъектам Российской Федерации. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-23.pdf

УДК 008(470.13)“19/20”

Н.Ю. Линкова,
канд. ист. наук, директор
филиала ВГТРК ГТРК «Коми гор»

ТЕЛЕВИДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (СЕРЕДИНА XX – НАЧАЛО XXI в.: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ)

Появление телевидения – нового и очень действенного средства пропаганды, информирования, воспитания – для второй половины XX в. стало велением времени. Процесс адаптации человека к этому новому средству массовой информации был стремительным. Сегодня телевидение органично вплетается в бытие человека, является неотъемлемой частью повседневной жизни, экономики, культуры.

В результате проведённого нами специального исследования по реконструкции истории становления и формирования телевидения Республики Коми определены следующие этапы:

- 1958 г. – 1-я половина 1960-х гг. – создание телевидения в Коми АССР;
- 2-я половина 1960-х гг. – 1-я половина 1970-х гг. – развитие материально-технической базы, формирование организационной структуры и кадрового состава городских студий телевидения региона;
- 2-я половина 1970-х гг. – 1991 гг. – централизация телевизионного вещания, организация на базе Сыктывкарской телестудии Телевидения Республики Коми;
- 1990-е гг. – телевидение в Республике Коми в условиях радикального реформирования российского общества;
- 2000–2015 гг. – структурные изменения в современной системе телевещания Республики Коми [1].

По сути, в конкретно-историческом контексте названные выше этапы можно сгруппировать в периоды – советский и постсоветский, для каждого из которых характерны определённые особенности.

Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. можно назвать временем организации в Советском Союзе регионального телевидения. Его развитие происходило в русле общесоюзного процесса формирования отрасли и определялось рядом постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР

© Линкова Н.Ю., 2016

и Совета Министров РСФСР. Строительство телецентров, производство профессиональной аппаратуры и телевизионных приёмников было включено в государственный народнохозяйственный план СССР. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 16.05.1957 был образован Госкомитет по телевидению и радиовещанию при Совете Министров СССР [2], что означало растущие перспективы новой отрасли – телевизионного вещания. На этом этапе развитие телевидения в стране проходило путём расширения зоны вещания – создания многочисленных местных студий и строительства новых ретрансляторов. О принятии мер к дальнейшему расширению и улучшению телевидения и увеличению к 1960 г. количества телевизионных станций не менее чем до 75 говорилось в решениях XX съезда КПСС [3]. В 1950 г. во всей стране насчитывалось всего 2 телецентра, в 1955 г. – 5, в 1960 г. – 83, а в 1965 г. – уже 121 [4].

Начало телевизионному вещанию в Коми АССР было положено в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.: открылись 3 городские студии телевидения – Воркутинская (1958), Ухтинская (1960), Сыктывкарская (1964), благодаря которым телевидение стало доступно более чем 40% населения республики [5]. Городские студии были единственным доступным источником телевизионного сигнала, каждая действовала автономно, поэтому тематика передач неизбежно дублировалась. В первые годы все телепередачи выходили в прямом эфире, объём киносъёмок был небольшим, в программах широко использовались фотосюжеты, материалы, предоставленные внештатными авторами. В 1965 г. годовой объём передач в Коми АССР составлял около 3 150 часов, в том числе 780 часов – программы собственного производства. Сыктывкарская телестудия работала на двух языках – русском и коми.

В общем контексте процесса формирования материально-технической базы отрасли стержневыми были следующие направления работы: строительство телевизионных центров и их техническая оснащённость; сооружение ретрансляционных станций и радиорелейных линий связи для расширения географии передачи телевизионного сигнала. Параллельно велись работы по разработке нового телевизионного оборудования, совершенствованию и обновлению техники. Численность населённых пунктов, в которые стал поступать телевизионный сигнал, постоянно увеличивалась и в Коми АССР. Происходило активное строительство и ввод в эксплуатацию мощных радиотелевизионных передающих станций в городах и крупных районных центрах республики и одновременное строительство радиорелейных линий связи. Количество ретрансляционных станций в 1960 г. по сравнению с 1958 г. выросло почти на 20%, в 1965 – более чем на 60%,

в 1970 – почти в 2,5 раза, а в каждый последующий год увеличивалось ещё на 20%. В 1967 г. с вводом в строй станции спутниковой связи «Орбита» в Сыктывкаре и Воркуте появилась возможность получать передачи первой программы Центрального телевидения [6]. В 1971 г. объём телевещания значительно увеличился за счёт вступления в строй магистральной радиорелейной линии Киров – Сыктывкар – Ухта – Печора – Инта – Воркута; передачи из Москвы – уже в цветном изображении – стали смотреть более половины жителей Коми АССР.

Телевидение становится не просто доступным, оно практически входит в быт и становится важнейшим элементом досуга, образа жизни. Периферийные регионы страны охватывались сетью телевизионного вещания центральных каналов: жители часовых поясов огромной страны в одно и то же время смотрели выпуски информационных программ, художественные и телевизионные фильмы, трансляции концертов из лучших столичных залов. Передачи, не имевшие узкого регионального компонента, начали готовиться в Москве, при этом их качество и содержательная сторона значительно возрастали.

Централизация вещания оказала значительное влияние на структуру вещания городских студий и на тематическую составляющую региональных передач: это касалось как исключения дублирования, так и возможности сосредоточить большее внимание на местных вопросах и проблемах. 1967 – 1976 гг. можно назвать этапом развития и совершенствования творческой деятельности коллективов городских студий телевидения Коми АССР. Заметно возросла «обратная связь» с телезрителями: тематика передач во многом определялась письмами жителей республики, традиционными стали встречи творческих работников с населением, анкетирование, благодаря которому выявлялись зрительские пристрастия, изучался, как сегодня говорят, рейтинг программ. Большую роль в работе играли общественные редакции, они принимали участие в создании цикловых передач Воркутинской студии «Партийный вторник», «Новатор», «Дела депутатские», программы для женщин «Северянка», сатирического журнала «Вентилятор», в Сыктывкаре – передач о рационализаторской деятельности «Поиск», тележурнала «02», циклов «Земля наша Коми», «Университет сельскохозяйственных знаний» [7].

В начале 1970-х гг. значительные изменения произошли в тематике передач Сыктывкарской студии телевидения. В первую очередь это коснулось вещания на коми языке. В эфир стали выходить ежедневные информационные выпуски «Выльторъяс» (Новости), еженедельные политические обзоры «Мир миян гögör» (Мир вокруг нас), передачи для сельских жителей, детские «Би кинь» (Искорка), литературные программы, телепо-

становки по произведениям коми писателей и драматургов. Объём годового вещания собственных передач студии увеличился на 60 часов, в 1970 г. он составил 400 часов [8].

Для Сыктывкарской студии телевидения важным событием был ввод в эксплуатацию в 1972 г. трёхэтажного здания кинокомплекса. На смену отработавшему свой ресурс и морально устаревшему чёрно-белому ламповому оборудованию в 1979–1980 гг. поступило первое цветное оборудование. В 1985 г. цветным стало и кино. В 1988 г. началось строительство нового аппаратно-студийного комплекса (АСК) Коми республиканского телевидения.

1976–1991 гг. можно назвать временем полной телефикации Республики Коми. С 1963 по 1991 г. в регионе было проложено 2 078 км радиорелейных линий связи, продано населению 546,3 тыс. телевизионных приёмников [9]. К началу 1990-х гг. возможность принимать телевизионные передачи имели более 99% населения республики, в том числе 3 и более программ – 21,3% жителей, 2 программы – 73%, 1 программу – около 5%.

В связи с возможностью принимать программы Центрального телевидения городские студии перестали играть ту роль, которая отводилась им на первом этапе. В 1970-е гг. телестудии в Ухте (1976) и Воркуте (1984) были закрыты. На базе Сыктывкарской студии в 1976 г. создано Республиканское телевидение, программы которого транслировались по всей территории Коми АССР. Организация корреспондентских пунктов в гг. Ухта, Печора, Инта и в пос. Усогорск Удорского района позволила расширить географию передач и информационных сюжетов [10].

В начале 1980-х гг. Коми республиканское телевидение обрело политическую и профессиональную зрелость, стало ведущим средством в агитационно-пропагандистской и идеологической работе. Появились передачи об экономике, перспективах развития региона, рентабельности производства, микроклимате в трудовых коллективах и т.д. В эфир начала выходить субботняя информационно-аналитическая программа «На 9 параллелях». В первые годы «перестройки» в СМИ стало больше критических материалов, в эфире появились такие жанры, как дискуссия, телемост, политический портрет. На Коми телевидении готовились новые по форме и содержанию цикловые передачи: «Клуб директоров», «Зелёный мир», «Телевизионная приёмная», сатирический журнал «СТОП», «Молодёжный канал» [11].

Концепция вещания телевидения Коми АССР претерпела коренные изменения в конце 1988 г., после XIX партконференции КПСС. Новизна программ заключалась в том, что в качестве ведущих выступали журналисты, передачи, как правило, выходили в прямом эфире, были интерактив-

ными, что позволяло участникам взаимодействовать непосредственно со зрительской аудиторией. В новых общественно-политических условиях, сложившихся в стране в годы «перестройки», телевидение наряду с другими СМИ стало инструментом демократических преобразований.

Таким образом, в годы советского периода телевидение в СССР формировалось как единая государственная отраслевая система. Практически за 30 лет – с 1960 по 1990 г. – успешно реализована такая важная задача, как максимальный охват территории страны высококачественным многопрограммным телевизионным вещанием, сформировано единое культурно-информационное пространство. К началу 1990-х гг. в Советском Союзе была создана развитая производственно-техническая база – сеть наземных радиорелейных и кабельных линий связи, общесоюзные спутниковые системы «Молния», «Экран», «Москва». Занимая всё более значимое место в свободном времени человека, телевидение стало неотъемлемой частью досуга, формировало общественное мнение и мировоззрение, интересы и вкусы, способствовало приобщению населения к различным аспектам жизни общества.

Развитие нового электронного СМИ находилось под непрестанным контролем ЦК КПСС, постановления и решения пленумов которого неоднократно констатировали определённые достижения и недостатки, ставили новые цели. Жёсткая структура управления, партийный и цензурный контроль позволяли использовать телевидение как действенный инструмент партийно-государственной идеологии. Постоянное совершенствование материально-технической базы и кадрового состава позволили усилить роль телепередач в информационной и пропагандистской работе.

Телевидение, в том числе региональное, создавалось с нуля: сначала открывались городские студии, затем в результате централизации и в связи с возможностью передачи телевизионного сигнала на значительные расстояния местное вещание сворачивалось, формировались более мощные и мобильные областные и республиканские телестудии. Каждый этап проходил с учётом уже имевшегося опыта, и в целом задача по обеспечению населения страны телевизионным вещанием была успешно решена.

Радикальное реформирование российского общества в 1990-е гг. оказало принципиальное влияние на телевизионное вещание в стране. Постсоветский период стал переломным для отрасли в целом – это касалось и политической, и экономической составляющей. Смена общественного устройства страны привела к разбалансированности народно-хозяйственного комплекса. Отсутствие государственных дотаций, реорганизация структуры вещания обусловили кризис телевидения как отрасли. За сравнительно короткое время в отечественной системе телевещания произошли значи-

тельные преобразования. После распада в 1991 г. Советского Союза ликвидируется Гостелерадио СССР. Созданы Российское телевидение (РТР) и Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК). Государственный комитет Коми ССР по телевидению и радиовещанию в 1992 г. реорганизован в Государственную телерадиовещательную компанию (ГТРК) «Коми гор» (Голос Коми), являвшуюся структурным подразделением ВГТРК [12]. Во исполнение Указа Президента РФ «О совершенствовании работы государственных электронных средств массовой информации» от 08.05.1998 № 511 [13] и Постановления Правительства РФ «О формировании единого производственно-технологического комплекса государственных электронных средств массовой информации» от 27.07.1998 № 844 [14] в 2002 г. ГТРК «Коми гор» становится дочерним предприятием ВГТРК, а в 2006 г. – филиалом ВГТРК. Цель реорганизации – централизация телевизионного вещания в рамках телеканала «Россия».

Изменившаяся в стране общественно-политическая ситуация оказала значительное влияние на деятельность телевидения: тематику передач, их форму, содержание, манеру ведения. В ГТРК «Коми гор» систематически выходили в эфир цикловые передачи, информировавшие население о деятельности законодательной и исполнительной ветвей власти: «Веськыд эфирын – Каналан Сöветса депутатьяс» (В прямом эфире – депутаты Государственного Совета), «Пирамида власти», «Вопросы правительству», «По сути дела». Большой интерес зрительской аудитории вызывали прямые трансляции с заседаний сессий Верховного Совета Республики Коми, со Съездов коми народа, «предвыборные марафоны», предшествовавшие выборам различных уровней. Таким образом, в начале 1990-х гг. телевидение приобрело ещё одну важную функцию – электоральную.

Значительные изменения претерпели программы ГТРК «Коми гор» на коми языке: увеличился их объём в общем вещании, более разнообразной стала тематика. Выполнение региональным телевидением коммуникационной роли, объединившей журналистов по вопросам современной этно-культурной жизни, проявилось в 1993 г. созданием межрегионального тележурнала «Финно-угорский мир», в формировании которого принимали участие 7 телерадиокомпаний национальных республик и округов Российской Федерации: Марий Эл, Удмуртии, Коми, Мордовии, Карелии, Коми-Пермяцкого и Ханты-Мансийского автономных округов.

Характерным для этого времени было обращение к «белым пятнам» в истории страны и республики. В частности, заметным явлением стали передачи о политических репрессиях периода 1930-х – 1940-х гг.: «Зов к покаянию», «Два дня в Абези», «Эпитафия», цикл «Покаяние» о создании

в Коми одноименного мартиролога. С 1994 г. в республиканском телеэфире появились передачи о православии: «Восхождение», «Благовест», «Истоки». Большой интерес зрительской аудитории вызывали выполнявшие образовательную и развлекательную функцию телеигра для школьников «На борту Дункана» (1993), ток-шоу «Всё – о нём» (1996–1999), «Пресс-клуб «Наш гость», телевикторина «Сё шайт» (Сто рублей) (1999–2000) [15].

С развитием демократизации и гласности возросла информационная функция телевидения. Визитной карточкой телеканала РТР стала информационная программа «Вести». Главным «продуктом» региональных ГТРК на местах в начале 2000-х гг. становятся информационные программы. В ноябре 1999 г. в блоке с общероссийскими «Вестями» в эфир стала выходить передача «Вести – Сыктывкар», а в сентябре 2002 г. – программа «Вести – Коми». Это было первым существенным шагом по созданию на федеральном телеканале информационного вещания нового формата. С 11 августа 2003 г. «Вести – Коми» выходят в эфир до 10 раз в день. В телеэфире канала «Россия» значительно уменьшился объём эфирного времени для тематических программ региональных студий.

На новый уровень вышли взаимоотношения власти и СМИ, их основные аспекты сформулированы и закреплены в Законе РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1 [16]. Один из принципиальных моментов – расширение возможности учреждения СМИ. В новых правовых, экономических и производственных отношениях существенную роль приобрела коммерческая составляющая, печатные и электронные издания преобразовались в самофинансирующиеся системы. В этот период в Коми, как и в других регионах, появилась сеть негосударственных коммерческих городских и районных телеканалов, в том числе кабельных. В Сыктывкаре кабельным телевидением занимались хозрасчётное предприятие «Кабельвидеомонтаж», кооператив «Бытовик», в Инте – телеинформационный центр «ТРИЦ», в Усинске – телерадиокомпания «Усинск», в Печоре ТРК «Волна». Их программы формировались в основном из зарубежных художественных фильмов, мультипликационных сериалов для детей, концертов по заявкам, рекламы.

В 1990 г. при Гостелерадио Коми АССР было организовано некоммерческое производственно-творческое объединение «Третий канал», его вещание распространялось в столице республики – г. Сыктывкаре. Большой популярностью зрителей пользовались передачи, поднимавшие актуальные проблемы города: «Телекурьер», «Десять минут у мэра», «Свободное окно» [17].

Правительством Республики Коми было принято решение о создании регионального государственного телевизионного канала (Указ Главы

Республики Коми «О создании государственного телевизионного канала Республики Коми» от 03.09.1996 № 233 [18]). Его первой цикловой передачей стала ежедневная часовая программа «Утром с вами», которая в 1997 г. начала выходить на канале «Культура» для Сыктывкара и его пригородов.

Продолжался процесс централизации телевизионного вещания: в 1993 г. в Воркуте, Инте, Печоре, Ухте, пос. Усогорск, а в 1995 г. в Сыктывкаре, Усинске и с. Усть-Кулом была организована трансляция программы телекомпании «НТВ», а в Сыктывкаре – канала «ТНТ».

Итак, в последнее десятилетие XX в. телевидение в Республике Коми получило развитие в трёх направлениях: государственное федеральное, государственное региональное и коммерческое (кабельное).

Основной тенденцией развития телевидения в регионе в начале XXI в. стала модернизация уже сложившейся телекоммуникационной инфраструктуры. В 2005–2009 гг. инвестиции в сфере трансляции и распределения программ телевидения и радиовещания составили 135,9 млн руб., введено 445 км радиорелейных линий связи. Широкое применение получило спутниковое телевидение.

Планомерно расширялось вещание Коми республиканского телевизионного канала (далее – КТРК) «Юрган», начавшего регулярные передачи 5 ноября 2001 года. В первый год работы КРТК готовил до 1 часа собственных программ в день, в 2006 г. этот объём составил 5 часов, а в 2012 г. – уже 7 часов. В сезоне 2012–2013 гг. телеканал производил и размещал в эфире более 40 собственных цикловых программ. В 2015 г. суточный объём вещания «Юргана» – 20 часов, это передачи собственного производства и приобретённый контент: программы и фильмы, подготовленные другими студиями, которые широко предлагаются на современном видеорынке. В 2001 г. охват населения республики телевизионным сигналом канала «Юрган» составлял 81%, в 2006 г. этот показатель увеличился до 90% благодаря вводу в эксплуатацию сети собственных эфирных передатчиков. В 2014 г. к зоне вещания регионального телеканала подключились абоненты спутникового телевидения. С вводом в эксплуатацию нового аппаратно-студийного комплекса КРТК обладает достаточным техническим и творческим потенциалом для освещения социально-экономической, культурной и политической жизни региона.

Ключевым в деятельности телевизионного канала «Юрган» является национальное вещание – треть программ создаётся на коми языке. Эта работа ведётся в нескольких направлениях: подготовка передач непосредственно на национальном языке; синхронный перевод на коми язык «бегущей строкой»; дублирование на коми язык популярных российских художественных и мультипликационных фильмов. В целом информационные

программы составляют 12,5% вещания, тематические – около 24%, более 60% – другая видеопродукция (в основном – приобретённый контент: документальные и художественные фильмы, сериалы, ток-шоу) [19].

Программная политика канала «Юрган» имеет крайне важное для национального региона значение ещё и потому, что в 2003 г. концепция региональных филиалов ВГТРК претерпела значительные изменения. Основной «продукт» ГТРК «Коми гор» сегодня – информационные программы «Вести – Коми», которые выходят на федеральном канале «Россия 1» 11 раз в день, а также тематические программы, составляющие около 25% от общего объёма вещания компании. В целом доля телепередач ГТРК «Коми гор» на коми языке превышает 33% [20].

Основные направления общей модернизации телекоммуникационной отрасли страны определены в Федеральной целевой программе «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы». Благодаря её реализации 95% населения России должно быть охвачено цифровым эфирным телевидением, которое обеспечит на всей территории качественное вещание и сменит существующее сейчас аналоговое. В 2013 г. в рамках исполнения Федеральной целевой программы Филиал Российской телевизионной и радиовещательной сети Радиотелецентр Республики Коми приступил к реализации строительства государственной сети цифрового эфирного телерадиовещания. Создание сети разбито на 3 этапа. На первом этапе в центре внимания будут радиотелевизионные передающие станции филиала в 11 крупных населённых пунктах: Сыктывкаре, Воркуте, Инте, Ухте, Печоре, Вуктыле, Усть-Цильме, Троицко-Печорске, Усогорске, Усть-Куломе, Койгородке. Проведена реконструкция на 3 существующих телепередающих башнях филиала (в Воркуте, Ухте, Сыктывкаре). На все объекты первого этапа доставлено необходимое оборудование. В августе 2014 г. в Республике Коми запущено цифровое телевещание в тестовом режиме. Это даёт возможность 90% жителей региона бесплатно смотреть 10 каналов, которые вошли в «Первый мультиплекс»: «Первый канал», «Россия-1», «Россия-2», «НТВ», «Пятый канал», «Россия-К», «Россия-24», «Карусель», «ТВ Центр», «Общественное телевидение России». После ввода в эксплуатацию всех объектов строительства в зоне уверенного приёма охват населения республики цифровым вещанием составит 98% [21].

Существенную роль в развитии телевизионного вещания играют коммерческие фирмы. Несмотря на активность на рынке крупных российских операторов, практически во всех городах республики по-прежнему функционирует кабельное телевидение. Анализ деятельности местных компаний, занимающихся телевещанием, показывает, что чувствовать себя уве-

ренно в условиях острой рыночной конкуренции им помогают умение оперативно откликаться на меняющиеся запросы потребителей, постоянное совершенствование и расширение сферы деятельности. В ряду таковых сыктывкарская компания «Кабельвидеоэфир», предоставляющая для просмотра более 180 цифровых и аналоговых каналов, многопрофильное предприятие «Волна» в Печоре, объединяющее печатные СМИ, радио и телевидение, ООО «ГСП» в Ухте, одно из направлений деятельности которого наряду с постоянным техническим перевооружением – подготовка телевизионных программ собственного производства.

Создание городскими телекомпаниями, имеющими значительный опыт деятельности на медиапространстве республики, собственной продукции – ещё одна очевидная тенденция развития региональных электронных СМИ. Наряду с рекламой и передачами, подготовленными на коммерческой основе, наибольший интерес зрителей вызывают информационные программы, в которых поднимаются вопросы, волнующие людей ежедневно: проблемы ЖКХ, благоустройства, общественного порядка и безопасности. Например, передачи «Усинск сегодня» ТРК «Усинск», выпуски новостей телекомпании «ВТК» г. Вуктыл.

В последнее время для электронных СМИ характерна тенденция к интеграции: дайджест основных новостей недели канала «Юрган» «Время новостей. Главное» выходит в эфир на канале ТНТ в сетке передач ПТО «Третий канал», информационные передачи МУП «Ухтинское телевидение» размещаются на ленте информационного агентства «Комиинформ». Такого рода объединение – ещё один способ привлечения зрительского интереса.

В расширении аудитории в последние несколько лет значительна роль взаимодействия телевидения и Интернета. На официальных сайтах администраций муниципальных образований постоянно размещаются видеосюжеты из информационных программ городских телестудий: «Акцент – Событие» телестудии «Пятый канал» г. Инта, «Воркута 7 Дней» телеканала ТВ-ГАЛО.

Роль «всемирной паутины» в формировании единого информационного пространства постоянно возрастает. В социальных сетях люди обсуждают важные вопросы, в том числе политические, социальные, экономические. В 2015 г., по данным исследования «Росиндекс» аналитической компании *Ipsos Comcon*, самым популярным каналом получения россиянами достоверной информации был Интернет: в первом полугодии новостям из сети доверяли 43% опрошенных, во втором – 42% [22]. Определённым маркером популярности Интернета является и такой показатель, как значительный рост размещаемой рекламной продукции. С каждым днём растёт

число пользователей, которые именно в сети смотрят интересующие их телепередачи. Телевидение «уходит» в Интернет, чтобы расширить свою зрительскую аудиторию. Например, число посетителей официального сайта ГТРК «Коми гор», на котором размещаются оригинальные информационные и тематические программы, фильмы и передачи из фондов компании, в 2015 г. увеличилось на 43%. Анализ географии говорит о том, что около 5% из них – почти из 70 зарубежных стран, а 22% россиян – из-за пределов Республики Коми [23].

Обобщая тенденции развития телевещания в Республике Коми в постсоветский период, необходимо отметить, что каждое из направлений, сформировавшихся в 1990-е гг. – государственное федеральное, государственное региональное и коммерческое телевидение, – востребовано и обрело свою нишу.

Создание КРТК «Юрган» позволило сохранить привычный для зрителей объём вещания на двух государственных языках – русском и коми – не только информационных, но и тематических программ. По сути, местное – региональное – телевидение в новых конкретно-исторических условиях получило иной, актуальный в этот момент виток развития и выполняет очевидно важную роль в формировании общего информационного и культурного ландшафта. Активно развивающееся параллельно федеральное государственное телевидение, модернизация телекоммуникаций, использование такого дополнительного канала развития телевещания, как Интернет, способствуют приумножению транслируемых каналов, увеличению зрительской аудитории и расширению информационного пространства.

* * *

1. См. подробнее: *Линкова Н.Ю.* Становление и развитие телевидения Республики Коми во второй половине XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2014.

2. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р-1336. Оп.1. Д.1809. Л.4.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1971. – Т.7.

4. *Багиров Э.Г.* Основы телевизионной журналистики: учеб. пособие / под ред. А.Я. Юровского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: МГУ, 1987.

5. НА РК. Ф.Р-1336. Оп.1. Д.1079. Л.15–17, 64–66.

6. НА РК. Ф.Р-1336. Оп.1. Д.2460. Л.264–269.

7. НА РК. Ф.Р-1336. Оп.1. Д.1766. Л.26–32; Д.1032. Л.32–38; Д.1023. Л.2–5.

8. НА РК. Ф.Р-1336. Оп.1. Д.1039. Л.100.

9. НА РК. Ф.Р-605. Оп.1. Д.2460. Л.264–269.

10. НА РК. Ф.Р-1336. Оп.1. Д.2052. Л.85.

11. НА РК. Ф.Р-1336. Оп.1. Д.2315. Л.34–39; Д.2348. Л.27–29.

12. Собрание законодательных и нормативных актов по вопросам телевизионного и радиовещания в Российской Федерации. – М., 1996. – С.127, 143.

13. О совершенствовании работы государственных электронных средств массовой информации: указ Президента РФ от 08.05.1998 № 511. – URL: http://docs.cntd.ru/document/901707831

14. О формировании единого производственно-технологического комплекса государственных электронных средств массовой информации: постановление Правительства РФ от 27.07.1998 № 844. – URL: http://docs.cntd.ru/document/901713602

15. НА РК. Ф.Р-1336. Оп.1. Д.2402, 2545, 2658, 2762.

16. О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 // Рос. газета. – 1992. – 8 февр.

17. НА РК. Ф.Р-1336. Оп.1. Д.2353. Л.84–89.

18. О создании государственного телевизионного канала Республики Коми: указ Главы Республики Коми от 03.09.1996 № 233. – URL: http://komi.news-city.info/docs/sistemaw/dok_peyzhz.htm

19. Официальный сайт Коми республиканского телевизионного канала «Юрган». – URL: http://www.юрган.рф/informatsiya/o_telekanale

20. Текущий архив ГТРК «Коми гор». – 2015.

21. Официальный сайт Филиала РТРС «РТПЦ Республики Коми». – URL: http://komi.rtrs.ru/dtv/common

22. Доверие к телевидению упало до уровня 2001 года (09.04.2016). – URL: http://wwww.bnkomi.ru/data/news/49103

23. Официальный сайт ГТРК «Коми гор». – URL: http://komigor.com

УДК 930:323.21(470.1)“19/20”

Е.Н. Рожкин,
канд. экон. наук, ст. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОГРАММНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ*

Территория Европейского Северо-Востока России складывается из территорий Республики Коми и Ненецкого автономного округа. В 20-х гг. прошлого века они составляли одно целое. Но и после разделения процессы, происходящие в этих субъектах РФ, оставались весьма схожими. Определяющей в этом тандеме была и остаётся Республика Коми, численность населения которой больше почти в 20 раз. Республика Коми – полиэтнический регион, который характеризуется значительным уровнем межэтнической толерантности и этнополитической стабильностью. Государственная национальная политика в Республике Коми всегда была направлена на сохранение этой стабильности. Национальная политика – составная часть социальной политики. Под ней понимается курс государства в национальном вопросе, языково-культурном развитии этносов и вместе с тем развитие межнациональных отношений.

Межнациональные отношения – чрезвычайно сложная, обладающая определённой самостоятельностью сфера общественной жизни. Они во многом определяют формирующиеся в обществе экономические, социальные и политические отношения.

Основные принципы национальной политики Республики Коми закреплены в её конституции, законах и специальных программах. Среди приоритетов необходимо назвать сохранение и развитие культуры, языка коми народа. Следует признать, что остаётся актуальной и задача созда-

© Рожкин Е.Н., 2016

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований УрО РАН «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)» (проект № 15-13-6-24).

ния условий для социально-экономического и национально-культурного развития представителей всех национальностей, проживающих в республике. К основным задачам национальной политики также относится обеспечение условий для участия граждан всех национальностей в общественно-политических процессах через их национально-культурные организации.

Практическая реализация Государственной национальной политики уже в течение ряда лет осуществляется программными методами, что позволяет комплексно реализовать стоящие в сфере национальных проблем задачи.

Государственная программа – это целевая программа планирования действий организационного, производственно-технологического и социального характера, взаимосвязанных по срокам, направленная на достижение поставленной государством единой цели и решение проблемы, сбалансированная по финансовым, кадровым и прочим ресурсам. Государственная программа – это система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности. Государственная программа – это научно обоснованное представление о состоянии какого-либо отдельного (локального) объекта управления через определённый период времени (5, 10 или более лет) на основании реализации поставленной цели и выполнения комплекса мероприятий, согласованных по ресурсам, срокам и исполнителям. Помимо этого программа должна содержать прогноз конечных результатов, характеризующих целевое состояние (изменение состояния) уровня и качества жизни населения, социальной сферы, экономики, государственных институтов, степени реализации других общественно значимых интересов и потребностей в соответствующей сфере; сроки реализации государственной программы в целом, этапы и сроки их реализации с указанием промежуточных показателей; информацию по её ресурсному обеспечению [1].

Органы управления в сфере национальной политики существуют в Республике Коми с 1993 г., но программный метод управления утвердился в практике государственного управления не сразу, пройдя ряд этапов. Причём в разных направлениях национальной политики это развитие происходило постепенно и разноускоренно.

I этап – от планов мероприятий к целевым программам в сфере национальной политики: формирование программного подхода (1993–1996).

Данный этап характеризуется подготовкой и реализацией планов мероприятий по большинству возникающих проблем. Некоторые их этих

планов носят название «Программа», но, по сути, остаются наборами мероприятий, собранных воедино преимущественно по предложениям районных администраций и общественных организаций. Не были утверждены научно разработанные цели и задачи, не были выработаны и обоснованы целевые показатели, средства выделялись несистематично и не в полном объёме. Количество «программ» и планов мероприятий, действовавших в течение года, было велико, средства распылялись. Например, в 1996 г. в бюджете республики отдельными строками было выделено финансирование различных планов мероприятий в области национальной политики по 7 позициям, заказчиком которых выступало Министерство национальной политики Республики Коми (далее – Миннац РК) [2].

В 1993 г. в системе исполнительных органов власти был создан Государственный комитет Республики Коми по делам национальностей, с 1994 г. преобразованный в министерство (Миннац РК), перед которым в качестве одной из важнейших задач было определено формирование законодательной базы в области межнациональных отношений. За годы реформ в республике сложилась добротная законодательная база национальной политики. Создание её было непростым делом. Законы принимались, затем изменялись или даже отменялись. Например, в 2003 г. признан утратившим силу Закон Республики Коми «О статусе Съезда коми народа» от 26.05.1992, который регламентировал взаимоотношения органов исполнительной власти и представительного органа коми народа в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Но изменялось российское законодательство, менялись демографические и миграционные показатели, модифицировалась и ситуация в целом. Эти трансформации определяли этапы формирования программного управления государственной национальной политикой в Республике Коми.

Сохранение и развитие культуры, языка коми народа. В мае 1992 г. был принят Закон «О государственных языках Республики Коми», который придал коми и русскому языкам статус государственных [3]. Тогда же был принят Закон «О статусе Съезда коми народа» [4]. Съезд получил статус высшего представительного форума коми народа, право законодательной инициативы, рассмотрение решений съезда органами государственной власти республики стало обязательным. На этом этапе при непосредственном участии Миннаца РК был принят ряд важнейших правовых документов в сфере национальной политики. Среди них – Конституция Республики Коми (принята 17 февраля 1994 г.) [5], в которую были включены: ст.3, определяющая коми народ как источник государственности Республики Коми; ст.76, закрепляющая за Съездом коми народа право законодательной инициативы; ст.27, фиксирующая за всеми народами, проживающими

в республике, право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Также были приняты законы Республики Коми «Об образовании» (декабрь 1993 г.) и «О культуре» (декабрь 1994 г.).

Разработаны и приняты программы реализации Закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми»: часть I «Сохранение и развитие коми языка» (первый этап в 1994 г., второй – в 1998 г.), часть II «Сохранение и развитие русского языка» (1998). К сожалению, целевые показатели не были разработаны. Исполнение программных мероприятий пришлось на годы кризиса. Финансирование было произведено не более чем на 40%.

Национально-культурное развитие представителей всех национальностей. Поддержка национально-культурных организаций. Существующая в этой области правовая база создавалась в республике годами. В 1993 г., когда был создан Госкомитет Республики Коми по делам национальностей, такой базы не существовало, поэтому первое, что было сделано комитетом при активном участии национальных объединений, – это разработка проекта Постановления Совета Министров Республики Коми «О первоочередных мерах по государственной поддержке реализации программ национально-культурных обществ и объединений» [6]. Правительство 2 марта 1994 г. утвердило это постановление и мероприятия по его реализации: Министерству финансов было поручено предусмотреть бюджетные средства на реализацию мероприятий, а местным администрациям рекомендовано осуществлять поддержку национально-культурных объединений.

Однако первым государственным документом в сфере реализации интересов представителей других национальностей, проживающих в Республике Коми, стала принятая Президиумом Верховного Совета Республики Коми в апреле 1993 г. по инициативе немецкого общества «Видергебурт» (Возрождение) Программа социально-экономического и культурного развития российских немцев в Республике Коми [7]. Программой в современном понимании её назвать нельзя, фактически это был амбициозный план мероприятий, включавший в себя строительство «Немецкой слободы», организацию немецкой национальной школы, открытие немецкого центра, коми-немецкого банка, представительств немецких фирм в Республике Коми и прочие прожекты, вызывающие ныне только улыбку. Профинансированы эти мероприятия были не более чем на 5%.

На этом этапе шло активное формирование нормативной базы. По инициативе Министерства по делам национальностей были приняты основополагающие законодательные акты в сфере государственной на-

циональной политики – Концепция государственной национальной политики (октябрь 1996 г.), Закон Республики Коми «О национально-культурной автономии» (ноябрь 1996 г.).

Участие в управлении социально-экономическими процессами, имеющими этнические аспекты. При участии Миннаца РК в этот период были приняты основополагающие законы республики – «О недрах» (1996), «О местном самоуправлении» (1997), вносились изменения в Земельный кодекс (1991), в Закон «О лесе» (1990) и др., в части, касающейся интересов коренного народа. Был принят Закон Республики Коми «О снижении возраста гражданам Республики Коми на приобретение, хранение и ношение охотничьего гладкоствольного оружия» (1997).

В рамках реализации объявленного Генеральной Ассамблеей ООН с 1994 г. Международного десятилетия коренных народов мира (Резолюция от 21.12.1993 № 48/163) в ноябре 1995 г. принят Указ Главы Республики Коми «О мероприятиях по подготовке и проведению международного десятилетия коренных народов мира».

В области защиты прав коренных малочисленных народов, проживающих на территории Республики Коми, Указом Главы Республики Коми в августе 1997 г. утверждена программа «О мероприятиях по социальной защите коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Республики Коми». Во исполнение решений IV Съезда коми народа (ноябрь 1995 г.), основным вопросом которого была проблема социально-экономического развития коми села, Главой Республики Коми 21 мая 1996 г. подписан Указ «О решениях IV Съезда коми народа», утверждавший Программу «Мероприятия по реализации предложений IV Съезда коми народа».

II этап – создание единого программного подхода к управлению национальной политикой в Республике Коми (1997–2003).

На этом этапе была сделана попытка выработать научно обоснованный программный подход. Было произведено объединение небольших по объёму и коротких по срокам планов мероприятий и программ в единую программу. Основание объединения – реализация поставленной цели и выполнение комплекса мероприятий, согласованных по ресурсам, срокам и исполнителям. Был сделан прогноз конечных результатов государственной программы, характеризующих целевое состояние (изменение состояния) сферы национальной политики. Вошло в практику регулярное проведение социологических исследований, сформирован блок показателей, изменение которых позволило оценивать эффективность программ. Внедрены ежегодные конкурсы проектов для национально-культурных объединений (далее – НКО) и других организаций, участвующих в проведении

национальной политики. Именно на этом этапе НКО начали получать конкурсное финансирование своих мероприятий.

Первая попытка создать такую программу была сделана в 1997 г., когда 3 марта Указом Главы Республики Коми № 44 была утверждена Комплексная целевая программа реализации государственной национальной политики Республики Коми на 1997–1999 годы. В этой программе были все необходимые разделы, в программных мероприятиях были выделены следующие разделы: развитие правовой базы; сфера политического развития; сфера социально-культурного развития; экономическое обеспечение. В 2000 г. 6 марта Указом Главы Республики Коми была утверждена следующая подобная программа, уже на 2000–2003 годы. Произошло дальнейшее укрупнение задач: в программу вошли разделы, охватывавшие все направления национальной политики, кроме развития государственных языков и реализации решений Съездов коми народа: развитие правовой базы, социально-экономическое развитие, коренные малочисленные народы, национально-культурное развитие, поддержка национально-культурных автономий, создание системы центров национальных культур.

В эти же годы продолжалась работа по разработке и реализации целевых республиканских программ в области языковой политики. В период с 1994 по 2003 г. в Коми были реализованы 4 такие программы с целью формирования реального двуязычия, в том числе в сфере государственного управления, образования, средств массовой информации, культуры. Исполнителями программ кроме органов управления и местного самоуправления были высшие республиканские учебные заведения, в частности Сыктывкарский государственный университет, Коми государственный педагогический институт, а также Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

III этап – начало отступления от программного подхода к дроблению целей, задач и финансирования (2004–2012).

На этом этапе в результате ряда факторов, среди которых были как субъективные (смена руководства в правительстве), так и объективные (изменение федерального и республиканского законодательства в сфере программного управления, вхождение Миннаца РК в Министерство культуры Республики Коми) происходил откат от единой системы управления национальной политикой в республике программным путём. Перестали создаваться, утверждаться и выполняться единые программы в этой сфере, финансирование снова размывалось по ряду статей в бюджете, в планах мероприятий бóльший вес получили культурно-массовые и праздничные. Национальная политика постепенно уходила с самостоятельных позиций и становилась одной из линий в других направлениях, в первую очередь в культурной политике.

В это время действовали:

- План мероприятий по реализации государственной национальной политики на 2004–2007 гг.;

- План социально-экономических мероприятий Правительства по реализации Концепции государственной национальной политики Республики Коми (принят в сентябре 2004 г.);

- План мероприятий по реализации государственной национальной политики Республики Коми на 2008–2010 гг.;

- План социально-экономических мероприятий Правительства Республики Коми по реализации Концепции государственной национальной политики Республики Коми (утверждён в июле 2008 г.);

- мероприятия национальной политики были также включены в регулярно принимаемые программы по профилактике и противодействию терроризму, преступлениям и правонарушениям экстремистской и националистической направленности в Республике Коми и в программы «Культура».

В то же время одно из важнейших направлений в государственной национальной политике – развитие государственных языков – на этом этапе продолжало оставаться в правовом поле программного управления. В 2005 г. был принят закон о целевой республиканской программе «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми на 2005–2009 годы». Затем выполнялась республиканская целевая программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми (2010–2012 годы)».

Видно, что это направление в рассматриваемый период ещё держало позиции самостоятельного и считалось важнейшим. На следующем, IV этапе развитие государственных языков также поглощается понятием общекультурного развития и входит в качестве подпрограммы в общую программу «Культура Республики Коми».

IV этап – переход к рассеянному управлению национальной политикой (2013 г. – настоящее время).

Третий этап логично завершился понижением уровня управления национальной политикой и перераспределением полномочий. Одна из главных причин свершившегося – упразднение специального органа управления национальной политикой на федеральном уровне. К тому же в России возрастало влияние патриотического воспитания, которое во многом подменило национальную политику.

Мероприятия национальной политики финансируются в этот период по различным строкам республиканского бюджета:

- государственная программа Республики Коми «Культура Республики Коми» (сохранение и развитие государственных языков Республики

Коми, этнокультурные и просветительские мероприятия по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, укрепление гражданского единства, сохранение этнокультурного многообразия);

- государственная программа «Защита населения и территорий Республики Коми от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности» (обеспечение работы системы мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, повышение квалификации специалистов в сфере этноконфессиональных отношений);

- государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. (социально-экономическое и этнокультурное развитие коренных малочисленных народов Севера, создание условий для сохранения традиционного образа жизни и защиты прав коренных малочисленных народов Севера);

- государственная программа Республики Коми «Развитие образования» (профилактика негативных явлений в молодёжной среде, формирование культуры межнационального общения в молодёжной среде, духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодёжи);

- государственная программа Республики Коми «Социальная защита населения» (поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций в области гармонизации межнациональных отношений);

- ведомственная целевая программа «Республика Коми – территория межнационального мира и согласия (2011–2013 гг.)»;

- региональная программа Республики Коми по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Коми – территория межнационального мира и согласия (2014–2020 годы)».

Соответственно распылены и анализ обстановки в сфере государственной национальной политики, не коррелируются между собой индикаторы выполнения (срыва исполнения) намеченного, нет общего понимания целей и задач, видения общего направления пути и обобщающего осмысления результатов. Остались только перечисление выполненных мероприятий и победный подсчёт числа посетивших культурно-массовые мероприятия «по нарастающей». И в итоговой справке за 2014 г. Миннац РК отмечал, что «удельный вес населения, участвующего в мероприятиях в области реализации государственной национальной политики Республики Коми», в 2014 г. составил 48,7%». То есть охват по справке – каждый второй. И этот индикатор стал решающим.

* * *

1. Портал государственных программ Российской Федерации. – URL: http://programs.gov.ru/Portal/site/index (дата обращения: 11.05.2016).

2. Справка о работе Министерства по делам национальностей Республики Коми за 1996 г. // Рожкин Е.Н., Таскаев М.А. Документы по истории Министерства национальной политики Республики Коми и межнациональных отношений в Республике Коми (конец XX – начало XXI веков). – Сыктывкар, 2013. – С.116–120.

3. См.: *Рожкин Е.Н., Таскаев М.А.* Документы по истории Министерства национальной политики Республики Коми и межнациональных отношений в Республике Коми (конец XX – начало XXI веков). – Сыктывкар, 2013. – С.26–32.

4. См.: *Рожкин Е.Н., Таскаев М.А.* Указ. соч. – С.24–25.

5. См.: *Рожкин Е.Н., Таскаев М.А.* Указ. соч. – С.78–88.

6. О первоочередных мерах по государственной поддержке реализации программ национально-культурных обществ и объединений: постановление Совета Министров Республики Коми от 02.03.1994 № 94 // Информационный бюллетень Министерства по делам национальностей Республики Коми. – 1994. – № 1. – С.8.

7. См.: *Рожкин Е.Н., Таскаев М.А.* Указ. соч. – С.41–47.

Научное издание

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ СЕВЕРНОЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Сборник статей

Редактор *Г.Г. Оверина*
Корректор *М.С. Жилина*
Компьютерная вёрстка *И.М. Титовой*

Подписано в печать 28.12.2016. Формат 60x84 1/16.
Бумага «Снегурочка». Гарнитура «Times». Печать – ризография.
Усл. п. л. 16,6. Заказ № 44.
Тираж 100 экз.

Адрес издательства:
Коммунистическая ул., д. 11, Сыктывкар, 167982

Отпечатано в ГОУ ВО КРАГСиУ